

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА
СЕРГЕЙ ИВАНОВ

КОМУ (НЕ) НУЖЕН
ТРЕХЛЕТНИЙ ОТПУСК
ПО УХОДУ ЗА РЕБЕНКОМ?
ИРИНА КАЛАБИХИНА
ПОЛИНА КУЗНЕЦОВА

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ВЕРОЯТНОСТЬ
РОЖДЕНИЯ НЕДОНОШЕННОГО РЕБЕНКА
ЛЮБОВЬ ЩЕВЬЁВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ ИММИГРАНТОВ
В КОНТЕКСТЕ ИХ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ:
ОТНОШЕНИЕ К РАЗВОДАМ И
ДОБРАЧНЫМ СЕКСУАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ
АННА ЭНДРЮШКО

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ
ИЗ РОССИИ В ГЕРМАНИЮ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ GOOGLE-ТРЕНДОВ
ГЕОРГИЙ БРОНИЦКИЙ
ЕЛЕНА ВАКУЛЕНКО

КАЛМЫКИ РСФСР
В ПОСЛЕДЕПОРТАЦИОННЫЙ ПЕРИОД
(КОНЕЦ 1950-Х – 1980-Е ГОДЫ):
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ, РАССЕЛЕНЧЕСКИЕ,
ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ
СЕРГЕЙ СУЩИЙ

БРАК И АНТИХРИСТ:
СТОЛЕТИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ БРАКУ
СРЕДИ КРЕСТЬЯНОК СПАСОВА СОГЛАСИЯ
АБЫ ШУКЮРОВ

демографическое обозрение

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Сергей Владимирович ЗАХАРОВ

Заместитель главного редактора

Сергей Андреевич ТИМОНИН

Заместитель главного редактора

Никита Владимирович МКРТЧЯН

Ответственный секретарь редакции

Анастасия Ивановна ПЬЯНКОВА

Корректор

Наталья Станиславовна ЖУЛЕВА

Компьютерная вёрстка и графика

Кирилл Владимирович РЕШЕТНИКОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Виктор АГАДЖАНЯН

Евгений АНДРЕЕВ

Василий ВЛАСОВ

Ольга ГАГАУЗ

Михаил ДЕНИСЕНКО

Сергей ЗАХАРОВ

Сергей ИВАНОВ

Алла ИВАНОВА

Ольга ИСУПОВА

Ирина КАЛАБИХИНА

Михаил КЛУПТ

Никита МКРТЧЯН

Анна МИХЕЕВА

Владимир МУКОМЕЛЬ

Лилия ОВЧАРОВА

Павел ПОЛЯН

Анастасия ПЬЯНКОВА

Мария САВОСКУЛ

Сергей ТИМОНИН

Андрей ТРЕЙВИШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Барбара А. АНДЕРСЕН

Мишель ГИЙО

Павел ГРИГОРЬЕВ

Ирина ЕЛИСЕЕВА

Наталья ЗУБАРЕВИЧ

Владимир ИОНЦЕВ

Казухиро КУМО

Дэвид ЛЕОН

Элла ЛИБАНОВА

Массимо ЛИВИ БАЧЧИ

Тамара МАКСИМОВА

Татьяна МАЛЕВА

Франс МЕЛЕ

Борис МИРОНОВ

Светлана НИКИТИНА

Томаш СОБОТКА

Влада СТАНКУНЕНЕ

Марк ТОЛЬЦ

Владимир ШКОЛЬНИКОВ

Сергей ЩЕРБОВ

Николас ЭБЕРШТАД

ЖУРНАЛ ОСНОВАН АНАТОЛИЕМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ ВИШНЕВСКИМ (1935-2021) В 2014 ГОДУ.

Выпускается ежеквартально. Издается с 2014 года.

Все рукописи проходят обязательное предварительное рецензирование.

Позиция Редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.

Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией.

Журнал зарегистрирован 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл № ФС77-67362.*

ISSN 2409-2274

Контакты 109028 Россия, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., дом 3, офис 303

Телефон: 8-495-772-95-90*11864 / *11824

www.demreview.hse.ru

demreview@hse.ru

EDITORIAL OFFICE:

Editor-in-Chief
Sergei V. ZAKHAROV

Deputy Editor-in-Chief
Sergey A. TIMONIN

Deputy Editor-in-Chief
Nikita V. MKRTCHYAN

Managing Editor
Anastasia I. PYANKOVA

Proofreader
Natalia S. ZHULEVA

Design and Making-up
Kirill V. RESHETNIKOV

EDITORIAL BOARD:

Victor AGADJANIAN
Evgeny ANDREEV
Mikhail DENISSENKO
Olga GAGAUZ
Olga ISUPOVA
Sergey IVANOV
Alla IVANOVA
Irina KALABIKHINA
Mikhail KLUPT
Nikita MKRTCHYAN

Anna MIKHEEVA
Vladimir MUKOMEL
Lilia OVCHAROVA
Pavel POLIAN
Anastasia PYANKOVA
Maria SAVOSKUL
Sergey TIMONIN
Andrey TREIVISCH
Vasily VLASSOV
Sergey ZAKHAROV

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Barbara ANDERSON
Nicholas EBERSTADT
Irina ELISEEVA
Pavel GRIGOREV
Michel GUILLOT
Vladimir IONTSEV
Kazuhiro KUMO
David LEON
Ella LIBANOVA
Massimo LIVI BACCI
Tamara MAKSIMOVA

Tatyana MALEVA
France MESLE
Boris MIRONOV
Svetlana NIKITINA
Tomas SOBOTKA
Sergei SCHERBOV
Vladimir SHKOLNIKOV
Vlada STANKUNIENE
Mark TOLTS
Natalia ZUBAREVICH

FOUNDED BY ANATOLY G. VISHNEVSKY (1935-2021) IN 2014.

Released quarterly. Published since 2014.

All manuscripts are obligatory peer-reviewed.

Editorial office position does not necessarily coincide with the views of the authors.

Reproduction of any materials is possible only by agreement with the editorial office.

*The journal is registered on October 13, 2016 in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Certificate of Mass Media Registration ЭЛ № ФС77-67362.
ISSN 2409-2274*

**Editorial
address**

Bolshoy Trekhsvyatitelskiy lane 3, office 303, Moscow, 109028, Russia
Phone: 8-495-772-95-90 * 11864 / *11824

www.demreview.hse.ru
demreview@hse.ru

Оригинальные статьи

The central mechanism of
the demographic transition

Sergey Ivanov

4-23

Центральный механизм
демографического перехода

Сергей Иванов

Who needs (or doesn't)
three years of parental
leave?

*Irina Kalabikhina,
Polina Kuznetsova*

24-43

Кому (не) нужен
трехлетний отпуск по уходу за ребенком?

Ирина Калабихина, Полина Кузнецова

Impact of social-economic
and demographic factors
on probability of preterm
birth

Liubov Shchevyeva

44-57

Влияние социально-экономических и
демографических факторов на
вероятность рождения недоношенного
ребенка

Любовь Щевьёва

The transformation of
immigrant values in the
context of their cultural
integration: attitudes
towards divorce and
premarital sexual relations

Anna Endryushko

58-74

Трансформация ценностей иммигрантов в
контексте их культурной интеграции:
отношение к разводам и добрачным
сексуальным отношениям

Анна Эндрюшко

Using Google Trends
for external migration
prediction

*Georgy Bronitsky,
Elena Vakulenko*

75-92

Прогнозирование миграции
из России в Германию с использованием
Google-трендов

Георгий Броницкий, Елена Вакуленко

Kalmyks of the Soviet Russia
in the post-deportation
period (late 1950s – 1980s):
demographic, settlement
and gender aspects

Sergey Sushchiy

93-114

Калмыки РСФСР в последепортационный
период (конец 1950-х – 1980-е годы):
демографические, расселенческие,
гендерные аспекты

Сергей Суций

Marriage and the antichrist:
a century of opposition to
marriage among peasant
women of the Spasovo
Soglasie

Aby Shukyurov

115-120

Брак и антихрист:
столетие противостояния браку
среди крестьянок Спасова согласия

Абы Шукюров

Центральный механизм демографического перехода

Сергей Феликсович Иванов
(sfivanov84@gmail.com), Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

The central mechanism of the demographic transition

Sergey F. Ivanov
(sfivanov84@gmail.com), Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Резюме: В статье основное внимание уделяется ключевому механизму демографического перехода – детерминации рождаемости детской смертностью. Трансформация поведения, максимизирующего рождаемость, в рациональное целеполагание с последующим уменьшением идеального размера семьи, стала возможной благодаря радикально возросшей предсказуемости размера семьи по мере улучшения выживаемости детей.

Регрессия коэффициента суммарной рождаемости на коэффициент детской смертности для всех развивающихся стран (с населением, превышающим 1 млн человек в 2020 г.) за период 1970-2020 гг. даёт национальные коэффициенты детерминации в диапазоне от 0,67 до 0,97. При этом соответствующие графики линейны в основной фазе перехода и нелинейны в начальной и заключительной фазах.

Нелинейность начальной фазы обусловлена тем, что рождаемость начинает сокращаться лишь после достижения смертностью некоего порога, за которым её снижение субъективно ощущается как существенное и надёжное. В основной фазе перехода связь рождаемости с детской смертностью линейна и тесна. На заключительном этапе перехода детская смертность перестаёт быть главным фактором рождаемости, уступив лидирующие места урбанизации, распространению образования, эмансипации женщин.

Формы функций, описывающих зависимость рождаемости от детской смертности, в целом универсальны, но все же межнациональные различия достаточно велики, чтобы говорить о трансрегиональных паттернах. Принадлежность страны к тому или иному паттерну отчасти зависит от того, в какой фазе демографического перехода находилась страна в рассматриваемый период.

Сравнение демографических и социально-экономических профилей Бангладеш и Нигерии показывает, как бедная ресурсами страна, проводящая прогрессивную социальную политику и эффективную программу планирования семьи, смогла завершить демографический переход в то время как богатая ресурсами, но неорганизованная страна буксует в его начальной фазе. Однако для того, чтобы избежать галолирующего роста населения, дающего к концу века население в полмиллиарда человек даже при условии быстрого снижения рождаемости, Нигерия должна встать на путь сверхбыстрого демографического перехода по типу, реализованному в Китае, Бангладеш, Алжире и Иране.

Ключевые слова: демографический переход, глобальный Юг, детская смертность, рождаемость, репродуктивное поведение, демографическая политика, программы планирования семьи.

Для цитирования: Иванов С.Ф. (2022). Центральный механизм демографического перехода. Демографическое обозрение, 9(3), 4-23. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16467>

Abstract: The article focuses on the key mechanism of the demographic transition - the determination of the birth rate by child mortality. The transformation of fertility-maximizing behavior into rational goal-setting and the consequent reduction in ideal family size was made possible by the radically increased predictability of family size as child survival improved.

Regression of the total fertility rate on the infant mortality rate for all developing countries (with a population greater than one million in 2020) over the period 1970–2020. provides national coefficients of determination in the range from 0.67 to 0.97. The corresponding graphs are linear in the main phase of the transition and non-linear in the initial and final phases.

The nonlinearity of the initial phase is due to the fact that the birth rate begins to decline only after the death rate reaches a certain threshold, beyond which its decline is felt as significant and reliable. In the main phase of the transition, the relationship between fertility and child mortality is linear and close. At the final stage of the transition, infant mortality ceases to be the main factor of fertility decline, giving way to urbanization, spread of education, and emancipation of women.

The forms of functions that describe the dependence of fertility on child mortality are generally universal, but nevertheless international differences are large enough to speak of transregional patterns. Whether a country belongs to one or another pattern partly depends on what phase of the demographic transition the country was in during the period under review.

A comparison of the demographic and socioeconomic profiles of Bangladesh and Nigeria shows how a resource-poor country with a progressive social policy and an effective family planning program has been able to complete the demographic transition, while a resource-rich but disorganized country has bogged down in its initial phase. However, in order to avoid a runaway population growth towards half a billion by the end of the century, even according to the low United Nations hypothesis, Nigeria must embark on a super-rapid demographic transition of the type experienced by China, Bangladesh, Algeria, and Iran.

Keywords: *demographic transition, child mortality, fertility, reproductive behavior, population policy, contraception, family planning program.*

For citation: *Ivanov S. (2022). The central mechanism of the demographic transition. Demographic Review, 9(3), 4-23. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16467>*

Демографический переход: структура и концепции

Демографический переход¹ от традиционного режима воспроизводства населения к современному является кардинальным общественным изменением такого же уровня, как индустриализация, урбанизация и культурная революция.

Эти преобразования взаимосвязаны; долговременная стагнация одного из них может блокировать прогресс в других сферах. Демографический переход может способствовать охвату населения формальным образованием и даже ускорять экономический рост. И наоборот, экономическая стагнация консервирует традиционное репродуктивное поведение. Вместе с тем одни взаимодействия (например, зависимость смертности от экономики и социокультурных параметров) более тесны, чем другие (например, зависимость рождаемости от урбанизации). Поскольку демографический переход является системной трансформацией демографического поведения, в нем есть ведущие и ведомые процессы, в разной степени открытые для внешних воздействий.

При этом воспроизводство населения является гораздо более жёсткой системой, чем, например, воспроизводство экономики или социума. Это означает, что сила взаимодействий рождаемости со смертностью при определённых условиях (низкий уровень экономического развития) значительно превосходит силу внешних воздействий (например, урбанизации) на воспроизводство населения. Это также означает, что внешние воздействия на один из компонентов воспроизводства населения могут эффективно транслироваться в другой компонент.

Переход состоит из двух процессов. В результате снижения смертности продолжительность жизни при рождении растёт с 35-40 лет до 60 лет и больше, а суммарная рождаемость снижается с 5-8 детей на женщину до 2², что соответствует простому замещению поколений. Переход заканчивается при выходе демографических параметров на уровни, близкие к простому воспроизводству населения. На глобальном Севере демографический переход занял около столетия и завершился в 1970-е годы. В Латинской Америке и в Азии переход начался во второй половине 1960-х годов, а в Африке к югу от Сахары – на 2-3 десятилетия позднее (рисунок 1). К третьему десятилетию XXI века половина населения планеты завершила переход: рождаемость находится ниже уровня замещения поколений во всех развитых странах Севера (с совокупным населением в 1,3 млрд человек) и в 54 странах Юга (2,5 млрд человек), а в 17 развивающихся странах (2 млрд человек) превышает этот уровень не более чем на 10%. Если бы рождаемость на глобальном Юге не сократилась, то численность населения Земли к 2020 г. достигла бы не нынешних 7,8 млрд человек, а втрое большей величины.

¹ Термин «демографический переход» больше прижился в демографии, других общественных дисциплинах, международных организациях и публицистике, хотя «демографическая революция» точнее отражает характер фундаментальных изменений воспроизводства населения. Здесь уместна аналогия с аграрной революцией, промышленной революцией, культурной революцией. Предпочтение было отдано «переходу» просто потому, что так повелось.

² Эти показатели необходимы и достаточны неспециалистам для понимания и описания долговременных демографических трендов и международных сопоставлений. Часто используемые общие коэффициенты рождаемости и смертности этим задачам не адекватны, так как находятся под сильным воздействием возрастной структуры населения.

Обнаруженные ещё в начале 1950-х годов закономерности перехода на глобальном Юге (универсальность; запаздывание снижения рождаемости по отношению к снижению смертности) и детерминанты репродуктивного поведения (урбанизация, индустриализация, культурная революция, эмансипация женщин) остаются в нарративе и статистических измерениях. Меняется акцент на конкретных механизмах и факторах перехода.

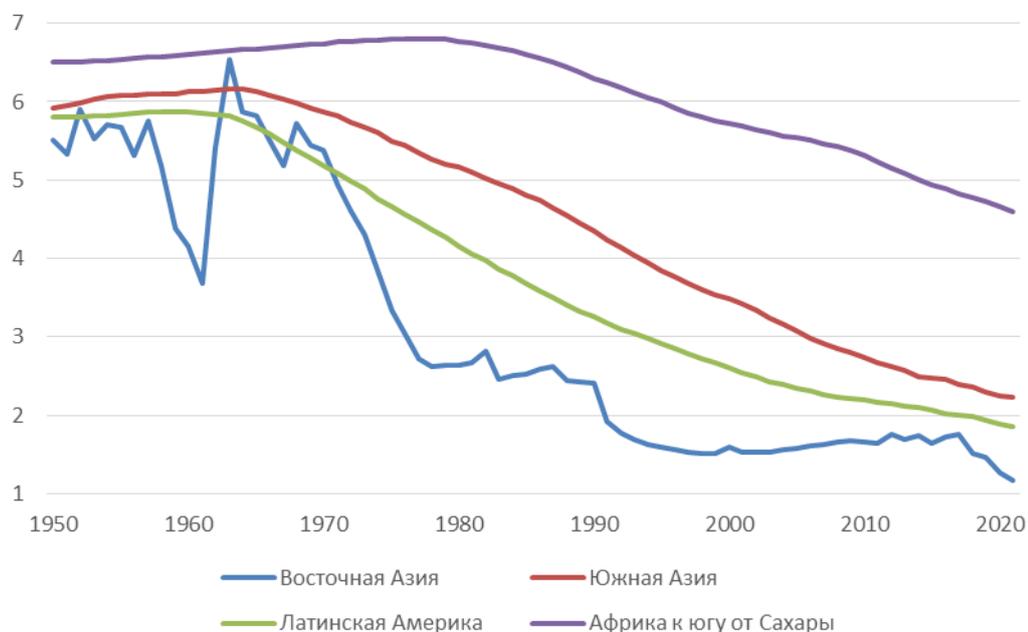
Глобальность трендов породила множество концепций, объясняющих высокую рождаемость и её снижение. Вот уже более полувека продолжается полемика между их адептами, однако она как правило проходит в имплицитном и, следовательно, мягком формате. Это обусловлено тем, что концепции предлагают не альтернативные, а взаимодополняющие точки зрения, гипотезы и выводы. Среди объясняющих концепций господствующую роль играет концепция демографического перехода (Notestein 1946; Вишневский 2014), которая очерчивает предметное поле и формулирует общие представления о репродуктивном поведении в традиционном обществе и его трансформации в современное поведение. Нормативная и структурирующая роли концепции демографического перехода обусловили её роль как теории высокого уровня, парадигмы знаний о воспроизводстве населения глобального Юга. Парадигма демографического перехода консолидирует частные концепции рождаемости и воспроизводства населения. Это, впрочем, не означает, что она в одинаковой мере покрывает собой все факторы детерминации рождаемости и все варианты перехода. Теория демографического перехода отлично «подошла» всем обществам глобального Юга, но споткнулась о порог менее высокой допереходной рождаемости в Европе, большей резистентности социально-экономическим преобразованиям и большей культурной детерминации. Эти свойства европейского репродуктивного поведения и демографического перехода были открыты давно (Coale, Watkins 1986), но и сейчас отсутствует убедительное системное объяснение различий переходов на глобальном Севере и глобальном Юге.

В рамках парадигмы демографического перехода развиваются взаимодополняющие частные теории, объясняющие превращение традиционного репродуктивного поведения в современное. В центре популярных объяснений – рост издержек на воспитание детей и возникновение конфликта между их количеством и качеством; обострение конфликта между деторождением и ростом возможностей для женщин участвовать в рынке наёмного труда; смена знака чистого потока ресурсов между поколениями; культурная диффузия новых норм репродуктивного поведения. Эти факторы действуют в контексте урбанизации, экономической модернизации и культурной революции.

Частные теоретические объяснения демографического перехода различны и вместе с тем комплементарны. Парадигма общей теории демографического перехода поддерживает практически все частные теории репродуктивного поведения. Так, сторонники теории гомеостазиса утверждают, что человеческие общества стремятся к демографической стационарности: снижение смертности нарушает равновесие, а снижение рождаемости его восстанавливает. Этот подход дал важные результаты, но в нем тонут социальные и культурные факторы человеческого поведения. В соответствии с другими подходами снижение рождаемости происходит под воздействием многообразных социальных, экономических и политических сил. Обе группы подходов нередко сходятся в том, что на макроуровне каузальная связь рождаемости со

смертностью сводится к усилению давления на ресурсы вследствие ускорения роста населения. На микроуровне эта связь действует через рост стоимости детей. Другой (но не альтернативный) взгляд на демографический переход фокусируется на изменении баланса потоков благ между поколениями в домохозяйствах.

Рисунок 1. Суммарная рождаемость в регионах глобального Юга, 1950-2020

Источник: Рассчитано автором по (United Nations 2022a).

Хотя в ряде авторитетных исследований проанализированы взаимосвязи между детской смертностью и рождаемостью в развивающихся странах глобального Юга (McNicol 1986; United Nations 1987; Lloyd, Ivanov 1988; Cleland 2001), эта важнейшая каузальная связь в демографическом переходе как системном явлении разработана недостаточно, что ограничивает понимание демографической истории и разработку эффективной демографической политики. Мы разделяем точку зрения, в соответствии с которой снижение детской смертности является необходимым условием трансформации репродуктивного поведения. Более того, снижение рождаемости вследствие снижения детской смертности является главным, центральным механизмом демографического перехода. Другие социальные мегапараметры способствуют этой трансформации или ей препятствуют. В какую сторону и в какой мере структурные изменения обществ видоизменяют траектории снижения рождаемости – интересный, важный и недостаточно изученный вопрос. Представляется, что концепция «центрального механизма» может рассматриваться как концепция мезоуровня и использоваться как для системного анализа мегатрансформаций (урбанизация, образование), так и для систематизации непосредственных (proximate) факторов демографического поведения.

Реализация этих возможностей предполагает концептуальное описание зависимости рождаемости от смертности и её измерение. Фактическая база глобального демографического прогноза ООН предоставляет такую возможность. World Population

Prospects 2022³ содержит надёжные сопоставимые оценки детской смертности и суммарной рождаемости в 237 странах, территориях и группах стран на период 1950-2021 гг. Оценки ООН основаны на данных 1758 национальных переписей населения, учёте естественного движения населения и 2890 репрезентативных выборочных обследований. Мы использовали вероятности умереть до достижения возраста 5 лет (детская смертность) и коэффициент суммарной рождаемости по всем странам глобального Юга (развивающиеся страны) с численностью населения более 1 млн чел. в 2021 г.

Роль детской смертности в детерминации рождаемости

Детская смертность определяет бóльшую часть вариации допереходной рождаемости, а снижение детской смертности объясняет бóльшую часть снижения рождаемости в течение начальной и основной фаз перехода. Впоследствии её роль в детерминации уровня рождаемости снижается вплоть до полного исчерпания в последней фазе перехода, хотя само снижение детской смертности обычно продолжается.

Данные таблицы 1 иллюстрируют радикальное изменение условий репродуктивного поведения при снижении детской смертности со сверхвысокого уровня до просто высокого. Мали является типичным примером африканской страны, прошедшей этот первый этап демографического перехода с запозданием на несколько десятилетий по отношению к странам других регионов Юга.

Таблица 1. Распределение женщин, родивших шестерых детей, по числу детей, доживших до 20-летнего возраста, в условиях сверхвысокой и высокой смертности, Мали, 1950, 2000, промилле

Число детей, доживших до 20 лет	Детская смертность 440 на тыс. живорождений, продолжительность жизни при рождении 26 лет (1950 г.)	Детская смертность около 200 на тыс. живорождений, продолжительность жизни при рождении 48 лет (2000 г.)
0	3	0
1	13	0
2	27	3
3	30	11
4	19	28
5	7	37
6	1	21
Всего	100	100
Среднее число доживших	2,7	4,6

Источники: (McNicol 1986; United Nations 2022a).

В режиме сверхвысокой детской смертности женщины в среднем рожали семерых детей, из которых половина не доживала до зрелости. Среди женщин, родивших шестерых детей, до своего 20-летия доживали все дети только у 1% женщин, 26% теряли 2-3 детей, 56% – 3-4 детей, а 16% оставались однопородными или бездетными. Это значит, что высокий средний уровень рождаемости в популяции в условиях сверхвысокой детской смертности на индивидуальном уровне не обеспечивал замещение поколений трети семейных пар. А для того, чтобы существенно поднять шансы вырастить до 20 лет не меньше троих детей,

³ <https://population.un.org/wpp/>

надо было родить как минимум семерых, что соответствует как теоретическому биологическому максимуму в плохих санитарно-гигиенических условиях, так и среднему числу рождений в странах Юга в прошлом. Таким образом, сверхвысокая детская смертность сводит разнообразие индивидуальных репродуктивных стратегий к максимизации числа рождений; в других терминах это называется естественной рождаемостью. Новый режим высокой (в отличие от сверхвысокой) смертности, сложившийся в Мали к концу XX века, характеризуется принципиально новыми распределениями итогового числа детей. То же число рождений (6) почти гарантирует дожитие до 20-летнего возраста как минимум трёх детей, а у 86% женщин будет по 4-6 взрослых детей. В этих условиях естественная рождаемость уступает место целенаправленным репродуктивным стратегиям.

Если смертность всё ещё высока, но уже появилась способность регулировать деторождение, зарождаются две репродуктивные стратегии: проактивная (страховая) и ретроактивная (компенсационная) (United Nations 1987; Lloyd, Ivanov 1988). Проактивная стратегия нацелена на достижение желаемого числа детей заведомо большим числом рождений. Она основана на представлении, что один или несколько детей вероятнее всего не доживут до зрелости, причём смерть может наступить в отдалённом будущем, даже за пределами репродуктивного периода жизни матери, когда уже нельзя будет компенсировать смерть одного ребёнка рождением другого. Поскольку родители не могут знать наперёд, сколько именно детей выживут, подавляющее большинство будет вести себя так, как если бы они были в группе повышенного риска. В результате многие родители завершают репродуктивный период с большим числом выживших детей, чем они бы хотели.

Компенсационная стратегия означает, что в семье происходят дополнительные рождения взамен умерших детей. Компенсационную стратегию нельзя изменить на страховую, в то время как родители, выбравшие страховую стратегию, могут изменить её на стратегию замещения, если окажется, что выживаемость уже рождённых детей выше, чем они предполагали. Страховая стратегия ведёт к более высокому уровню рождаемости в популяции, чем компенсационная.

Таблица 2. Теснота связи (коэффициент детерминации R^2) коэффициентов детской смертности и коэффициентов суммарной рождаемости в странах Юга, 1950-2022

	Африка к югу от Сахары	Северная Африка и Западная Азия	Восточная и Южная Азия	Латинская Америка	Все страны
Минимум	0,723	0,671	0,735	0,814	0,671
Первый квартиль	0,891	0,735	0,848	0,869	0,848
Медиана	0,914	0,775	0,907	0,918	0,906
Средняя	0,903	0,808	0,893	0,906	0,882
Третий квартиль	0,926	0,899	0,939	0,931	0,929
Максимум	0,959	0,969	0,966	0,983	0,983

Примечание: Все развивающиеся страны с населением, превышавшим 1 млн человек в 2021 г. Все коэффициенты значимы на уровне 0,001.

Источник: Рассчитано автором по (United Nations 2022a).

Тесная зависимость рождаемости от детской смертности проявляется в чрезвычайно высоких коэффициентах детерминации (таблица 2), рассчитанных для 110 развивающихся стран всех регионов глобального Юга по 72 точкам (годам)

наблюдения (1950-2022 гг.) В этом континууме минимальный коэффициент детерминации составил 0,67 – весьма почтенную величину для общественных явлений, а в 55 странах он превышает 0,88, что в обществоведении практически не встречается, не говоря о максимальных значениях в интервале 0,96-0,98. Эти показатели подтверждают тесную связь снижения рождаемости со снижением детской смертности, давно обоснованную автором (Lloyd, Ivanov 1987; United Nations 1987).

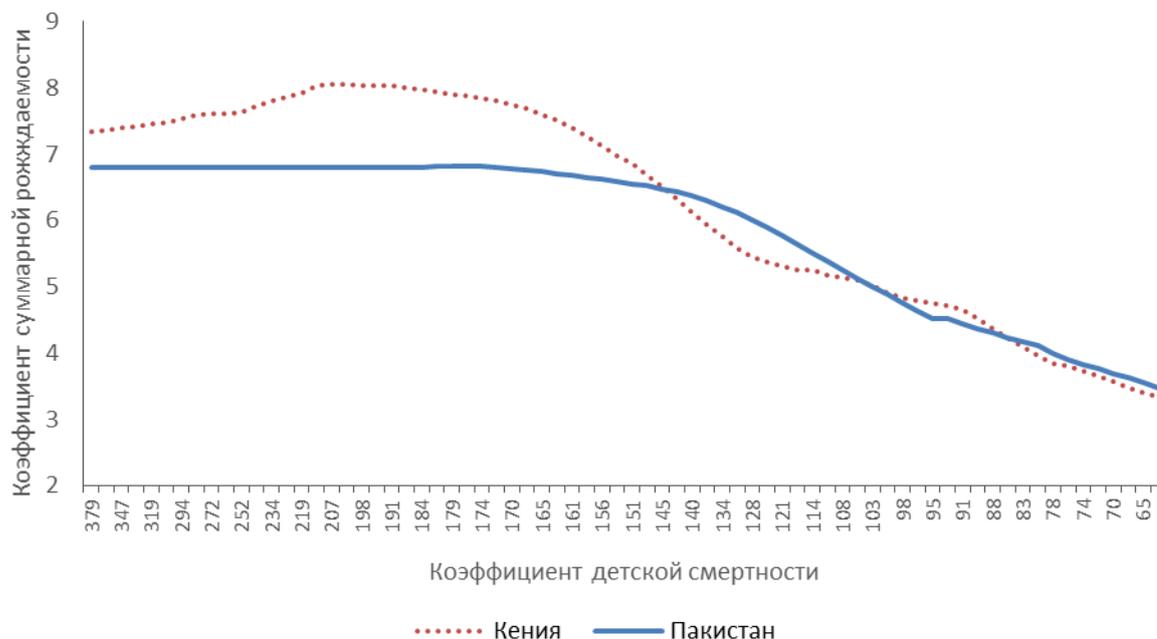
Некоторые исследования на первый взгляд ставят под сомнение существование указанной сильной связи. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что дело в неправильном выборе факторов и их спецификации. Слабость многоуровневой устойчивой связи рождаемости с детской смертностью в Латинской Америке (Palloni, Rafalimanana 1999) можно интерпретировать как следствие нескольких факторов, в том числе неадекватного выбора показателя смертности (младенческая смертность вместо детской), попытки обнаружить связи там, где их заведомо нет (среднесрочные флуктуации смертности и рождаемости), ожидаемого ослабления связи по мере снижения рождаемости и игнорирования фоновой смертности в детерминации индивидуальных репродуктивных историй. Несомненно, обследования здоровья и демографических параметров индивидов дают исключительно богатую базу данных для анализа индивидуального репродуктивного поведения. Однако использованные нами макропоказатели более адекватны поставленной задаче – измерить взаимосвязь детской смертности и рождаемости, поскольку эти показатели связаны не только индивидуальным опытом, но и адаптацией к фоновым характеристикам среды.

Зависимость рождаемости от детской смертности не линейна (рисунок 2). В ранней фазе демографического перехода детская смертность снижается ещё недостаточно для того, чтобы стать триггером снижения рождаемости; в основной фазе связь близка к линейной; в заключительной фазе другие факторы оттесняют детскую смертность на второй план. Перелом трендов рождаемости обычно происходит при снижении детской смертности ниже 150-200 промилле, что согласуется с моделью, представленной в таблице 1. Этот паттерн свойственен многим азиатским странам, в том числе Индии, Индонезии, Пакистану, Филиппинам, странам Северной Африки, Турции, многим странам Африки к Югу от Сахары (в том числе Нигерии и Эфиопии), а также наименее развитым странам Латинской Америки (Боливии, Гаити и Перу). Бывает и так, что недемографические (культурные, социальные, экономические) факторы так мощно подпирают многодетность, что снижение рождаемости задерживается, т. е. точка перелома сдвигается к более низкому уровню детской смертности (100-150 промилле), как это произошло в Китае, Бразилии и Мексике.

В кенийском паттерне, свойственном всем странам к югу от Сахары, демографический переход особенно сильно отклоняется от «классической» азиатской модели. Во многих африканских странах сверхвысокая детская смертность доминировала до конца XX века и сочеталась с особенно плохим состоянием репродуктивного здоровья женщин. Поэтому пока снижение детской смертности не «пересилило» эффект одновременного улучшения репродуктивного здоровья, суммарная рождаемость выросла на 1-2 рождения. С другой стороны, эффективная антинаталистская демографическая политика способствовала тому, что, раз начавшись, снижение рождаемости пошло быстрее, чем в других странах региона.

Различия кривых, описывающих взаимосвязи детской смертности и рождаемости, существенны для анализа демографического развития некоторых стран. Вместе с тем эти различия недостаточны для того, чтобы поставить под сомнение кардинальную роль этой взаимосвязи в механизме демографического перехода.

Рисунок 2. Зависимость рождаемости от детской смертности в Пакистане и Кении, 1950-2021

Источник: Рассчитано автором по (United Nations 2022a).

Модернизация общества включает демографический переход, который взаимодействует с ее другими составными частями: урбанизацией, индустриализацией, распространением современного образования, эмансипацией женщин, технологическим и политическим прогрессом (Cleland 2001; Иванов 2017a; 2017b; 2020). Модернизация обуславливает коренные изменения репродуктивного поведения через снижение детской смертности и по другим каналам. Так, в преимущественно аграрных необразованных сельских обществах высока ценность детей (даже малолетних), помогающих по хозяйству. В то же время прямые затраты на их содержание и воспитание невелики. Невелики и косвенные затраты в виде упущенного дохода от труда женщин вне семейного хозяйства: такой труд распространён мало или совместим с уходом за маленькими детьми. В результате преобладающий поток благ направлен от детей к родителям, что формирует установку на многодетность (Caldwell 1982).

Если снижение детской смертности формирует целенаправленное репродуктивное поведение, то другие модернизационные процессы трансформируют саму цель. Так, переселение в город снижает полезность детского труда и увеличивает значимость вложений в детей, позволяет женщинам включаться в наёмный труд, повысив свой социальный статус и увеличив альтернативные деторождению издержки. Безграмотность матерей значительно ограничивает эффективность программ сокращения детской смертности, препятствует выходу на рынок труда, тормозит распространение современной контрацепции. Необразованность детей снижает их ценность для родителей и закрывает им путь к жизненному успеху. Рост образовательного уровня женщин, повышающего их

семейную роль (в том числе в планировании числа и графика деторождений), как и расширение охвата школьным обучением детей выявляют и обостряют конфликт между числом детей и их качеством, который все чаще разрешается в пользу качества.

Между тем система образования развивается не для того, чтобы обслуживать демографический переход, а люди получают образование не для того, чтобы изменить своё репродуктивное поведение. Императивы обществ, государств и индивидов в этой области формируются другими мощными механизмами. Вместе с тем влияние современного формального образования на репродуктивное целеполагание и поведение трудно переоценить. Есть доказательства того, что жёсткое применение законов об обязательном школьном образовании, обучение по единым национальным программам на государственном уровне сыграли ключевую роль в сокращении демографического разнообразия, преобладавшего в Европе в середине XIX века (Watkins 1991). Также доказана роль единых национальных образовательных систем как важнейшего транслятора норм современного репродуктивного поведения в странах глобального Юга (Jejeebhoy 1998; Lloyd, Kaufman, Hewett 2000). Обследования по вопросам демографии и здоровья (Demographic and Health Surveys) в 89 развивающихся странах подтвердили, что из социально-экономических индикаторов с итоговым числом детей теснее других показателей связан уровень образования.

Итак, общим правилом, из которого нет исключений, является прямая зависимость демографического перехода от модернизации. В этом смысле справедлив неофициальный лозунг «развитие – лучший контрацептив», по которому Всемирная конференция ООН по народонаселению (1974 г.) достигла консенсуса. Однако справедливость этого лозунга не следует переоценивать. Ведь для того, чтобы достичь цели, недостаточно её поставить.

Демографическая политика

Среди способов ограничения размеров семьи самым эффективным и этически приемлемым является современная контрацепция. Но её стихийное распространение наталкивается на многие препятствия, включая незнание, что она существует, неумение ею пользоваться, недоступность. В конце 1950-х годов в странах глобального Юга началось победное шествие государственных программ планирования семьи при масштабном содействии стран Запада (главным образом США), осуществляемом через двусторонние каналы официальной помощи развитию, систему ООН и неправительственные организации. Эти программы, ставшие в контексте стран Юга синонимом демографической политики, состоят из сети территориальных центров, главными функциями которых являются индивидуальные консультации по репродуктивному здоровью и планированию семьи, снабжение средствами контрацепции и информационно-пропагандистская деятельность. За редкими исключениями программы планирования семьи осуществляются мягко, ненасильственно и прозрачно и не встречают заметного сопротивления ни граждан, ни политических сил. Под это заслуженно лестное определение не подходит ранний (1960-е – начало 1970-х годов) этап программы планирования семьи в Индии и «политика одного ребёнка» в Китае в 1978-2017 гг.

Целью программ является помощь женщинам осознать свои репродуктивные цели и обеспечить их приемлемой в данной культуре современной контрацепцией, не прибегая к абортam. Вместе с тем программы планирования семьи являются эффективным способом ускорения демографического перехода и, следовательно, сдерживания роста населения.

Это – важнейшая функция программ, потому что демографический взрыв, являющийся непременным, длительным, но преходящим результатом демографического перехода вплоть до его поздней фазы, тормозит экономический рост, создаёт дополнительные нагрузки на системы здравоохранения и образования, имеет неблагоприятные экологические последствия, создаёт социальные (в том числе межэтнические) напряжения и может стать фактором расшатывания политической системы. Американское правительство в 1970-х – начале 1980-х годов считало помощь программам планирования семьи приоритетным инструментом продвижения своих геополитических целей, рассматривая антинаталистскую политику как способ сохранения внутривнутриполитической стабильности в странах-реципиентах (Иванов 2011; 2015).

Однако для многих государств Юга программы планирования семьи были неприемлемы именно из-за их обоснования демографическими аргументами. В 1960-1990-х годах идеологическая позиция Движения неприсоединения и Группы 77 при спорадической поддержке стран советского блока настаивала на том, что рост населения является заведомо позитивным явлением, а Запад стремится подрвать жизненную силу освободившихся от колониального ига народов путём насаждения «неомальтузианства». В результате на межгосударственных форумах, включая 3 всемирные конференции по народонаселению (1974, 1984, 1992 г.) не удалось договориться о политике ускорения демографического перехода. Это, однако, не только не помешало сотрудничеству на «техническом» уровне стать универсальным явлением современного мира, но и не предотвратило рост числа правительств развивающихся стран, открыто присоединявшихся к «неомальтузианскому» подходу. В середине 1970-х годов число правительств стран Юга, оценивавших уровень рождаемости как слишком высокий, уже было немалым (36). К 2015 г. число таких правительств удвоилось, а число правительств, не озабоченных быстрым ростом населения, сократилось с 78 до 13 (таблица 3).

Таблица 3. Распределение развивающихся стран по направлениям официально заявленной политики в отношении рождаемости, 1976-2015, число стран

	1976	1986	1996	2005	2015
<i>Антинаталистская</i>					
Африка	12	21	35	36	45
Азия	14	15	18	16	18
Латинская Америка	10	13	16	16	10
<i>Невмешательство</i>					
Африка	38	27	14	13	3
Азия	22	21	13	8	2
Латинская Америка	18	17	13	9	8

Источник: (Иванов 2011; 2015).

В настоящее время программы планирования семьи осуществляются почти во всех развивающихся странах. В 155 странах их поддерживают ЮНФПА и Всемирная организация здравоохранения. Из правительств стран с высокой рождаемостью только ОАЭ и Саудовская Аравия хотели бы ещё больше её поднять и не реализуют программы планирования семьи. Планирование семьи все чаще интегрируется с программами поддержки материнства и детства, улучшения репродуктивного здоровья. Эта демографическая политика доказала свою универсальную для стран Юга ценность, успешность и высокую экономическую эффективность.

С течением времени роль зарубежной технической и финансовой помощи сокращается, а национальное финансирование и национальные кадры приобретают решающее значение. Ежегодно страны Юга вместе мобилизуют на эти цели 7-8 млрд долл. собственных средств и получают международную помощь в размере более 1 млрд долл. Затраты на программы составляют всего несколько долларов в год в расчёте на женщину репродуктивного возраста. Как бы ни считать экономию от несостоявшихся нежелательных рождений, цена программ вряд ли кому покажется чрезмерной.

Независимо от действий государства модернизация обязательно втягивает страну в демографический переход. Но его график и скорость отчётливо зависят от демографической политики. В свою очередь, параметры этой политики во многом определяются позицией государства по отношению к последствиям быстрого роста населения. В большинстве развивающихся стран официальная позиция нейтральна, а программам планирования семьи присваивается ограниченная приоритетность. В странах, официально провозгласивших ускорение демографического перехода приоритетной целью, программы планирования семьи как правило лучше финансируются, они лучше организованы и более результативны. С 1976 г. по 2009 г. в группе «нейтралов» суммарная рождаемость уменьшилась в среднем на 2,2 детей на женщину, а в группе «антинаталистов» – на 3,1. Показательно, что «пронаталистским» государствам не удалось избежать снижения рождаемости, но удалось его замедлить (таблица 4).

Таблица 4. Среднее снижение суммарной рождаемости в странах Юга в зависимости от отношения государства к уровню рождаемости

Отношение к уровню рождаемости	1976-1986	1986-1996	1996-2015
Антинатализм	0,9	1,0	1,2
Невмешательство	0,5	0,7	1,0
Пронатализм	0,0	0,8	0,8

Источник: Подсчитано по (United Nations 2022a; 2022b).

В 2020 г. программы ЮНФПА общей стоимостью 1 млрд долл. предотвратили 14,4 млн нежелательных беременностей и 4,1 млн аборт. Польза от них этим не ограничивается: были предотвращены 367 тыс. случаев инфицирования ВИЧ, 351 тыс. калечащих операций на половых органах, предоставлены базовые услуги 930 тыс. женщин и девочек, пострадавших от сексуального насилия, оказана помощь в 1,7 млн случаев детских и насильственных браков (UNFPA 2021).

Данные таблицы 5 показывают масштабы распространения современной контрацепции в некоторых странах и её связь с динамикой рождаемости. Может показаться, что эти данные противоречат представлению об исчерпывающей детерминации репродуктивного поведения детской смертностью и ограниченным перечнем фоновых социально-экономических характеристик. Однако противоречия здесь нет, ибо снижение детской смертности формирует установку на меньшее число рождений для достижения репродуктивной цели, социально-экономические преобразования определяют изменение самих репродуктивных целей, а современное контрацептивное поведение позволяет добиваться этих целей этически приемлемым и эффективным образом.

Таблица 5. Использование контрацепции и уровень рождаемости в некоторых развивающихся странах, 1960-1970-е и 2010-е годы

Страна*	Годы обследований		Охват контрацепцией**		Степень удовлетворения потребности***	Суммарный коэффициент рождаемости		Теснота связи ^{4*}
	(1)	(2)	(1)	(2)	(2)	(1)	(2)	(2)
<i>Восточная и Южная Азия</i>								
Индонезия	1973	2015	7	59	...	5,3	2,4	-0,98
Таиланд	1969	2012	15	77	89	5,8	1,5	-0,99
<i>Латинская Америка</i>								
Гаити	1977	2012	5	32	45	5,8	3,2	-0,99
Мексика	1976	2014	23	68	82	5,9	2,4	-0,99
<i>Африка</i>								
Нигерия	1981	2013	1	10	29	6,8	5,7	-0,84
Кения	1977	2015	4	60	75	7,7	4,3	-0,95

Источник: Подсчитано по (United Nations 2022a; 2022c).

Примечание: (1) – Первое обследование; (2) – второе обследование.

* – Страны отобраны таким образом, чтобы представлять большой (для соответствующих регионов) разброс охвата контрацепцией в годы обследований, проведённых позднее 2005 г.

** – Охват контрацепцией оценивается как доля женщин (как правило, 15-49 лет), состоящих в браке или незарегистрированном союзе и использующих контрацепцию, в общей численности таких женщин.

*** – Степень удовлетворения потребности в современной контрацепции оценивается как доля женщин (как правило, 15-49 лет), состоящих в браке или незарегистрированном союзе и использующих контрацепцию, в общей численности женщин, состоящих в браке или незарегистрированном союзе и желающих использовать контрацепцию, %.

4* – Коэффициент линейной корреляции между динамикой охвата контрацепцией и динамикой суммарного коэффициента рождаемости (6-25 наблюдений по стране).

Полярные примеры демографического перехода

В таблице 6 приведены релевантные социальные и демографические параметры Бангладеш и Нигерии – крупных развивающихся стран, проходящих разные этапы демографического перехода. Социальные параметры определяют контекст перехода, а демографические характеризуют воспроизводство населения до начала перехода и в настоящее время.

В XXI веке Бангладеш и Нигерия (Нигерия – за исключением периода после 2014 г.) достигли высоких темпов экономического роста и близких уровней душевого ВВП, однако распространённость бедности в Нигерии почти втрое больше, чем в Бангладеш. При близкой доле занятых в несельскохозяйственных отраслях урбанизация в Нигерии зашла значительно дальше, чем в Бангладеш. В обеих странах детская смертность во второй половине XX века и первых десятилетиях XXI века сократилась в несколько раз, причём в Бангладеш – с намного более высокого уровня и быстрее, чем в Нигерии. В результате в настоящее время детская смертность в обеих странах сравнительно низка, но в Нигерии она вдвое выше, чем в Бангладеш. Распределение населения по доходам и по образовательному уровню в обеих странах сгладилось по сравнению с колониальным периодом, но остаётся неравномерным.

Таблица 6. Демографический и социально-экономический профили Бангладеш и Нигерии

	Бангладеш	Нигерия
<i>Демографический переход</i>		
Численность населения (1950), млн чел.	39,7	38,8
Численность населения (2021), млн чел.	169,4	210,9
Продолжительность жизни при рождении (1950), лет	38,2	35,8
Продолжительность жизни при рождении (2022), лет	72,3	52,8
Детская смертность (1950), промилле	348	335
Детская смертность (2021), промилле	28	111
Сокращение детской смертности в 1950-1970 гг.	82	49
Сокращение детской смертности в 1970-2000 гг.	178	102
Сокращение детской смертности в 1970-2021 гг.	58	111
Суммарная рождаемость (1950), детей на женщину	6,3	6,4
Суммарная рождаемость (1970), детей на женщину	6,9	6,5
Суммарная рождаемость (2000), детей на женщину	3,2	6,1
Суммарная рождаемость (2021), детей на женщину	2,0	5,2
Динамика суммарной рождаемости в 1950-1970 гг.	-0,6	0,0
Динамика суммарной рождаемости в 1979-2000 гг.	3,7	0,4
Динамика суммарной рождаемости в 2000-2021 гг.	1,2	0,9
<i>Социально-экономический контекст</i>		
Охват контрацепцией (2019), %*	54	13
Доля городского населения (2019), %	36	48
Доля населения больших городов (2019), %**	19	28
Доля грамотных среди 15-24 летних (2019), %	95	75
Доля лиц со средним образованием I ступени и выше в населении 15 лет и старше (2019), %	71	59
Распределение населения 15 лет и старше по уровню образования в (2018), коэффициент Джини, %	46	46
ВВП на душу населения (2019), тыс. долл. ППС 2018 ***	5	5,4
Невозобновляемые природные ресурсы (2014), тыс. долл. на душу населения	3	473
Доля населения с доходами менее 1,9 долл. в день на человека (2019), ППС 2011	14,3	39,1
Распределение доходов (2018), коэффициент Джини, %	32	35
Доля занятых вне сельского хозяйства в экономически активном населении (Нигерия 2018, Бангладеш 2013), %	59	62

Источники: (United Nations 2018; 2022a; 2022b; 2022c); UNESCO Institute for Statistics ⁴; the World Bank ⁵; International Institute of Social History ⁶; United Nations Environment Programme.

*Примечание: * – Доля использующих современные (наиболее эффективные) средства контрацепции среди состоящих в браке женщин 15-49 лет, к которым ООН относит стерилизацию, внутриматочные и все виды гормональных средств, презервативы, непрерывное кормление грудью в течение 6 мес. после родов, стандартизованный календарный метод; ** – города с населением более 300 тыс. человек; *** – по паритету покупательной способности.*

Образовательный уровень населения Бангладеш быстро рос уже в 1970-1980-х годах благодаря поддержке государства, которое выделяло на эти цели большую долю государственного бюджета (более 10-15%), чем большинство развивающихся стран. Государство гарантирует и реально обеспечивает всеобщее начальное образование.

⁴ IUS Stat. <http://data.uis.unesco.org/>

⁵ World Bank Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/home.aspx>

⁶ Clio Infra Database. <https://clio-infra.eu/>

В результате достигнутый уровень грамотности молодёжи близок к полному, все дети соответствующего возраста учатся в начальной школе, а более 70% взрослых имеют образование как минимум на уровне среднего I ступени.

В Нигерии на образование тратится вдвое меньшая доля госбюджета, чем в Бангладеш. Хотя государство заявило, что гарантирует для всех бесплатное 9-классное образование, на деле им охвачено менее 40% детей и подростков. Доля девочек, не учащихся в начальной школе, колеблется от года к году в интервале 10-18%. Четверть нигерийцев в возрасте 15-24 лет неграмотны. Более 40% взрослых имеют только начальное образование или не имеют никакого. Между тем в группе женщин с начальным образованием смертность детей на треть меньше, а в группе женщин со средним или более высоким уровнем образования – втрое меньше, чем среди необразованных. С другой стороны, суммарная рождаемость необразованных женщин составляет 6,9 детей на женщину, в то время как женщин с образованием выше среднего – 3,1 детей на женщину (National Population Commission... 2018).

В Бангладеш с конца 1960-х годов осуществляется программа планирования семьи, которая по качеству стала международно признанным примером (Schuler, Hashemi, Jenkins 1995; Das 2016). Нигерийское правительство запустило национальную программу планирования семьи в 1989 г., но она до сих пор остаётся фрагментарной и, несмотря на финансирование из федерального бюджета, бюджетов штатов, федеральной столичной территории и территорий местного управления, испытывает острый дефицит средств и характеризуется малоэффективной организацией. Кроме того, многочисленные исследования показали, что решающими факторами ограниченного использования контрацепции является низкая потребность в ней, что согласуется с изложенной выше концепцией демографического перехода.

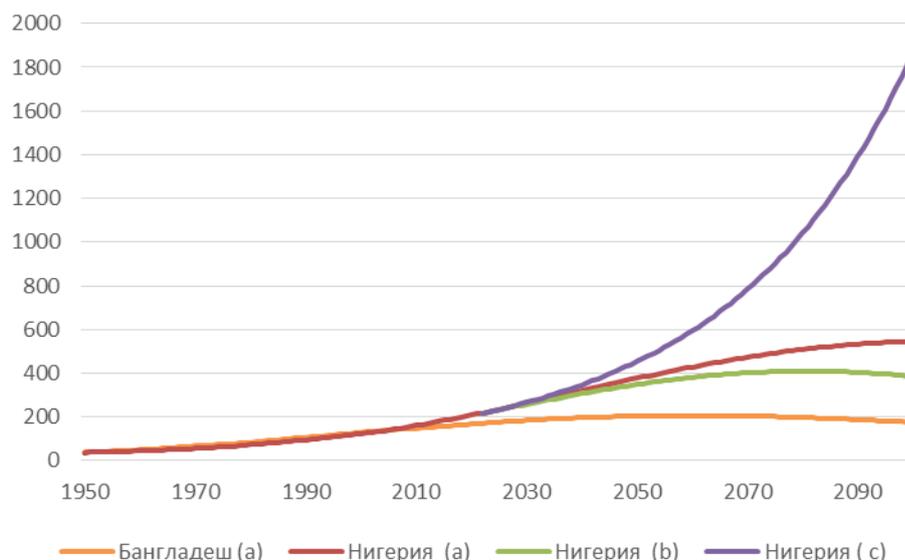
На Лондонском саммите по планированию семьи (2012 г.) правительство Нигерии взяло на себя обязательство к 2018 г. увеличить охват современной контрацепцией до 36%, что должно было стоить дополнительных 600 млн долл. ассигнований и радикального улучшения организации национальной программы (Federal Government of Nigeria 2014). На практике не произошло ни того, ни другого (Akamike et al. 2020) и к 2018 г. охват контрацепцией почти не вырос и остаётся меньшим, чем в большинстве африканских стран и в 3,5 раза меньшим, чем в Бангладеш (таблица 6). Между тем Нигерия располагает большими природными ресурсами, чем абсолютное большинство развивающихся стран, в том числе в 150 раз большими (в расчёте на душу населения), чем Бангладеш. В 2020 г. страна получила 37 млрд долл. от экспорта 683 млн баррелей нефти (United States Energy... 2021). Этих доходов достаточно, чтобы удвоить государственные расходы на образование и здравоохранение и полностью удовлетворить потребности программы планирования семьи. Но государство имеет другие приоритеты: так, на фоне пандемии ковид-2019 было принято решение в 2020 г. урезать на 43% расходы на базисные услуги здравоохранения (Carsten, Eboh 2020). Эти факторы определяют быстрый и завершённый демографический переход в Бангладеш и буксующий переход в Нигерии, которая через 3 десятилетия после его начала всё ещё находится в его начальной фазе. При этом условия его ускорения отсутствуют, о чем свидетельствует фундаментальное исследование, построенное на обследовании демографии и здоровья 2018 г. (National Population Commission... 2018).

Рождаемость оказывает решающее влияние на динамику численности населения. На рисунке 3 показаны динамика численности населения Бангладеш и Нигерии в 1950-2020 гг. и выполненный ООН прогноз этой динамики на период до 2100 г. (United Nations 2022a). По Бангладеш приведён средний, наиболее вероятный сценарий, поскольку страна уже завершила демографический переход. Для Нигерии показан интервал, ограниченный сценариями быстро снижающейся и стабильной рождаемости, что можно интерпретировать как потенциал социальных преобразований и демографической политики.

В 1950 г. как в Бангладеш, так и в Нигерии проживало по 38 млн человек. До 2006 г. население Бангладеш превышало население Нигерии, а впоследствии демографический рост в Нигерии обогнал рост населения в Бангладеш. К 2020 г. население Нигерии превысило население Бангладеш на 41,5 млн человек. В будущем различия будут резко нарастать. Население Бангладеш достигнет 190 млн человек в середине столетия, а потом рождаемость ниже уровня простого воспроизводства поколений приведёт к постепенному сокращению населения до 151 млн человек в конце столетия.

Демографическое будущее Нигерии выглядит совсем по-другому. Если рождаемость вообще перестанет сокращаться, то население страны к середине XXI века перевалит за полмиллиарда человек (чуть меньше населения Европы в середине XX века), а к 2100 г. достигнет 2,3 млрд человек (столько было жителей на Земле в 1940 г.). По варианту прогноза, предполагающему быстрое снижение рождаемости до 1,8 детей на женщину на его горизонте, численность населения страны к середине столетия достигнет 371 млн человек (таково было население Индии в середине XX века), а к концу XXI века превысит 500 млн человек.

Рисунок 6. Численность населения Бангладеш и Нигерии: наблюдение (1950-2021 гг.) и прогноз (2022-2100 гг.), 1950-2021, млн человек

Источник: (United Nations 2022a).

Примечание: (a) – При наиболее вероятной (средней) динамике рождаемости;
(b) – при быстром снижении рождаемости; (c) – при стабильной рождаемости.

Конечно, сохранение в Нигерии рождаемости на неизменном уровне маловероятно. Но ведь и для быстрого снижения рождаемости пока нет условий, о чем, в частности, свидетельствует такой простой индикатор как доля использующих эффективную контрацепцию. Мало того, даже если бы они сформировались, то нынешняя высокая рождаемость, помноженная на накопленный в молодой возрастной структуре потенциал, ляжет тяжёлым бременем на хрупкую экономику страны, будет съедать ресурсную базу социального развития, а может и загнать страну в мальтузианскую ловушку, породив череду острых продовольственных и экологических кризисов, разрушительные внутренние конфликты и войны с соседями.

Быстрый демографический рост в Нигерии, как и в других странах Африки к югу от Сахары, является одним из критических негативных факторов развития. Это означает, что рождаемость надо снижать быстрее, чем это предполагается в сценарии быстрого снижения рождаемости демографического прогноза ООН. Пример Алжира, Бангладеш, Ирана, Китая и некоторых других стран показывает, что это возможно, но только при условии превращения снижения детской смертности, роста образовательного уровня и повышения доступности современной контрацепции в действительно приоритетные национальные цели.

Заключение

Приписываемое Огюсту Контю утверждение, что демография – это судьба, верно в том смысле, что демографические процессы во многом определяют будущее народов, стран, всего человечества. Его можно понимать и так, что сами демографические процессы предопределены уровнем развития социума, что тоже верно. Демографический переход – объективная и универсальная реальность, но в силах людей, общества, государства, транснациональных структур его ускорить или затормозить. Хотя постпереходная низкая рождаемость порождает проблемы во многих областях жизни, высокая рождаемость и обусловленный ею быстрый рост населения и его молодая структура имеют большие отрицательные последствия как для самих развивающихся стран, так и для мира в целом.

Демографический переход важен «сам по себе», поскольку втянутым в переход людям предоставляется возможность лучше адаптироваться к социальным трансформациям, испытывать самим её положительные аспекты. Чем быстрее идёт переход, тем (по меньшей мере в среднесрочной перспективе 5-25 лет) больше от него пользы обществу. Различные социальные факторы определяют скорость перехода, причём снижение детской смертности не только является несомненным благом само по себе (т.е. безотносительно к рождаемости), не только единственным непосредственно управляемым фактором (в отличие, скажем, от индустриализации и урбанизации), но и центральным механизмом перехода. Это означает, что можно не ожидать пассивно, когда переход завершится. Его можно ускорять, осуществляя программы улучшения здоровья детей, улучшения питания и так далее в сочетании с программами планирования семьи. С другой стороны, плохое состояние здоровья детей является фактором, тормозящим переход. Абсолютное большинство стран Азии и Латинской Америки уже прошли этап особенно тесной детерминации рождаемости детской смертностью.

Африка к югу от Сахары отстаёт в демографическом развитии на несколько поколений. Африканский опыт последних десятилетий особенно ярко выявляет пагубные последствия чрезмерно быстрого роста населения. Так, он подрывает продовольственную

безопасность и препятствует росту образовательного уровня. Демографический переход требует создания адекватных социально-экономических условий, что с трудом даётся африканским странам. Однако существуют, с одной стороны, области частичной взаимозаменяемости компонентов прогресса, а с другой – их синергия. Очевидный пример потенциальной синергии – взаимное усиление программ развития детского здоровья, образования, продовольственной помощи и планирования семьи. Об этом, к сожалению, пока приходится говорить в сослагательном наклонении: сначала нужно такой подход теоретически обосновать лучше, чем это сделано здесь в паре фраз, а потом разработать, внедрить и оценить практический эффект. Это возможно, так как организации системы ООН, а также неправительственные организации давно и плодотворно оказывают техническую помощь африканским странам в указанных областях. Осталось «лишь» интегрировать в свою работы синергические связи. Соответствующие стремления зафиксированы в авторитетных стратегиях развития. Надеемся, что предложенная в этой статье теоретическая схема может быть полезной.

Литература

- Вишневский А.Г. (2014) Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens*. *Демографическое обозрение* 1(1), 6-33. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1825>
- Иванов С.Ф. (2011). Снижение рождаемости в странах Юга: политика вокруг политики. *Экономический журнал ВШЭ*, 15(4), 565–582. <https://cyberleninka.ru/article/n/snizhenie-rozhdaemosti-v-stranah-yuga-politika-vokrug-politiki/viewer>
- Иванов С.Ф. (2015). Проблемы народонаселения в международных отношениях. В Иванов И.С. и др. (Ред.), *Современная наука о международных отношениях за рубежом. Хрестоматия в трёх томах*, т.2 (с.с. 854-87). М.: Российский совет по международным делам. https://russiancouncil.ru/library/library_rsmd/sovremennaya-nauka-o-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-za-rubezhom-khrestomatiya-v-trekh-tomakh/
- Иванов С.Ф. (2017а). Детерминанты демографического перехода на глобальном Юге. *Демографическое обозрение*, 4(2), 6-52. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i2.7102>
- Иванов С.Ф. (2017b). Демографический взрыв: динамика, проблемы, решения. *Мировая экономика и международные отношения*, 617, 15-26. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-7-15-26>
- Иванов С.Ф. (2020). Детерминанты и последствия демографических тенденций в Африке к югу от Сахары, *Учёные записки Института Африки*, 4(53), 6-78. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2020-53-4-55-76>
- Akamike I.C., Okedo–Alex I.N., Eze, I.I., Ezeanosike O.B., Uneke C.J. (2020). Why Does Uptake of Family Planning Services Remain Sub-Optimal Among Nigerian Women? A Systematic Review of Challenges and Implications For Policy. *Contraceptive and Reproduction Medicine*, 5, article no. 30. <https://doi.org/10.1186/s40834-020-00133-6>.
- Carsten P., Eboh C. (2020). Nigeria proposes steep basic healthcare budget cuts despite coronavirus. *Reuters*, 5 July

- Coale A.J., Watkins S.C. (Eds.) (1986). *The Decline of Fertility in Europe*. Princeton NJ: Princeton University Press.
- Caldwell J.C. (1982). *Theory of Fertility Decline*. London: Academic Press.
- Cleland J. (2001). The Effects of Improved Survival on Fertility: A Reassessment. In Bulatao R.A., Casterline J.B. (Eds.), *Global Fertility Transition. Population and Development Review* (Supplement to Volume 27, pp. 199-211). <https://www.jstor.org/stable/3115245>
- Das T.R. (2016). Family Planning Program of Bangladesh: Achievements and Challenges. *South East Asia Journal of Public Health*, 6(1), 1-2. <https://doi.org/10.3329/seajph.v6i1.30336>
- Jejeebhoy S.J. (1998). *Women's Education, Autonomy and Reproductive Behaviour: Experience from Developing Countries*. Oxford : Clarendon press.
- Federal Government of Nigeria (2014). *Nigeria Family Planning Blueprint (Scale-Up Plan)*. Abuja, Federal Ministry of Health.
- Lloyd C., Ivanov S. (1988). The Effects of Improved Child Survival on Family Planning Practice. *Studies in Family Planning*, 1988, 19(3), 141-161. <https://doi.org/10.2307/1966750>
- Lloyd C.B., Kaufman C.E, Hewett P. (2000). The Spread of Primary Schooling in Sub-Saharan Africa: Implications for Fertility Change. *Population and Development Review*, 26(3), 483-515. <https://www.jstor.org/stable/172316>
- National Population Commission Nigeria (2018). *Nigeria Demographic and Health Survey 2018*. Abuja, Nigeria, and Rockville, Maryland, USA: NPC and ICF International. <https://dhsprogram.com/pubs/pdf/FR359/FR359.pdf>
- McNicoll G. (1986). Adaptation of Social Systems to Changing Mortality Regimes. In *United Nations. Population Studies, Consequences of Population Trends and Differentials* (pp. 13-19). www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/files/documents/2020/Jan/un_1986_consequences_of_mortality_trends_and_differentials.pdf
- Notestein F. (1946). Population – the Long View. In T.W. Shultz (Ed.), *Food for the World* (pp. 37-57). Chicago: Chicago University Press.
- Palloni A., Rafalimanana H. (1999). The effects of infant mortality on fertility revisited: new evidence from Latin America. *Demography*, 36, 41–58. <https://link.springer.com/article/10.2307/2648133>
- Schuler S.R., Hashemi S.M., Jenkins A.H. (1995). Bangladesh's Family Planning Success Story. *International Family Planning Perspectives*, 21(4), 132-138. <https://www.guttmacher.org/sites/default/files/pdfs/pubs/journals/2113295.pdf>
- United Nations (1987). *Family Building by Fate or Design: A Study of Relationships between Child Survival and Fertility*. <https://digitallibrary.un.org/record/155003>
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2018). *Urbanization Prospects 2018*. Online Edition. <https://population.un.org/wup/>
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022a). *World Population Prospects 2022, Online Edition*. <https://population.un.org/wpp/>

United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022b). *World Population Policies 2021, Online Edition*.

<https://www.un.org/development/desa/pd/data/world-population-policies>

United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022c). *Family Planning Indicators 2022*. <https://www.un.org/development/desa/pd/data/family-planning-indicators>

United Nations Environment Programme (2018). *Inclusive Wealth Report 2018*.

<https://www.unep.org/resources/inclusive-wealth-report-2018>

United Nations Population Fund (UNFPA) (2021). *Delivering in a Pandemic. Annual Report 2020*.

https://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/English_AR2020_print-brochure.pdf

Watkins S.C. (1991). *From Provinces into Nations: Demographic Integration in Western Europe, 1870-1960*. Princeton: Princeton University Press.

Кому (не) нужен трехлетний отпуск по уходу за ребенком?

Ирина Евгеньевна Калабихина
(kalabikhina@econ.msu.ru), Московский
государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Россия.

Полина Олеговна Кузнецова
(polina.kuznetsova29@gmail.com), Институт
социального анализа и прогнозирования
РАНХиГС, Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

Who needs (or doesn't) three years of parental leave?

Irina E. Kalabikhina
(kalabikhina@econ.msu.ru), Lomonosov
Moscow State University, Russia.

Polina O. Kuznetsova
(polina.kuznetsova29@gmail.com),
Institute for Social Analysis and Forecasting
at RANEPa, Lomonosov Moscow State
University, Russia.

Резюме: В данной работе мы изучаем длительность пребывания молодых матерей в отпуске по уходу за ребенком и факторы, которые оказывают на нее влияние. Для оценок мы использовали регрессионный анализ длительности событий, примененный к двадцатилетней панели данных национального репрезентативного обследования РМЭЗ НИУ-ВШЭ.

Как показывают результаты исследования, при прочих равных более раннему выходу на работу из отпуска способствуют лучшая связь с рынком труда (более высокий уровень образования, наличие оплачиваемой работы накануне рождения ребенка), а также наличие внешних и внутрисемейных ресурсов по уходу за ребенком. Наоборот, сдерживают выход молодой матери на работу более зрелый возраст, рождение следующего ребенка, а также проживание в регионах с относительно низкой средней заработной платой. Также было показано, что вероятность более раннего выхода на работу после рождения первого ребенка в 2010-х годах значительно снизилась по сравнению с 2000-ми, что мы объясняем введением программы материнского капитала и усилением материальной поддержки семей с детьми, которые в совокупности со стагнацией трудовых доходов могли снизить заинтересованность семей в быстром возвращении молодых матерей на работу.

Международные сравнения показывают, что Россия относится к группе стран с наибольшей длительностью оплачиваемого отпуска по беременности и родам и уходу за ребенком, находясь при этом лишь в 4-м квинтиле по уровню экономической активности женщин 15-64 лет. С учетом полученных результатов мы предлагаем совершенствовать политику в отношении родительских отпусков. Среди возможных способов модернизации существующей схемы могут быть рассмотрены гибкий отпуск (сокращение длительности при сохранении суммарных выплат), прерывистый отпуск (предоставление родителям права при необходимости вернуться к неоплачиваемому отпуску), а также введение непередаваемого отцовского отпуска.

Ключевые слова: материнство, отпуск по уходу за ребенком, отпуск по беременности и родам, занятость женщин с детьми, семейная политика, анализ выживаемости, РМЭЗ.

Финансирование: Исследование проведено при финансовой поддержке Госзадания МГУ № 122041800047-9 «Воспроизводство населения в социально-экономическом развитии» и гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 19-29-07546 «Влияние человеческого капитала на настоящий и будущий экономический рост в России РФФИ».

Для цитирования: Калабихина И. Е., & Кузнецова П. О. (2022). Кому (не) нужен трехлетний отпуск по уходу за ребенком?. Демографическое обозрение, 9(3), 24-43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16468>

Abstract: In this work we study the actual length of parental leave in Russia and the factors influencing it. In our estimates we use a survival analysis model applied to 20-year panel data from the nationally representative survey of the HSE RLMS.

According to the results, shorter actual leave is more often observed among women who have better connections with the labor market (a higher level of education, work experience) and wider external and intra-family resources for childcare. On the contrary, older age, having another child and living in areas with lower mean wages discourage young mothers from returning to work. We also show that the probability of an earlier return to work after the birth

of a first child in the 2010s decreased significantly compared to the 2000s, which we explain by the introduction of the maternity capital program and increased state support of families with children, which together with the stagnation of labor incomes could reduce the interest of families in an earlier return of young mothers to work. International comparisons show that Russia belongs to the group of countries with the longest paid maternity and parental leave; at the same time, it is only in the 4th quintile in terms of the labor force participation rate among women aged 15-64. Taking these results into account, we suggest some improvements to the parental leave policy. Among other possibilities, we suggest considering flexible leave (reducing duration while keeping the same total payment) and discontinuous leave (giving parents the right to go back on unpaid leave if necessary), as well as the introduction of non-transferable paternity leave.

Keywords: *mothers, parental leave, maternity leave, employment of mothers, family policy, survival analysis, RLMS.*

Funding: *The research was conducted with the financial support of the State task of Moscow State University No. 122041800047-9 "Reproduction of the population in socio-economic development" and the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) under grant No. 19-29-07546 "The Impact of Human Capital on Present and Future Economic Growth in Russia".*

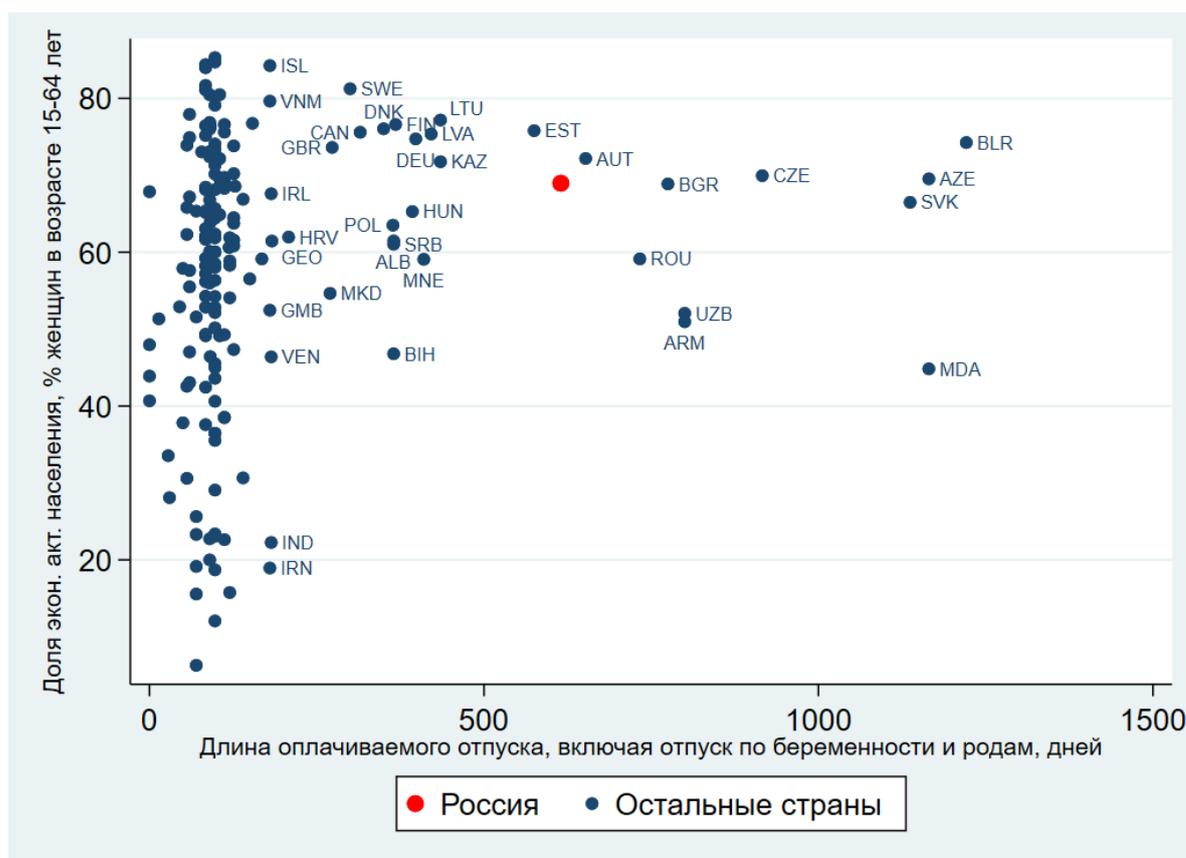
For citation: *Kalabikhina, & KuznetsovaP. (2022). Who needs (or doesn't) three years of parental leave?. Demographic Review, 9(3), 24-43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16468>*

1. Введение

Несмотря на относительно высокую общую женскую занятость, Россия отстает от большинства развитых стран по доле работающих женщин с детьми в возрасте до трех лет: 24% против 59% в среднем для стран ОЭСР (Колесник, Пестова, Доница 2021). Среди причин такого отставания можно назвать дефицит услуг по уходу за детьми, нехватку мест в системе дошкольного образования, отсутствие поддержки в уходе за ребенком со стороны партнера, а также большую по сравнению с другими странами длительность отпуска по уходу за ребенком.

На рисунке 1 суммирована информация об экономической активности женщин в зависимости от длины оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком (включая отпуск по беременности и родам) в 178 странах мира в 2019 г. Большая длительность отпуска наблюдается лишь в странах бывшего СССР (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Молдавия, Узбекистан) и в бывших странах социалистического блока (Болгария, Румыния, Словакия, Чехия). В то же время уровень экономической активности женщин в России не является высоким по сравнению с другими странами. Россия относится к 71-му процентилю стран мира по уровню экономической активности женщин в возрасте 15-64 лет.

Рисунок 1. Длина оплачиваемого отпуска и экономическая активность женщин в 178 странах мира, 2019

Источник: Расчеты авторов на данных Всемирного банка
<https://genderdata.worldbank.org/indicators/#gender>

За последние десятилетия многие страны реформировали свои системы отпусков по уходу за ребенком, тем самым предоставив исследователям данные своеобразных

естественных экспериментов по влиянию длительности и щедрости оплаты родительского отпуска на рождаемость и последующую женскую занятость. Так, например, реформа, проведенная в 2007 г. в Германии, включала замену адресного пособия на срок до двух лет на пособие, зависящее от размера заработка и выплачиваемое в течение одного года. Было показано (Bergemann, Riphahn 2022; Kluge, Tamm 2013), что несмотря на отсутствие влияния на занятость в долгосрочной перспективе, краткосрочный эффект реформы оказался заметным: матери стали возвращаться к оплачиваемой работе раньше, сразу по истечении срока действия пособия. Наибольший эффект реформа оказала на матерей с высоким уровнем дохода, для которых занятость женщин с детьми старше года существенно выросла (Chirkova 2019).

Во Франции, напротив, был предпринят эксперимент по удлинению оплачиваемого отпуска для отдельной группы получателей. Матерям первых детей начиная с 2004 г. была предложена возможность продлить оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком на период до полугода в случае выхода на неполную занятость. В работе (Joseph et al. 2013) было показано, что для выбравших более длинный отпуск занятость по его окончании увеличилась, но относительная заработная плата снизилась, причем наиболее ощутим этот эффект для наиболее образованных женщин.

Многочисленные эмпирические исследования свидетельствуют о том, что влияние гарантий по сохранению рабочих мест молодых матерей на вероятность и качество их последующей занятости является неоднозначным. В работе (Pettit, Hook 2005) было показано, что эффект длительности родительского отпуска на последующую занятость не линейен. Зависимость вероятности трудоустройства матери от длины отпуска имеет перевернутую U-образную форму: для не слишком больших значений этот эффект положительный, наличие отпуска способствует сохранению связи матерей с рынком труда, однако его продление заметно снижает вероятность трудоустройства.

В сравнительном исследовании, проведенном на данных для стран ОЭСР (Thévenon, Solaz 2013), также подтверждается перевернутая U-образная форма зависимости занятости от длины отпуска: оплачиваемый отпуск, если он не превышает двух лет, оказывает незначительное положительное влияние на женскую занятость и способствует небольшому сокращению гендерного разрыва в занятости, в то время как более длительный отпуск снижает вероятность занятости. В случае заработной платы зависимость однозначна: более длинный оплачиваемый отпуск способствует росту гендерного разрыва в ней. В условиях длительного материнского отпуска происходит утрата значительной части профессиональных навыков и человеческого капитала, что впоследствии становится важной причиной материнского штрафа, а также приводит к усилению гендерного разрыва в зарплате и ухудшению положения наиболее уязвимых групп работников, в том числе матерей, воспитывающих ребенка без отца (Mogoso, Jalovaara 2019).

Существуют свидетельства того, что более длительный отпуск негативно сказывается на качестве последующей занятости матери. На финских данных было показано, что пособие по уходу за ребенком до трех лет способствует более долгому пребыванию вне рынка труда, что впоследствии отрицательно сказывается на рабочей карьере женщин (Mogoso, Jalovaara 2019). В работе на данных для Германии и США было продемонстрировано, что матери, ранее имевшие высокий статус занятости, быстрее возвращаются на свои рабочие места и с меньшей вероятностью прерывают карьеру

(Grunow, Aisenbrey 2016). В другой работе авторов было показано, что длительные периоды отсутствия у женщин оплачиваемой работы увеличивают риск нисходящей мобильности и снижают шансы на карьерный рост не только в Германии и США, но и в Швеции, где уровень поддержки материнской занятости традиционно высок (Aisenbrey, Evertsson, Grunow 2009).

В нашем исследовании мы хотели посмотреть на то, как российские женщины распоряжаются своим отпуском. Нас интересовало, какие демографические и социальные группы женщин склонны «пересиживать» в отпуске по уходу за ребенком или, наоборот, выходить на работу раньше других.

В литературе выделяются 4 группы факторов, влияющих на решение об использовании отпуска и его длительности (Lapuerta, Baizán, González 2011). Во-первых, это индивидуальные характеристики родителя, находящегося в отпуске, и домохозяйства, в котором он/она проживает. Среди факторов, оказывающих влияние на длину отпуска, исследователи отмечают уровень образования, доходы, вид собственности предприятия, порядковый номер ребенка в семье (Evertsson, Duvander 2011). Более высокий уровень образования, как правило, соответствует большей связи матери с рынком труда и потому способствует ее более раннему возвращению на работу. Женщины из домохозяйств с низкими доходами дольше находятся в отпуске. Длительность отпуска матери в связи с рождением первого ребенка несколько выше по сравнению с последующими (Hobson, Duvander, Halldén 2006). Также в исследованиях отмечается неслучайная селективность к рождению третьего и последующих детей (Andersson 2008).

В группу индивидуальных факторов включаются и характеристики занятости родителя, в том числе тип собственности предприятия, количество рабочих часов (возможность неполной занятости), условия работы, удаленность от дома (Crompton 2006), а также уровень оплаты труда. Так, было показано, что работа на частном предприятии сокращает длительность отпуска (Bygren, Duvander 2006), а работники с более высокой заработной платой склонны быстрее выходить на работу (Sundström, Duvander 2002).

Вторую группу факторов составляют характеристики партнера, прежде всего показатели его образования и занятости (Lundberg, Pollack 1993). Есть свидетельства как значимости этих факторов (Lappégard 2008), так и их существенно меньшего влияния на длительность отпуска по сравнению с индивидуальными характеристиками родителя, находящегося в отпуске (Kuhlenkasper, Kauermann 2010). Третий тип факторов связан с гендерными ценностями и общественными нормами, в том числе социальной приемлемостью различных схем семейного ухода за детьми и распределением времени и усилий по уходу между партнерами (Пайе, Синявская 2010; Zhou, Kan 2019). В четвертую группу факторов входят различные институциональные характеристики национальной и/или региональной системы помощи семьям по уходу за детьми.

Российские исследования занятости женщин с детьми в основном касаются темы родительского штрафа (см., например, (Ниворожкина, Ниворожкин, Арженовский 2008; Ощепков 2020)). На российских данных были получены размеры штрафа на материнство, который оценивается как процент потерь в заработной плате женщин после рождения ребенка по сравнению с женщинами без детей со сходными индивидуальными характеристиками. Так, например, в начале 2000-х штраф оценивался как 8% (Арженовский, Артамонова 2007), а в более поздней работе (Biryukova, Makarentseva 2017) – около 4% для 2014 г. Также было показано, что для более образованных матерей относительный размер

штрафа оказывается выше (Ермолина и др. 2016). Кроме того, есть эмпирическое свидетельство того, что несмотря на присутствие материнского штрафа, различия в размере заработной платы между женщинами, имеющими детей, и бездетными в основном сглаживаются к моменту достижения ребенком возраста 3-4 лет (Ермолина и др. 2016).

В то же время российских работ, изучающих факторы длительности пребывания матерей в отпуске по уходу за ребенком, насколько нам известно, пока нет. В нашем исследовании мы постараемся восполнить этот пробел и сравнить полученные результаты с оценками для других стран.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 представлены данные количественного исследования, его методика, а также суммированы гипотезы, сформированные по результатам обзора литературы и предварительного анализа данных для последующего тестирования с помощью регрессионного анализа. Далее дается обсуждение оценок, полученных в ходе количественного исследования (раздел «Результаты»). Завершают работу краткая дискуссия по вопросам совершенствования политики в области отпуска по уходу за ребенком и основные выводы исследования.

2. Данные, методика и гипотезы исследования

Объектом нашего исследования является длительность материнского отпуска, определяемая как период пребывания не на рабочем месте с момента рождения ребенка. Использование такого широкого определения отпуска позволяет нам в том числе включать в анализ ранее не работавших женщин.

Источники данных о длине материнского отпуска в России

Нам удалось найти 2 источника данных о длительности материнского отпуска в России: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (далее РМЭЗ) и Комплексное наблюдение условий жизни населения Росстата (далее КОУЖ). У каждого из этих обследований имеются свои достоинства и недостатки.

Данные РМЭЗ имеют панельную структуру, позволяющую отслеживать события в жизни респондентов на протяжении нескольких лет. В то же время длительность материнского отпуска в РМЭЗ нам удалось оценить только в годах, а не в месяцах, как это делается в большинстве международных исследований. Это происходит из-за отсутствия в РМЭЗ информации о том, сколько месяцев в данном году проработал респондент (в обычной ситуации она не является важной). Таким образом, нет возможности уточнить, когда именно женщина вышла из материнского отпуска.

Данные КОУЖ Росстата не являются панельными, т. е. всякий раз представляют ситуацию на конкретный момент времени без возможности сравнения отдельных наблюдений за разные годы. Тем не менее в обследовании для находящихся в отпуске по уходу за ребенком задается вопрос: «Укажите месяц и год, когда Вы ушли в отпуск, и в каком месяце этого года Вы приступили к работе», позволяющий вычислить длительность отпуска в месяцах.

Однако попытка включить эти данные в анализ оказалась неудачной. Называемая респондентами дата начала отпуска плохо коррелирует с датой рождения ребенка, а результаты регрессионного анализа длительности отпуска оказались контринтуитивными

(высшее образование способствует более длинному отпуску) и противоречащими как расчетам на данных РМЭЗ, так и результатам исследований для других стран. Скорее всего проблема заключается в том, что респонденты часто затрудняются назвать точную дату весьма удаленного события.

Эмпирическая база и построение переменных

Эмпирической базой исследования являются данные РМЭЗ за 2000-2020 гг. При анализе была использована лонгитюдная структура данных обследования, дающая возможность проследить за изменениями, происходящими с женщиной и домохозяйством, в котором она проживает, от момента рождения ребенка до выхода на работу (завершенный эпизод наблюдения) или до последнего времени ее присутствия в базе обследования (цензурированный эпизод). Длительность отпуска мы трактовали максимально широко, определяя ее как время пребывания женщины не на рабочем месте с момента рождения ребенка.

Мы исключали из числа работающих самозанятых, так как данный вид занятости часто бывает нестабильным (Бобков и др. 2017). Однако при расчетах была подтверждена устойчивость результатов к более широкому определению занятости (с включением самозанятых).

Мы рассматривали только первые случаи рождения ребенка за время участия женщин в обследовании. Такой способ отбора позволил избежать повторных включений: каждую респондентку учитывали в модели только один раз. Факт рождения следующих детей мы учитывали с помощью специальной переменной. Доля рождений первых детей в нашей выборке составила 61%, вторых – 30%, третьих и последующих – 9%.

Таким образом, объектом нашего исследования являются молодые матери – женщины, у которых появлялись дети во время их присутствия в выборке РМЭЗ, причем важно отметить, что молодость в данном случае относится не к возрасту матери, а к возрасту ребенка.

Для выявления факторов, оказывающих влияние на длительность пребывания в отпуске, мы использовали ряд независимых переменных (см. полный перечень в таблице 1). Были рассмотрены индивидуальные характеристики матери, в том числе возраст, семейное положение (зарегистрированный или незарегистрированный брак), уровень образования, наличие оплачиваемой работы накануне рождения ребенка. Кроме того, на решение о выходе на работу могут влиять количество и возраст других детей в семье, в связи с чем мы включили в модель информацию о порядковом номере родившегося ребенка, а также о рождении у женщины в период наблюдения еще одного или нескольких детей.

Чтобы учесть наличие у семьи внешней помощи в уходе и воспитании детей, в модель были включены независимые переменные «родственная помощь» и «неродственная помощь» (построены соответственно на основании вопросов «В течение последних 7 дней за ребенком ухаживали родственники, которые живут отдельно?» и «В течение последних 7 дней Вам помогали ухаживать за Вашим ребенком другие люди, которые не являются Вашими родственниками?»). Информация о внешней помощи по уходу в обследовании предоставляется для каждого несовершеннолетнего ребенка. При формировании переменных мы использовали данные для того ребенка, в отпуске по уходу за которым на момент наблюдения находилась женщина.

Таблица 1. Средние значения переменных, включенных в регрессионный анализ

	Модель 1 (все случаи)	Модель 2 (случаи рождения первого ребенка)	Модель 3 (случаи рождения второго и последующих детей)
Длительность эпизода «не на рабочем месте» в связи с рождением ребенка	2,946	2,875	3,06
Состоит в браке, в том числе в незарегистрированном	0,882	0,848	0,937
<i>Тип населенного пункта</i>			
Москва и Санкт-Петербург	0,089	0,090	0,088
Региональные центры	0,327	0,366	0,264
Прочие города	0,277	0,274	0,282
ПГТ и село	0,307	0,270	0,366
<i>Образование</i>			
Не выше среднего общего	0,177	0,156	0,212
Начальное профессиональное	0,212	0,187	0,250
Среднее профессиональное	0,232	0,247	0,206
Высшее профессиональное	0,380	0,410	0,332
<i>Порядковый номер ребенка у матери</i>			
Первый	0,615	1,000	
Второй	0,298		0,775
Третий и последующие	0,087		0,225
Родился еще ребенок	0,216	0,275	0,123
<i>Возраст матери</i>			
До 25 лет	0,179	0,267	0,039
25-29 лет	0,330	0,422	0,184
30-34 лет	0,261	0,205	0,350
35 лет и старше	0,230	0,106	0,427
Имеет опыт работы	0,646	0,614	0,698
<i>Период рождения ребенка</i>			
2000-2005 гг.	0,213	0,228	0,189
2006-2010 гг.	0,280	0,298	0,250
2011-2015 гг.	0,330	0,326	0,337
2016-2020 гг.	0,177	0,147	0,224
<i>Наличие помощи по уходу</i>			
Неродственной	0,058	0,066	0,047
Родственной	0,335	0,351	0,309
Низкая оценка материального положения	0,390	0,374	0,417
Страх потерять работу	0,446	0,420	0,487
Совместное проживание с бабушками и/или дедушками ребенка	0,308	0,358	0,229
Количество наблюдений	1952	1201	751

Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ.

Примечание: ПТГ – поселок городского типа.

Помимо внешней помощи, содействие молодой семье могут оказывать совместно проживающие родственники, в связи с чем мы добавили переменные «совместное проживание с родителем/родителями» и «совместное проживание с родителем/родителями мужа». При построении переменных мы использовали данные о родственных связях между членами семьи из домохозяйственного файла РМЭЗ.

Также в модель были включены сведения о субъективном восприятии женщиной материального положения семьи и вероятности потери работы. Низкий уровень

удовлетворенности материальным положением определяли с помощью вопроса «Насколько Вас беспокоит то, что Вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?» (вариант ответа «Очень беспокоит»). Страх потерять работу оценивали с помощью вопроса «Насколько Вас беспокоит то, что Вы можете потерять работу?» (вариант ответа «Очень беспокоит»).

Для учета региональных особенностей мы включили в модель переменную «квинтильная группа регионов по уровню средней заработной платы». Значения средней зарплаты рассматривали в сопоставимых ценах, т. е. с учетом размера стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг.

В качестве зависимой переменной мы рассматриваем количество лет, проведенных не на рабочем месте с момента рождения ребенка. Средняя длительность отпуска, определяемая таким образом, в среднем по выборке для работающих и не работающих женщин составила 2,95 года, для рождений первого ребенка – 2,86 года, для второго и последующих рождений – 3,06 года (таблица 1). Для женщин, имеющих опыт работы, средняя длительность отпуска оказалась ниже – 2,56 года, имеющих высшее образование – 2,66 года. Средние значения независимых переменных, включенных в анализ, также представлены в таблице 1.

Методика количественного исследования

Для изучения факторов длительности пребывания женщин не на рабочем месте после рождения ребенка мы используем регрессионный анализ выживаемости, применяя непараметрическую модель Кокса в дискретном времени (Cox 1972; Klein, Moeschberger 2003).

В качестве зависимой переменной мы рассматриваем количество лет, проведенных не на рабочем месте с момента рождения ребенка. Для дискретной случайной величины T , отражающей продолжительность пребывания молодой матери не на рабочем месте, функция риска λ определяется следующим образом:

$$\lambda(t) = P(T = t | T \geq t). \quad (1)$$

Для состояния, продлившегося t лет, эта функция отражает вероятность его прекращения в течение ближайшего года. Дискретная модель Кокса задаёт функциональную форму связи риска и объясняющих переменных следующим образом (Klein, Moeschberger 2003: 259):

$$\frac{\lambda(t, X, \beta)}{1 - \lambda(t, X, \beta)} = \frac{\lambda_0(t)}{1 - \lambda_0(t)} \exp(\beta' X), \quad (2)$$

где X — вектор объясняющих переменных, β — оцениваемые коэффициенты, $\lambda_0(t)$ — базовая функция риска, равная его значению при отсутствии воздействия объясняющих переменных, т. е. при $\beta' X = 0$. Вектор X содержит информацию об индивидуальных характеристиках молодой матери, ее партнера и ее семьи (см. таблицу 1).

Данные РМЭЗ о статусе молодой матери на рынке труда являются неполными, что обусловлено интервальным цензурированием и цензурированием справа. Цензурирование справа наблюдается для незавершенных эпизодов выхода на работу, когда эпизод пребывания женщины не на рабочем месте в период наблюдений так и не

завершился. Применение методов анализа длительности позволяет решить проблему смещенности оценок из-за цензурирования справа.

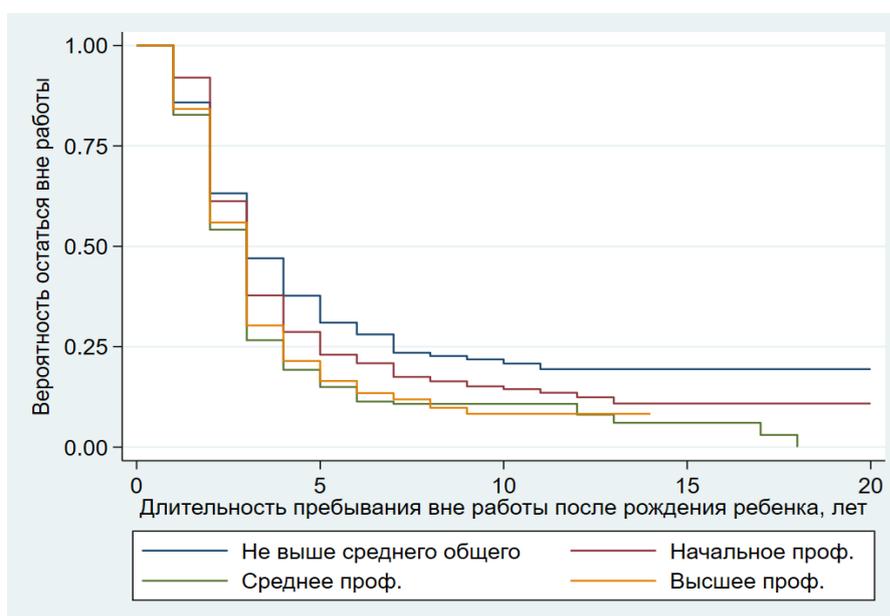
Интервальное цензурирование происходит из-за того, что в ряде случаев в наблюдениях имеются пропуски, и мы не можем понять, вышла ли женщина в это время на работу или нет. Удаление наблюдений с пропусками привело к сокращению выборки примерно на 10%.

Гипотезы

Диаграммы Каплана-Мейера позволяют изучить попарные зависимости длительности пребывания матерей не на рабочем месте от интересующих нас индивидуальных и домохозяйственных факторов. Мы включили информацию о распределении вероятностей остаться не на рабочем месте для групп женщин в зависимости от уровня образования, порядкового номера ребенка и периода его рождения (рисунки 1-3).

Сравнение распределения вероятности невыхода из родительского отпуска в зависимости от уровня образования свидетельствует о более раннем выходе на работу женщин, имеющих высшее и среднее профессиональное образование (рисунок 1). На графике также хорошо видно, что в долгосрочной перспективе, спустя 10-15 лет после рождения ребенка, экономическая активность женщин с низким уровнем образования заметно ниже, чем для всех остальных.

Рисунок 1. Диаграмма Каплана-Мейера для вероятности пребывания не на рабочем месте в зависимости от уровня образования матери

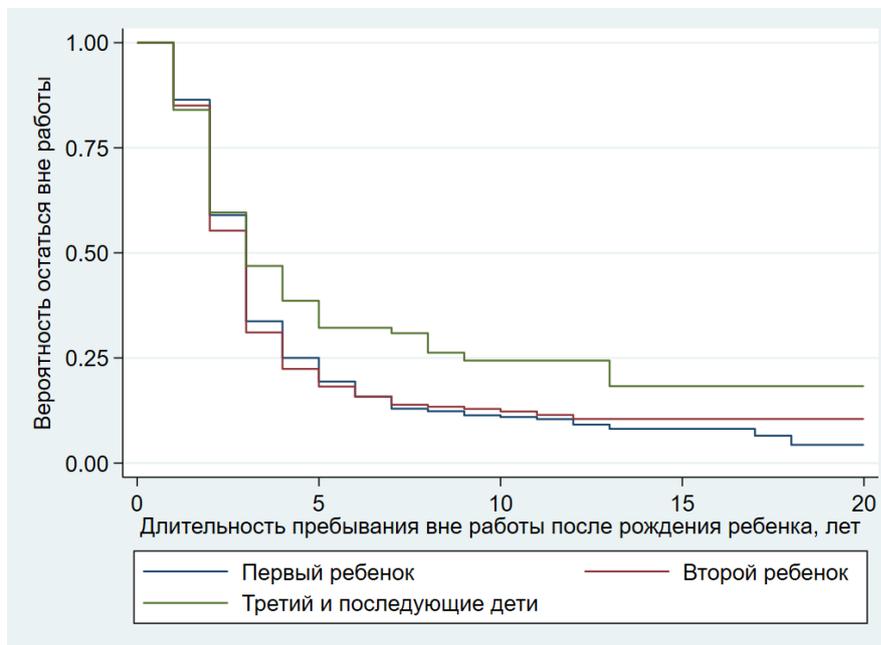

Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ.

Интерес представляет также влияние на выход матерей на работу порядкового номера ребенка в числе рождений (рисунок 2). В литературе есть свидетельства того, что в случае первого ребенка фактическая длительность отпуска оказывается несколько больше, чем в остальных случаях (Hobson, Duvander, Halldén 2006). Данные рисунка 2 не позволяют прийти к определенному выводу, можно только отметить, что вероятность раннего выхода на работу для вторых рождений стабильно выше, чем для первых. С рождениями большего

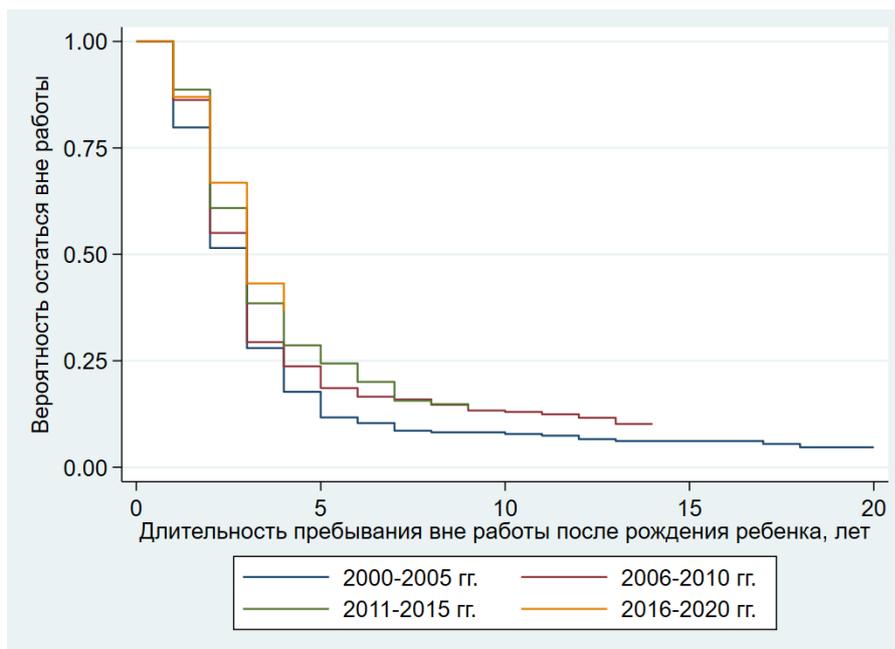
порядка полной ясности нет, видно лишь, что в долгосрочной перспективе экономическая активность многодетных матерей ожидаемо оказывается существенно ниже, чем для остальных.

Рисунок 2. Диаграмма Каплана-Мейера для вероятности пребывания матери не на рабочем месте в зависимости от порядкового номера ребенка

Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ.

Рисунок 3. Диаграмма Каплана-Мейера для вероятности пребывания матери не на рабочем месте в зависимости от периода рождения ребенка

Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ.

Другим фактором, значимость влияния которого на вероятность раннего выхода на работу представляет интерес, является время рождения ребенка. Изучаемое двадцатилетие было насыщенным с точки зрения демографического и экономического развития страны. За это время был реализован целый ряд мероприятий демографической политики, периоды экономического роста и относительной стабильности сменялись заметными экономическими потрясениями. Как они повлияли на трудовую активность матерей? Ответ однозначен (рисунок 3): в 2010-х годах молодые матери выходили на работу позже, чем в 2000-е. Более подробные детали этого процесса, в частности, зависит ли он от порядкового номера ребенка, будут уточнены с помощью регрессионного анализа.

Обзор более ранних исследований факторов выхода молодых матерей на работу, а также предварительный анализ характеристик матерей и их домохозяйств с помощью диаграмм Каплана-Мейера позволяют сформулировать следующие гипотезы эмпирического исследования.

1. Способствуют более раннему выходу матери из отпуска по уходу такие характеристики, как наличие опыта работы (Макау 2017) и высокий уровень образования (Grunow, Aisenbrey 2016), больший порядковый номер ребенка (Hobson, Duvander, Halldén 2006), наличие источников родственной и неродственной помощи как внешней, так и внутри домохозяйства, а также проживание в регионе с развитым рынком труда.
2. Снижают риски более раннего выхода на работу более высокий возраст матери, более поздний период рождения ребенка (эффект расширения государственной поддержки семьи и детей, а также стагнации реальной заработной платы, снижающей выигрыш от выхода на оплачиваемую работу). Эффект семейного статуса женщины на вероятность прервать отпуск может быть разнонаправленным: с одной стороны, наличие партнера может делать более стабильным материальное положение семьи и способствовать более длительному пребыванию женщины в отпуске. С другой стороны, партнер может брать на себя часть обязанностей по уходу за ребенком, упрощая тем самым выход матери на работу.
3. Характер зависимости вероятности выхода на работу от характеристик матери и домохозяйства, в котором она проживает, может зависеть от порядкового номера ребенка. Чтобы учесть эту возможность, были рассмотрены 3 эконометрические модели: помимо полной выборки были рассмотрены подвыборки для матерей первого, а также второго и последующих детей.

Регрессионный анализ, в отличие от попарных сравнений, дает возможность оценить влияние перечисленных факторов при прочих равных, т. е. с учетом воздействия других характеристик матери и ее семьи, что позволяет существенно уточнить результаты предварительного анализа.

3. Результаты

Мы оценили риски выхода на работу для молодых матерей с помощью непараметрической модели Кокса анализа длительности событий. Мы рассматриваем длительность пребывания женщины не на рабочем месте с момента (года) рождения ребенка, а показателем выхода из данного состояния является выход женщины на работу. Были рассмотрены 3 варианта выборки: все наблюдения, наблюдения для первого

ребенка, наблюдения для второго и последующих детей. Отдельно рассмотреть выборку для многодетных матерей (имеющих трех и более детей) не удалось из-за малого количества таких наблюдений. Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 2.

Часть факторов, оказывающих значимое влияние на риски выхода молодых матерей на работу, соответствуют нашим ожиданиям. Так, например, рождение еще одного ребенка значительно снижает вероятность возвращения женщины на работу, а опыт работы, а также страх потерять работу, напротив, заметно ее повышают.

Ожидаемый эффект на длительность отпуска оказывает и высокий уровень образования матери: наличие среднего и в особенности высшего профессионального образования способствует более раннему выходу на работу. Для матерей вторых и последующих детей эффект образования выражен особенно ярко. Таким образом, гипотеза о более кратком пребывании в отпуске более образованных и высококвалифицированных, неоднократно подтвержденная в международных исследованиях (Grunow, Aisenbrey 2016; Hobson, Duvander, Halldén 2006) на российских данных также оказалась верной.

Наличие партнера (как в зарегистрированном, так и в гражданском браке) на длительности отпуска не сказывается. При расчетах мы рассматривали и другие варианты модели, включающие различные характеристики мужа/партнера женщины, такие как занятость партнера, наличие у него высшего образования, наличие зарегистрированного брака и др. Согласно полученным результатам на российских данных значимость влияния семейного статуса женщины и характеристик партнера на длительность отпуска не подтверждается. В научной литературе, как правило, отмечается, что наличие партнера позволяет женщине дольше находится в отпуске по уходу за ребенком, хотя следует отметить, что в зарубежных работах речь идет о меньшей длительности отпуска (Mogosow, Jalovaara 2019; Kuhlenkasper, Kauermann 2010).

Внешняя помощь со стороны лиц, не являющихся родственниками, распространена мало. Так, в среднем по выборке ею пользовались около 6% женщин (см. таблицу 1). Как правило, эта помощь является оплачиваемой (более 65% случаев помощи по уходу за детьми не старше 5 лет), что позволяет предположить, что в основном это услуги нянь. Согласно полученным результатам наличие неродственной помощи значительно способствует более раннему выходу на работу в случае первого ребенка и является незначимым фактором для подвыборки матерей вторых и последующих детей.

Вне зависимости от порядкового номера ребенка важным оказался фактор помощи родственников, не входящих в состав домохозяйства. Также способствует выходу женщин на работу совместное проживание с бабушками и/или дедушками ребенка (только в случае первого ребенка).

Отметим влияние периода рождения ребенка, в особенности первого. Вероятность выхода на работу в течение последних 10 лет устойчиво снижалась по сравнению с периодом с 2000 по 2005 г. Отчасти это объясняется усилением демографической политики государства. С 2007 г. была введена программа материнского капитала, которая может оказывать влияние на потребность семьи зарабатывать на жилье и на образование детей, внедрялись другие меры поддержки семьи. Расширение системы детских пособий, которое происходило регулярно с 2007 г., могло снижать потребность семей в

дополнительном заработке. Другое объяснение более длительного пребывания женщин вне рабочего места в 2010-х годах по сравнению с 2000-ми может состоять в том, что трудовые доходы росли в этот период значительно медленнее, что в свою очередь снижало экономическую привлекательность более раннего выхода женщин на работу.

Для того, чтобы учесть особенности локальных рынков труда, в модель были добавлены фиктивные переменные для квинтильных групп по размеру средней заработной платы. Отметим, что в выборку РМЭЗ входит лишь часть регионов России. Согласно полученным результатам проживание в регионах с относительно низким уровнем зарплат снижает вероятность более раннего выхода на работу. Это объяснимо – компенсация за выход на работу в виде разницы трудовых доходов и пособия по уходу за ребенком в таких регионах ниже, что делает возвращение к занятости менее привлекательным.

Характеристики населенного пункта оказались незначимыми – существенных различий в вероятности выйти из отпуска для женщин, проживающих в региональных центрах и прочих городах, по сравнению с жительницами сельских поселений обнаружено не было.

Возраст матери способствует снижению риска выхода/возвращения на работу: по сравнению с женщинами до 25 лет представительницы возрастных групп 25-29 лет и особенно от 30 и старше имеют меньшие шансы выйти на работу из материнского отпуска. Конечно, эффект возраста отчасти компенсируется другими характеристиками, способствующими, наоборот, более раннему выходу из отпуска и чаще встречающимися среди более старших женщин – наличием оплачиваемой работы накануне рождения ребенка и опытом выхода на работу после рождения предыдущего ребенка. Тем не менее проблема возраста существует: при прочих равных женщинам после тридцати заметно сложнее выйти на работу после рождения ребенка.

В работе на американских данных (Macran, Joshi, Dex 1996) отмечается, что с возрастом матери длительность материнского отпуска снижается. У нас результаты обратные, но скорее всего различия объясняются спецификой американского случая (очень короткий оплачиваемый отпуск), а также тем, что мы рассматриваем всех женщин (как работавших, так и не работавших до рождения ребенка).

Другим важным результатом проведенного анализа является значимость порядкового номера рожденного ребенка. С учетом остальных характеристик матери вероятность прекращения отпуска по уходу за третьим и последующими детьми выше, чем отпуска в связи с рождением второго и в особенности первого ребенка. Этот эффект характерен для более раннего (до трех лет) выхода из материнского отпуска, хотя в целом многодетные матери ожидаемо чаще оказываются вне рынка труда в долгосрочной перспективе. Мы предполагаем, что при повторном выходе матери на работу семья пользуется уже отработанными схемами замены части ее домашней нагрузки, например, за счет привлечения внешней и внутрисемейной родственной помощи, услуг нянь и детских дошкольных учреждений, и потому может быстрее позволить женщине вернуться к рабочей деятельности. Возможно также, что чем больше в семье детей, тем более острой является потребность в дополнительном заработке, и как следствие, матери сложнее не работать или находиться в неоплачиваемом отпуске.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа факторов длительности отпуска по уходу за ребенком, логарифм отношения шансов выхода на работу (модель Кокса)

	Модель 1 (все случаи)	Модель 2 (случаи рождения первого ребенка)	Модель 3 (случаи рождения второго и последующих детей)
Состоит в браке, в том числе в незарегистрированном	-0,082 [0,087]	-0,059 [0,100]	-0,106 [0,184]
<i>Тип населенного пункта; пропущенная категория – село, поселок городского типа</i>			
Региональные центры	-0,07 [0,073]	0,01 [0,093]	-0,201* [0,118]
Прочие города	-0,02 [0,076]	0,028 [0,100]	-0,083 [0,119]
<i>Образование; пропущенная категория – не выше среднего общего</i>			
Начальное профессиональное	0,009 [0,094]	-0,102 [0,126]	0,118 [0,142]
Среднее профессиональное	0,239*** [0,092]	0,164 [0,118]	0,309** [0,150]
Высшее профессиональное	0,327*** [0,091]	0,233** [0,119]	0,432*** [0,147]
<i>Порядковый номер ребенка у матери; пропущенная категория – первый ребенок, для модели 3 – второй ребенок</i>			
Второй	0,334*** [0,071]		
Третий и последующие	0,501*** [0,122]		0,207* [0,122]
Родился еще ребенок	-0,308*** [0,068]	-0,297*** [0,079]	-0,409*** [0,144]
<i>Возраст матери; пропущенная категория – до 25 лет</i>			
25-29 лет	-0,456*** [0,084]	-0,440*** [0,093]	-0,636** [0,266]
30-34 лет	-0,850*** [0,098]	-0,912*** [0,120]	-0,958*** [0,265]
35 лет и старше	-1,275*** [0,112]	-1,241*** [0,149]	-1,435*** [0,269]
Имеет опыт работы	0,673*** [0,066]	0,651*** [0,081]	0,781*** [0,120]
<i>Период рождения ребенка; пропущенная категория - 2000-2005 гг.</i>			
2006-2010 гг.	-0,121 [0,075]	-0,152 [0,094]	-0,054 [0,129]
2011-2015 гг.	-0,232*** [0,076]	-0,264*** [0,097]	-0,159 [0,126]
2016-2020 гг.	-0,327*** [0,106]	-0,512*** [0,154]	-0,118 [0,154]
<i>Наличие помощи по уходу</i>			
Неродственной	0,181 [0,111]	0,294** [0,133]	-0,041 [0,205]
Родственной	0,352*** [0,061]	0,316*** [0,078]	0,430*** [0,100]
Низкая оценка материального положения	-0,09 [0,058]	-0,153** [0,075]	0,026 [0,092]
Страх потерять работу	0,452*** [0,058]	0,445*** [0,073]	0,427*** [0,096]
Совместное проживание с бабушками и/или дедушками ребенка	0,140** [0,066]	0,179** [0,084]	0,093 [0,115]

	Модель 1 (все случаи)	Модель 2 (случаи рождения первого ребенка)	Модель 3 (случаи рождения второго и последующих детей)
<i>Квинтильная группа регионов по уровню средней заработной платы (в сопоставимых ценах): пропущенная категория – 3-я группа</i>			
1-я группа (с наименьшей заработной платой)	-0,251** [0,100]	-0,289** [0,129]	-0,209 [0,160]
2-я группа	-0,213** [0,093]	-0,276** [0,117]	-0,11 [0,158]
4-я группа	-0,025 [0,092]	0,029 [0,117]	-0,1 [0,153]
5-я группа	0,023 [0,088]	-0,039 [0,112]	0,124 [0,146]
Количество наблюдений	1952	1201	751
Количество завершенных эпизодов	1356	836	520
Лог-правдоподобие	-9137,065	-5207,907	-3015,683

Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ.

*Примечание: * – значимость на уровне 10%; ** – значимость на уровне 5%; *** – значимость на уровне 1%. В скобках указаны стандартные ошибки.*

Результаты нашего исследования являются устойчивыми к небольшим изменениям базовой модели, таким как расширение определения занятости (включение самозанятости), изменение определения семейного статуса и характеристик супруга/партнера, использованию других региональных характеристик и др.

Полученные нами оценки имеют важное ограничение. Данные РМЭЗ не позволяют оценивать длительность материнского отпуска в месяцах. Наши расчеты проводились в годах, что безусловно существенно снижает качество оценки, особенно с учетом того, что оплачиваемый отпуск в России составляет полтора года. Также следует отметить, что мы, стараясь избежать повторных включений, рассматриваем строго по одному случаю рождения детей у каждой женщины. Значения большинства независимых переменных соответствуют концу эпизода наблюдений (выходу на работу или последнему периоду пребывания в выборке). Из-за этого мы не можем отличить, например, мать-одиночку от женщины, брак которой распался после рождения ребенка.

4. Дискуссия и выводы

В данной работе мы попытались ответить на вопрос, какие факторы способствуют или препятствуют более раннему выходу молодых матерей на работу. К двадцатилетней панели национально репрезентативного исследования мы применили анализ длительности событий для оценки риска пребывания женщины вне рабочего места в связи с рождением ребенка.

Общий вывод нашего исследования в целом подтверждает результаты, полученные ранее для других стран. Он состоит в том, что быстрее к профессиональной трудовой деятельности после рождения ребенка возвращаются женщины, у которых больше разнообразных ресурсов как индивидуального, так и семейного характера. Более высокий уровень образования, опыт работы, наличие родственной и в меньшей степени неродственной помощи, проживание в регионе с более высокой заработной платой, опыт выхода на работу после рождения старшего ребенка – все это при прочих равных увеличивает вероятность возобновления женщинами трудовой деятельности.

В настоящее время в России реализован нестандартный по международным меркам подход к отпуску по уходу за ребенком. В совокупности он продолжается до трех лет ребенка, что заметно больше, чем в большинстве стран, но половина отпуска является неоплачиваемой при сохранении рабочего места. Оплачиваемая часть отпуска, состоящая из отпуска по беременности и родами и отпуска по уходу за ребенком (140 + 475 дней), также заметно больше, чем в большинстве других стран. В силу объективных причин отпуск по беременности менее вариативен, а основные межстрановые различия сконцентрированы в длительности отпуска по уходу за ребенком.

Отдельную проблему составляет неоплачиваемая часть отпуска по уходу за ребенком. Насколько важной мерой для российских женщин является удержание рабочего места, если мы имеем один из самых низких уровней безработицы даже на пике экономических кризисов? Как было неоднократно показано, наш рынок труда адаптируется к кризисам снижением реальной зарплаты в обмен на сохранение работников на рабочих местах (Капелюшников 2022). На практике реализация права женщин на сохранение рабочего места часто приводит к их дискриминации со стороны работодателей, которые пытаются избавиться от сотрудниц, уходящих в декрет, или оказывают на них давление с целью сокращения отпуска (Центр социально-трудовых прав 2014; Kalabikhina 2017).

Данная мера, являясь очевидным бременем для работодателей, одновременно не востребована многими женщинами. Как видно из нашего исследования, молодые матери с опытом работы и хорошим образованием часто не используют весь отпуск, даже его оплачиваемую часть, теряя государственную поддержку ради продолжения работы, сохранения профессиональных навыков и карьеры. В их отказе от предлагаемых гарантий можно увидеть запрос на более разнообразную политику в области предоставления отпусков, которая бы соответствовала интересам различных групп женщин.

Что можно предложить в вопросе совершенствования политики предоставления отпуска по уходу за ребенком? Одной из возможностей является система гибких отпусков, при которой женщина и домохозяйство, в котором она проживает, самостоятельно определяют длительность материнского отпуска, не теряя положенные за полтора года выплаты, которые перераспределялись бы на выбранные месяцы. Установление минимума длительности отпуска по такой схеме позволило бы приблизиться к опыту развитых стран, где отпуск заметно короче, а размер выплат в терминах средней заработной платы существенно выше. Во-вторых, можно рассмотреть дробный (прерывистый) отпуск: неоднократный период отпуска в течение имеющихся трех лет при необходимости по выбору родителей. При такой схеме оплачивается только первая часть отпуска, но мать или отец могут заново выйти в отпуск с сохранением рабочего места в случае необходимости. В-третьих, можно задуматься о сокращении длительности отпуска до года с одновременным повышением уровня оплаты. Еще один вариант модернизации состоит во введении непередаваемого отцовского отпуска, который позволил бы комбинировать материнские (родительские) и отцовские отпуска, дополнительно способствуя более справедливому распределению заботы о детях внутри домохозяйства.

Мы понимаем, что предлагаемые изменения системы отпуска по уходу за ребенком могут восприниматься населением болезненно. В идеале сокращение оплачиваемого и неоплачиваемого материнского отпуска должно сопровождаться улучшением всей системы баланса «семья-работа» для разных социально-демографических групп

родителей. Это и институт сертифицированных нянь, и гарантированные места в ясельных группах, и разнообразие форматов этих групп, и трехсторонние соглашения о дружественном климате для родителей с участием работодателей, и политика в отношении ухода за пожилыми и нуждающимися членами семьи, поскольку время на заботу о них часто конкурирует со временем ухода за детьми.

В недалеком прошлом общественная дилемма, связанная с материнством, как правило, звучала так: что важнее – рождаемость или женская занятость? Со временем эти варианты выбора перестают быть взаимоисключающими. Гибкие варианты занятости и расширение предложения услуг по уходу за детьми позволяют женщинам сокращать свое отсутствие на работе в связи с рождением ребенка.

В дальнейшем мы планируем продолжить исследование влияния отпуска по уходу за ребенком на трудовую деятельность женщин. В частности, интерес представляет влияние распределения гендерных ролей в домохозяйстве на длительность материнского отпуска. В работе (Zhou, Kan 2019), выполненной на британских данных, показано, что семейные пары с большим количеством детей последнее время с меньшей вероятностью придерживаются модели мужчины-кормильца, а семьи с мужчиной-кормильцем в свою очередь с меньшей вероятностью имеют больше детей. Таким образом, большее гендерное равенство внутри семьи перестало быть препятствием для рождаемости. Данная гипотеза могла бы быть проверена на российских данных.

Литература

- Арженовский С.В., Артамонова Д.В. (2007). Оценка потерь в зарплате женщин с детьми. *Прикладная эконометрика*, 3(7), 66-79.
- Бобков В.Н., Квачев В.Г., Локтюхина Н.В., Риччери М. (2017). Критерии, вероятность и степень неустойчивости занятости с учетом особенностей российского рынка труда. *Экономика региона*, 3, 672–683. <https://doi.org/10.17059/2017-3-3>
- Ермолина А.А., Рохмина Е.Б., Васильева Ю.М., Трач Т.М. (2016). Рождение ребенка как фактор доходной обеспеченности женщин. Насколько велик в России" штраф за материнство"? *Демоскоп Weekly*, 701-702, 35-40. <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0701/analit02.php> (данные загружены 22.07.2022).
- Капелюшников Р.И. (2022). Анатомия коронакризиса через призму рынка труда. *Вопросы экономики*, 2, 33-68. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-2-33-68>
- Колесник Д.П., Пестова А.А., Донина А.Г. (2021). Что (же) делать с занятостью женщин с детьми в России? Роль дошкольных образовательных учреждений. *Вопросы экономики*, 12, 94-117. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-12-94-117>
- Ниворожкина Л.И., Ниворожкин А.М., Арженовский С.В. (2008). «Цена» материнства: эконометрическая оценка. *Вестник Таганрогского института управления и экономики*, 1, 3-20.
- Ощепков А.Ю. (2020). Отцы и дети: «премия» за отцовство на российском рынке труда. *Экономический журнал Высшей школы экономики*, 24(2), 157-190. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-2-157-190>

- Пайе А., Синявская О. (2010). Занятость женщин во Франции и России: роль детей и гендерных установок. В С.В. Захаров, Л.М. Прокофьева, О.В. Синявская (Ред.), *Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад* (с. 304–352). М.: НИСП.
- Центр социально-трудовых прав (2014). *Дискриминация, пособия и очереди в детские сады — главные проблемы работающих женщин*.
<https://trudprava.ru/expert/analytics/genderanalyt/1049> (дата обращения: 03.08.2122)
- Aisenbrey S., Evertsson M., Grunow D. (2009). Is there a career penalty for mothers' time out? A comparison of Germany, Sweden and the United States. *Social Forces*, 88(2), 573-605.
<https://doi.org/10.1353/sof.0.0252>
- Andersson G. (2008). Selectivity in higher-order childbearing in Sweden. *Finnish Yearbook of Population Research*, 33-40. <https://doi.org/10.23979/fypr.45033>
- Bergemann A., Riphahn R.T. (2010). Female labour supply and parental leave benefits—the causal effect of paying higher transfers for a shorter period of time. *Applied Economics Letters*, 18(1), 17-20. <https://doi.org/10.1080/13504850903425173>
- Biryukova S., Makarentseva A. (2017). Estimates of the Motherhood Penalty in Russia. *Population and Economics*, 1(1), 50-70. <https://doi.org/10.3897/popecon.1.e36032>
- Bygren M., Duvander A.Z. (2006). Parents' workplace situation and fathers' parental leave use. *Journal of marriage and family*, 68(2), 363-372. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2006.00258.x>
- Chirkova S. (2019). The impact of parental leave policy on child-rearing and employment behavior: The case of Germany. *IZA Journal of Labor Policy*, 9(1).
<https://doi.org/10.2478/izajolp-2019-0007>
- Cox D.R. (1972). Regression models and life-tables. *Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Methodological)*, 34(2), 187-202. <https://doi.org/10.1111/j.2517-6161.1972.tb00899.x>
- Crompton R. (2006). *Employment and the family: The reconfiguration of work and family life in contemporary societies*. Cambridge University Press.
- Evertsson M., Duvander A.Z. (2011). Parental Leave—Possibility or Trap? Does Family Leave Length Effect Swedish Women's Labour Market Opportunities? *European Sociological Review*, 27(4), 435-450. <https://doi.org/10.1093/esr/jcq018>
- Grunow D., Aisenbrey S. (2016). Economic instability and mothers' employment: A comparison of Germany and the US. *Advances in Life Course Research*, 29, 5-15.
<https://doi.org/10.1016/j.alcr.2015.09.005>
- Hobson B., Duvander A.Z., Halldén K. (2006). Men and women's agency and capabilities to create a worklife balance in diverse and changing institutional contexts. *Children, changing families and welfare states*, 13, 267-296. <https://doi.org/10.4337/9781847204363.00024>
- Joseph O., Pailhé A., Recotillet I., Solaz A. (2013). The economic impact of taking short parental leave: Evaluation of a French reform. *Labour Economics*, 25, 63-75.
<https://doi.org/10.1016/j.labeco.2013.04.012>
- Kalabikhina I. (2017). Parental responsibilities and discrimination in employment. *Population and Economics*, 1(1), 89-116. <https://doi.org/10.3897/popecon.1.e36034>

- Klein J.P., Moeschberger M.L. (2003). *Survival analysis: techniques for censored and truncated data* (Vol. 1230). New York: Springer.
- Kluge J., Tamm M. (2013). Parental leave regulations, mothers' labor force attachment and fathers' childcare involvement: evidence from a natural experiment. *Journal of Population Economics*, 26(3), 983-1005. <https://doi.org/10.1007/s00148-012-0404-1>
- Kuhlenkasper T., Kauermann G. (2010). Duration of maternity leave in Germany: A case study of nonparametric hazard models and penalized splines. *Labour Economics*, 17(3), 466-473. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2009.12.001>
- Lappegard T. (2008). Changing the gender balance in caring: Fatherhood and the division of parental leave in Norway. *Population research and policy review*, 27(2), 139-159. <https://doi.org/10.1007/s11113-007-9057-2>
- Lapuerta I., Baizán P., González M.J. (2011). Individual and institutional constraints: An analysis of parental leave use and duration in Spain. *Population Research and Policy Review*, 30(2), 185-210. <https://doi.org/10.1007/s11113-010-9185-y>
- Lundberg S., Pollak R.A. (1993). Separate spheres bargaining and the marriage market. *Journal of political Economy*, 101(6), 988-1010. <https://doi.org/10.1086/261912>
- Macran S., Joshi H., Dex S. (1996). Employment after childbearing: a survival analysis. *Work, Employment and Society*, 10(2), 273-296. <https://doi.org/10.1177%2F0950017096102004>
- Makay Z. (2017). Parental Leave and Career Interruption of Mothers in France and Hungary. In: Régnier-Loilier A. (Ed.), *A Longitudinal Approach to Family Trajectories in France*. INED Population Studies, vol 7. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-56001-4_9
- Morosow K., Jalovaara M. (2019). Disadvantaging single parents? Effects of long family leaves on single and partnered mothers' labour market outcomes in Finland. Retrieved from <https://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2:1341229>
- Pettit B., Hook J. (2005). The structure of women's employment in comparative perspective. *Social Forces*, 84(2), 779-801. <https://doi.org/10.1353/sof.2006.0029>
- Sundström M., Duvander A.Z. (2002). Gender division of childcare and the sharing of parental leave among new parents in Sweden. *European Sociological Review*, 18(4), 433-447. <https://doi.org/10.1093/esr/18.4.433>
- Thévenon O., Solaz A. (2013). Labour Market Effects of Parental Leave Policies in OECD Countries. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, 141, 1-68. <https://doi.org/10.1787/5k8xb6hw1wjf-en>
- Zhou M., Kan M.Y. (2019). A new family equilibrium? Changing dynamics between the gender division of labor and fertility in Great Britain, 1991–2017. *Demographic Research*, 40, 1455-1500. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2019.40.50>

Влияние социально-экономических и демографических факторов на вероятность рождения недоношенного ребенка

Любовь Сергеевна Щевьёва
(liubov.shchevyeva@yandex.ru), Московский
Государственный Университет имени
М.В. Ломоносова, Россия.

Impact of social-economic and demographic factors on probability of preterm birth

Liubov Shchevyeva
(liubov.shchevyeva@yandex.ru),
Lomonosov Moscow State University,
Russia.

Резюме: В последние годы в Москве, как и в мире, наблюдается тенденция увеличения среднего возраста матери при рождении детей, что может приводить к увеличению вероятности мертворождения или рождения недоношенного ребенка, возможной окончательной бездетности, а также к плохому воздействию на состояние здоровья матери (Selvaratnam 2014: 4). На смещение пика первых рождений в 2018 г. на возрастную группу 24-26 лет, а вторых рождений на возрастную группу 31 год в России (Российская экономическая школа 2022) и в Москве в частности сказалось влияние материнского капитала как меры семейной политики, введенной в январе 2007 г. Для предотвращения патологий и отрицательных исходов беременности правительства в развитых странах предпринимают меры по наблюдению за здоровьем женщин, рожаящих в более позднем возрасте, что важно для состояния женщин до, во время и после завершения беременности, и для здоровья их будущих детей. Необходимо модернизировать и российскую систему ведения беременности для обеспечения беременных и рожениц разных возрастов более качественными медицинскими услугами.

В данном исследовании была сформирована база данных на основе 15 тыс. обезличенных сканов медицинских свидетельств о рождении в московском регионе за 2011-2017 гг. С использованием Logit-моделей было подтверждено, что с увеличением возраста матери растет вероятность рождения недоношенного ребенка. При этом с каждым последующим ребенком также увеличивается вероятность недоношенности. Результаты оказались устойчивыми при добавлении ряда переменных в модель, таких как наличие высшего образования, очередность рождения и постановка на учет до 12-й недели беременности.

Ключевые слова: рождаемость, откладывание рождений, социально-экономические факторы деторождения, демографические факторы деторождения, средний возраст матери, Москва, недоношенность.

Для цитирования: Щевьёва Л.С. (2022). Влияние социально-экономических и демографических факторов на вероятность рождения недоношенного ребенка. Демографическое обозрение, 9(3), 44-57. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16469>

Abstract: In recent years, in Moscow as well as in the world, there has been a trend towards an increase in the average age at birth, which can lead to an increase in the likelihood of stillbirth or the birth of a premature baby, possibly permanent childlessness, and a negative impact on the mother's health. The shift in the peak of first births in 2018 to the age group of 24-26 years, and of second births to the age group of 31 years in Russia and in Moscow in particular, was a result of the impact of the maternity capital, a family policy measure introduced in January 2007. To prevent pathologies and negative pregnancy outcomes, governments in developed countries are taking measures to monitor the health of women who give birth at a later age, which is important for the condition of women before, during and after pregnancy, and for the health of their future children. In Russia too it is necessary to modernize the system of pregnancy management in order to provide pregnant women and women in childbirth of different ages with better medical services.

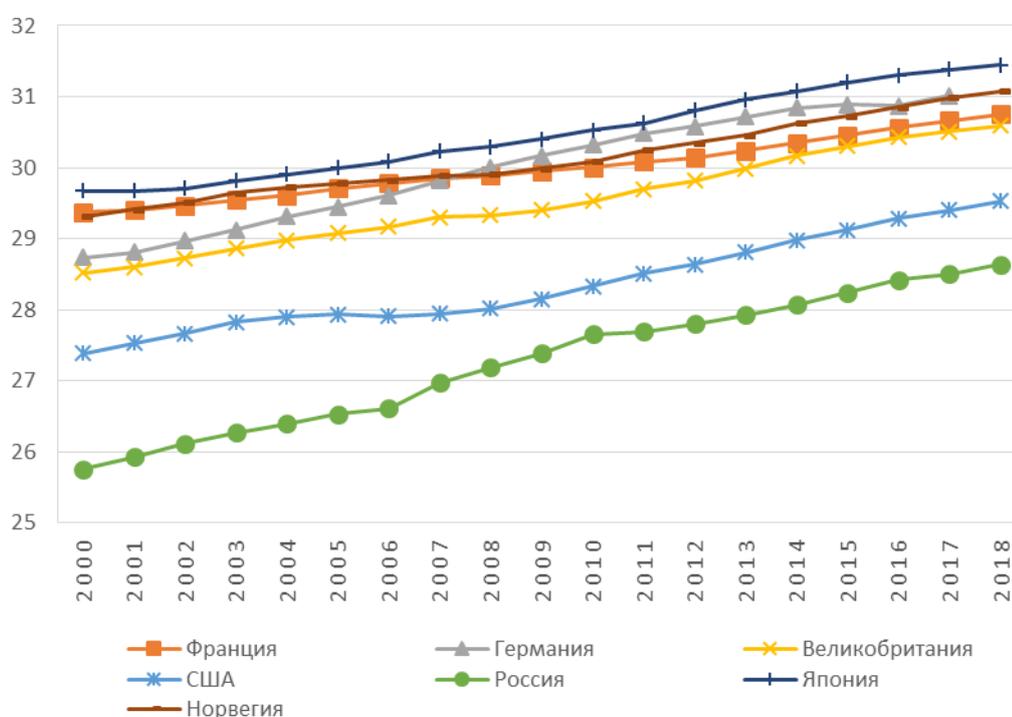
The research data consists of 15 thousand scans of depersonalized medical birth certificates from a Civil Registration Office in the Moscow region for the period 2011-2017. Using Logit models, it was shown that with an increase in the age of the mother, the probability of having a premature baby increases. At the same time, with each subsequent child, the likelihood of premature birth also increases. The results were robust when a number of variables were added to the model, such as higher education, birth order, and registration before 12 weeks of gestation.

Keywords: fertility, delaying childbirth, social and economic factors of childbearing, demographic factors of childbearing, mean age at childbearing, Moscow, preterm birth.

For citation: Shchevyeva L. (2022). Impact of social-economic and demographic factors on probability of preterm birth. Demographic Review, 9(3), 44-57. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16469>

В последние десятилетия в развитых странах происходит откладывание рождения первого ребенка. Так, например, в США в 1960 г. наибольшее количество рождений приходилось на группу женщин возраста 20-24 года (43% рождений), в 1990 г. на эту группу пришелся уже 31% рождений, тогда как в 2018 г. наибольшее количество рождений пришлось на возрастную группу 25-29 лет (29% рождений) (Schweizer, Guzzo 2020: 1). Как и во многих странах, в России также отмечается увеличение среднего возраста матери при рождении ребенка (рисунок 1), что может быть причиной роста вероятности мертворождения (Huang et. al. 2008: 165; Yanikkaya, Selim 2010: 85) и недоношенности при рождении живого ребенка. Большой средний возраст матери, с одной стороны, может повлиять на более осознанное решение о рождении ребенка, с другой стороны, в этом случае скорее будет ухудшаться ее состояние здоровья, причем, в том числе и репродуктивного. Таким образом, повышается опасность невозможности иметь детей по биологическим причинам (Архангельский 2013: 130).

Рисунок 1. Средний возраст матери при рождении ребенка в ряде стран

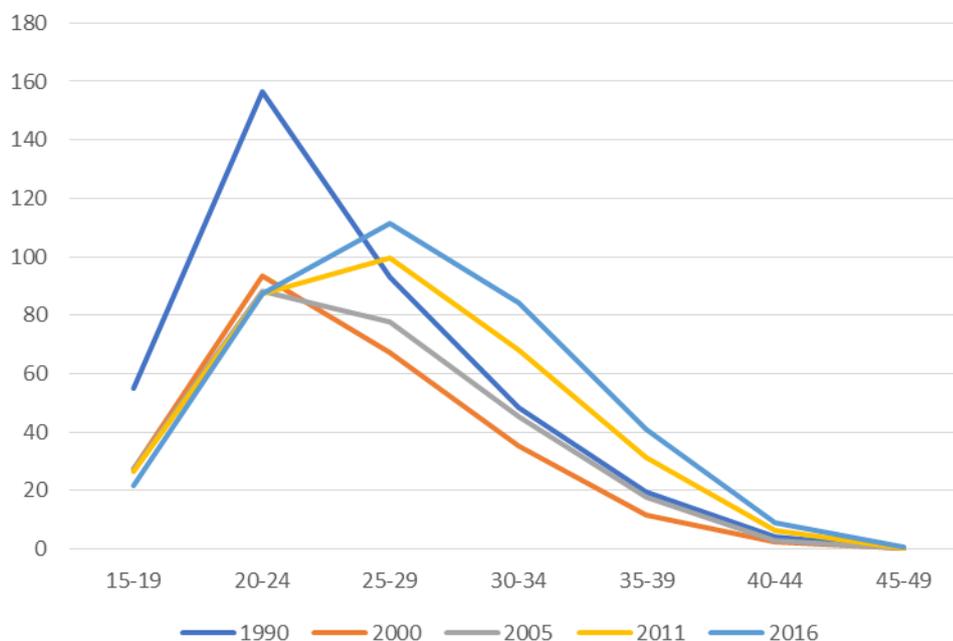
Источник: (Max Planck Institute... 2018).

Рождаемость в России и в Москве

Чередующиеся увеличения и снижения числа рождений в России в последние десятилетия происходят из-за волнообразной численности возрастного состава, а также изменения интенсивности и возрастного профиля рождаемости. Согласно данным Демографического ежегодника России (Росстат 2017), изменение возрастной функции рождаемости характеризуется смещением пика с возрастной группы 20-24 лет на 25-29 лет (рисунок 2). Кроме того, растет рождаемость в и в более старших возрастных группах, что в целом ведет к увеличению среднего возраста матери при рождении ребенка (Щербакова 2019). Причем для Москвы свойственно большее откладывание рождений, что подтверждается и данными текущей регистрации рождений, и данными микропереписи 2015 г. (Аксенова и

др. 2019: 8).

Рисунок 2. Возрастные коэффициенты рождаемости в России, число рождений в среднем на 1000 женщин каждой возрастной группы

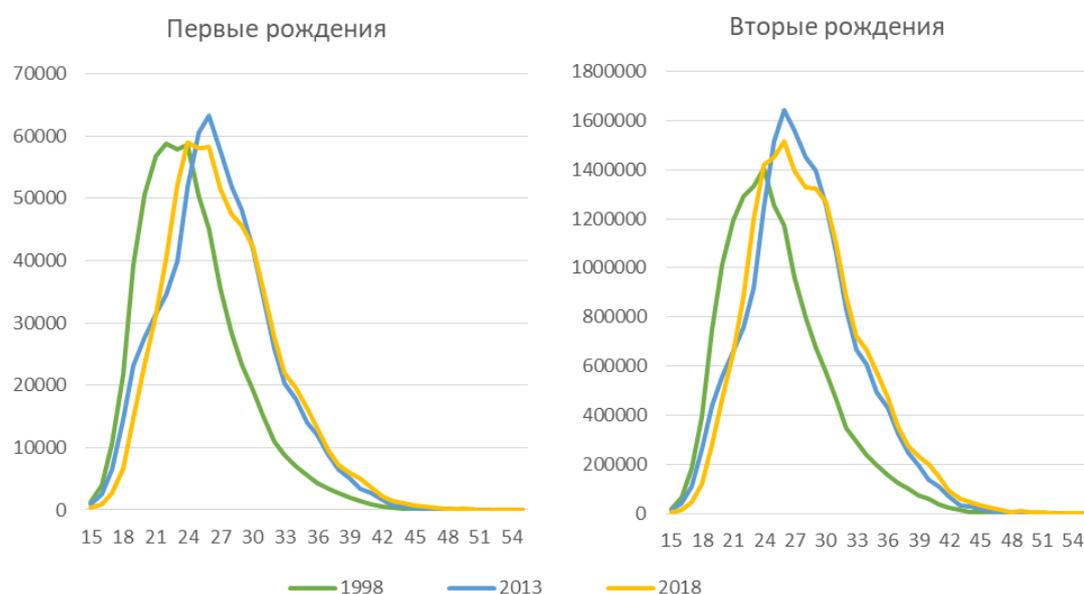

Источник: (Росстат 2017).

Если в 1998 г. в Москве пик первых рождений приходился на возраст 21-24 года, а вторых – на 27-30 лет, то в 2013 г. – на 25-27 лет и 29-31 год, тогда как в 2018 г. – на 24-26 лет и 31 год соответственно (рисунок 3). При этом средний возраст матери при рождении первого ребенка в 1998 г. – 24,4 года, в 2013 г. – 26,9 года, в 2018 г. – 27,3 года; при рождении второго ребенка в 1998 г. – 28,9 года, в 2013 г. – 30,7 года, в 2018 г. – 30,6 года (таблица 1). Смещение календаря рождений в России может происходить из-за введения материнского (семейного) капитала в январе 2007 г. (Тихомирова, Тихомиров 2020: 5). Целью материнского капитала являлось стимулирование рождения второго и последующих детей (ФЗ от 29 декабря 2006 г. №256-ФЗ, ч. 2 ст. 6)¹. По итогам реализации данной политики наблюдаются также и некоторые положительные моменты: небольшое увеличение вторых рождений благодаря общенациональной программе и увеличение третьих и последующих рождений благодаря дополнительным региональным программам (Тихомирова, Тихомиров 2020: 5).

¹ Федеральный закон от 29.12.2006 №256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», часть 2 статья 6.

Рисунок 3. Возрастные коэффициенты рождаемости по очередности в Москве, 1998, 2013, 2018, среднее число рождений по очередности на 1000 женщин каждой возрастной группы

Источник: (Российская экономическая школа 2022).
http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data

Таблица 1. Статистические индикаторы возраста матери в Москве, 1998, 2013, 2018

Показатель, лет	1998	2013	2018
Средний возраст матери при рождении первого ребенка	24,4	26,9	27,3
Мода возраста матери при рождении первого ребенка	22,0	26,0	24,0
Средний возраст матери при рождении второго ребенка	28,9	30,7	30,6
Мода возраста матери при рождении второго ребенка	28,0	30,0	31,0

Источник: Составлено автором на основании (Российская экономическая школа 2022).
http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data

Социально-экономические и демографические характеристики, оказывающие влияние на календарь рождений и недоношенность ребенка

Далее выявим, какие социально-экономические и демографические факторы влияют на изменение календаря рождений в связи постарением материнства, учитывая, что последнее, как и ряд социально-экономических и демографических характеристик, оказывает влияние на риск появления на свет недоношенного ребенка. Определим, что недоношенность – рождение ребенка до окончания 37-й недели беременности, тогда как в среднем беременность длится 40 недель².

На календарь рождений и принятие решения о рождении очередного ребенка влияет ряд факторов: демографических, экономических, политических.

Среди демографических факторов на модель поведения женщины оказывает влияние ее окружение и социальный статус: в окружении молодых женщин с низким

² Всемирная организация здравоохранения. https://www.who.int/features/qa/preterm_babies/ru/

доходом сверстницы чаще рожают детей в более раннем возрасте и вне брака. Так, если девочка хочет поступить в колледж и считает, что у нее есть шансы на это (независимо от образования родителей и поощрения со стороны учителя), она может рассматривать рождение детей вне брака как торможение своей карьеры. Если же в окружении девочки нет людей с высшим образованием и нет практических возможностей для учебы в колледже, она может рассматривать раннее материнство как средство обретения статуса «взрослого человека» (Edin, Kefalas 2005: 29-30, 48). На модель поведения женщины оказывают влияние намерения обоих партнеров относительно времени появления будущего ребенка, причем гендерных различий в этом эффекте нет (Schoen et al. 1999: 799). На откладывание рождений также влияет брачный статус женщины: при откладывании брачных союзов откладываются и рождения (Corijn, Klijzing 2001: 313). Кроме того, женщины с высшим образованием с большей вероятностью решают сначала построить свою карьеру, а после этого родить ребенка (Raymo et al. 2015: 80; Rijken, Liefbroer 2009: 84; Pailhé, Solaz 2012: 23; Мосакова 2008: 83). Причем уровень женского образования является более важной детерминантой наступления беременности, чем мужское образование, т. е. наличие высшего образования у женщины более значимо сказывается на откладывании рождений (Brierova, Duflo 2004: 17). Однако молодые пары, в которых мужчина является более образованным, старше жены и более традиционен в разделении домашних обязанностей (выполняет меньше дел по дому), имеют более высокие шансы для появления ребенка – они сильнее ориентированы на семью и хотят завести ребенка в более молодом возрасте. Причем данный эффект наблюдался для европейских стран вне зависимости от степени развития гендерного равенства на макроуровне общества и государства (Osiewalska 2018: 1524).

Более высокий доход родителей, в частности, приводит к откладыванию первого рождения (Rijken, Liefbroer 2009: 84). Также доход матери в сочетании с образованием и типом брака оказывают влияние на рождения: молодые женщины с низким доходом с большей вероятностью рожают первого ребенка, в том числе вне брака, нежели женщины с большим доходом и высшим образованием (Barber 2001: 237). Высокий доход женщины отрицательно сказывается на рождениях (Бальбо, Биллари, Миллс 2017:140). С одной стороны, с увеличением дохода родителей растет вклад в человеческий капитал ребенка, что снижает рождаемость (Lee, Mason 2010: 177). С другой стороны, для женщин с высоким доходом альтернативные издержки по рождению и воспитанию детей выше, что также приводит к более низкой рождаемости и откладыванию рождений (Kravdal 1992: 459; Gustafsson 2001: 244).

К экономическим факторам, влияющим на принятие решения о рождении детей, относится экономическая нестабильность: высокий уровень безработицы приводит к откладыванию рождения ребенка на неопределенный временной период (Pailhé, Solaz 2012: 29; Бальбо, Биллари, Миллс 2017: 142). Причем мужская безработица оказывает значимое отрицательное влияние на откладывание, тогда как женская безработица на откладывании рождений не сказывается (Pailhé, Solaz 2012: 29). Однако более существенным фактором, чем экономическая нестабильность, влияющим на откладывание рождения, является образование. Женщины с низким уровнем образования с большей вероятностью будут рожать несмотря на нестабильность в отличие от женщин с высоким уровнем образования (Kreyenfeld 2010: 11).

Среди политических факторов особое влияние на формирование возрастных моделей рождаемости оказывает демографическая политика, направленная на

увеличение рождаемости. Например, в результате семейной политики в Швеции в 1960-1980-х годах сократились средние интервалы между рожденьями детей в семье. Такой эффект был вызван увеличением государственных расходов на оплачиваемый отпуск женщинам по беременности, субсидированием расходов, направленных на уход за ребенком (около 10-20%), увеличением размера оплаты отпуска по уходу за больными детьми и др. (Björklund 2006: 3-4). В Норвегии за счет предоставления субсидий в размере 50% на покрытие расходов по уходу за первым ребенком и дополнительных субсидий со стороны муниципалитетов семьям с низким доходом увеличилась вероятность рождения первого ребенка в каждой возрастной группе (Rindfuss et al. 2007: 358).

Таким образом, существуют факторы (высокий доход женщины, наличие высшего образования у женщины, экономическая нестабильность в стране), которые оказывают влияние на повышение возраста матери при рождении первого и последующих детей.

Повышение возраста матери при рождении ребенка увеличивает вероятность недоношенности (Tamura et al. 2018: 14). Низамова в исследовании получила, что недоношенность детей более характерна для женщин возрастной группы 30-39 лет (Низамова 2017: 2). Jiang с соавторами получили U-образную зависимость между возрастом матери при рождении ребёнка и вероятностью недоношенности (Jiang et al. 2018: 817). То есть у женщин в старших и самых младших возрастах выше вероятность недоношенности. Hidalgo-Lopezosa с коллегами подтвердили более высокую вероятность недоношенности для матерей в возрасте до 19 лет (Hidalgo-Lopezosa et al. 2019: 542-543). У более возрастных отцов выше вероятность, что ребенок родится недоношенным, но существует корреляция между материнскими и отцовскими факторами (Tamura et al. 2018: 14). При этом у женщин, родивших недоношенных детей, уровень образования оказался средним или ниже (Низамова 2017: 2; Hidalgo-Lopezosa et al. 2019: 543). Также у женщин, проживающих в крупных городах, выше вероятность недоношенности ребенка, причем для первого ребенка (Hidalgo-Lopezosa et al. 2019: 543).

Важным аспектом для снижения вероятности недоношенности ребенка являются образ жизни и здоровье матери. Наличие хронических заболеваний приводит к увеличению вероятности недоношенности ребенка (Низамова 2017: 2). Вредные привычки (например, употребление кокаина, курение) также негативно влияют на вероятность положительного исхода беременности и недоношенность (Behrman, Butler 2007: 89; Snattingius 2004: 136). Однако у женщин, ведущих активный образ жизни (например, занимающихся физической активностью) и придерживающихся правильного режима питания, вероятность родить доношенного ребенка выше (Behrman, Butler 2007: 89).

Далее определим, как возраст матери при рождении ребенка и социально-экономический статус женщины в московском регионе влияют на вероятность рождения недоношенного ребенка.

Данные

База данных сформирована автором на основании 15 тыс. обезличенных сканов медицинских свидетельств о рождении по Москве с 2011 по 2017 г., после чего было осуществлено объединение и соотнесение обезличенной базы данных ЗАГС и обезличенных медицинских свидетельств. В медицинских свидетельствах представлена информация о матери (брачный статус, уровень образования, должность на работе, срок постановки на учет) и ребенке (масса, рост, пол, очередность рождения). Кроме этого, в медицинских свидетельствах о рождении также имеется информация о неделе постановки матери на учет в женскую консультацию. Данная переменная используется для характеристики отношения матери к собственному здоровью и здоровью ребенка при отсутствии информации о здоровье матери во время беременности. Так как есть матери, которые не вставали на учет, было решено использовать бинарную переменную, характеризующую время постановки на учет: постановка в ранние сроки беременности (1 – если постановка до 12-й недели включительно, 0 – иначе), постановка после 12-й недели (1 – если постановка после 12-й недели не включительно, 0 – иначе) и отсутствие постановки на учет (1 – если мать не вставала на учет, 0 – иначе). Также на вероятность исхода беременности может оказывать влияние состояние здравоохранительной системы. Так, если роженицы обеспечены местами для родов в здравоохранительных учреждениях, то роды будут проходить под наблюдением специалистов в подходящих условиях и в случае возникновения проблем матери и ребенку смогут оказать необходимую помощь. Поэтому была использована переменная, характеризующая количество коек для беременных и рожениц на 10 тыс. населения репродуктивного возраста (15-49 лет) по Москве с 2011 по 2017 г. Данные были получены из медицинской статистики ФГБУ «Центрального научно-исследовательского института организации и информатизации здравоохранения»³. Описательные статистики базы данных представлены в таблице 2.

Таблица 2. Описательные характеристики рассматриваемой выборки московского населения по живорождениям, 2011-2017

Количество наблюдений, чел.	14 329
Средний возраст матери, лет	29,84
Число женщин с высшим образованием, чел.	10 380
Число женщин, состоящих в зарегистрированном браке, чел.	11 801
Число женщин, занимающих руководящую должность, чел.	1 372
Число женщин-специалистов и квалифицированных рабочих, чел.	6 748
Число безработных, чел.	1 334
Число студентов, чел.	151
Число женщин, прописанных в Москве, чел.	9 247
Количество первых рождений, чел.	7 173
Количество вторых рождений, чел.	5 203
Число недоношенных детей, чел.	134
Число женщин, вставших на учет до 12-й недели, чел.	11 898
Число женщин, вообще не вставших на учет, чел.	185
Среднее значение недель, через которое женщины вставали на учет, недель	10,10

Источник: Составлено автором.

³ Сборники 2011-2017 гг. «Заболеваемость взрослого и детского населения Российской Федерации». <https://last.mednet.ru/miac/meditsinskaya-statistika>

Количество наблюдений за 2011-2017 гг. – 14 329. Средний возраст матери при рождении ребенка вне зависимости от очередности за период – 29,8 года, а при рождении первого ребенка – 27,9 года. Первые рождения составили 50,1% от всех наблюдений, вторые рождения – 36,3%. В большинстве случаев женщины вставали на учет в женские консультации до 12 недель – 11 898 женщин (83,0%), тогда как женщин, не встававших на учет, выявлено 1,3%. Следует отметить, что часть женщин, не вставших на учет, могли проживать во время беременности в другой стране, что не позволило им состоять на учете в московской женской консультации.

Среди женщин, представленных в исследовании, 10 380 (72,4%) получили высшее образование, 1 372 (9,6%) занимают руководящие должности, 1 334 (9,3%) оказались безработными, 151 (1,1%) были на момент рождения ребенка студентками, 11 801 (82,4%) состояли в зарегистрированном браке, 9 247 (64,5%) прописаны в Москве.

В таблице 3 представлены описательные статистики возраста матерей при постановке на учет в женские консультации.

Таблица 3. Описательные статистики возраста матерей при постановке на учет до и после 12-й недели

Показатель, лет	Минимум	Максимум	Медиана	Среднее
Возраст матери при постановке на учет до 12 недель	16,00	52,00	29,00	29,88
Возраст матери при постановке на учет после 12 недель	13,00	47,00	29,00	29,48

Источник: Составлено автором.

Из таблицы 3 следует, что средний возраст женщин, вставших на учет до 12-й недели, выше, чем вставших на учет после 12-й недели, но незначительно, поэтому нельзя утверждать, что если женщина рождает в более старшем возрасте, то она встанет на учет до 12-й недели. В то же время отметим, что максимальный возраст вставших на учет до 12-й недели – 52 года, а после 12-й недели – 47 лет, что показывает большую ответственность женщин, рожающих в более старшем возрасте. Минимальный возраст женщин, вставших на учет до 12-й недели, 16 лет, а вставших на учет после 12-й недели – 13 лет, что можно объяснить тем, что при наличии нежелательной беременности в школьном возрасте девочка, во-первых, может не сразу понять, что беременна, а во-вторых, может долго скрывать беременность из опасения, что об этом узнают родители. Кроме того, ранние подростковые беременности могут наступать в семьях родителей, которые не строго следят за поведением своих детей, и/или и не осознают необходимости ранней постановки на учет при беременности. Они также могут бояться осуждения окружающих и др. Для исследования этого вопроса необходимы дополнительные социологические исследования.

Обсуждение результатов

Для получения количественной оценки влияния различных факторов на вероятность положительного исхода беременности будет использоваться логистическая регрессионная модель (логит-модель), так как в модели 2 исхода: недоношенный ребенок и ребенок с нормальной массой тела (более 1500 гр).

Логистическая модель, оценивающая влияние социально-экономических и демографических факторов на исход беременности, выглядит следующим образом:

$$p_{t,i}(\text{доношенный}_{t,i} = 1) = \frac{1}{1 + e^{-(\text{const} + \beta_1 x_{1,t,i} + \beta_2 x_{2,t,i} + \beta_3 x_{3,t,i} + \beta_4 x_{4,t,i} + \beta_5 x_{5,t,i} + \beta_6 x_{6,t,i} + \beta_7 x_{7,t,i} + \beta_8 x_{8,t,i} + \beta_9 x_{9,t,i})}}, \quad (1)$$

где const – константа, $x_{1,t,i}$ – возраст матери i в год t , $x_{2,t,i}$ – регистрация в Москве матери i в год t , $x_{3,t,i}$ – регистрация брака матери i в год t , $x_{4,t,i}$ – очередность рождения у матери i в год t , $x_{5,t,i}$ – наличие высшего образования у матери i в год t , $x_{6,t,i}$ – наличие руководящей должности у матери i в год t , $x_{7,t,i}$ – отсутствие работы у матери i в год t , $x_{8,t,i}$ – постановка на учет в женскую консультацию матери i в год t , $x_{9,t,i}$ – отсутствие постановки на учет в женскую консультацию матери i в год t .

Результаты расчетов по основной модели представлены в таблице 4 в третьем столбце, а в первых двух столбцах этой таблицы представлены модификации модели.

Таблица 4. Влияние социально-экономических и демографических факторов на недоношенность

	(1)	(2)	(3)
Возраст матери	-0,0007*** (0,0002)	-0,0007*** (0,0002)	-0,0007*** (0,0002)
Регистрация в Москве	0,0017 (0,0018)	0,0017 (0,0018)	0,0022 (0,0018)
Зарегистрированный брак	0,0037 (0,0025)	0,0036 (0,0025)	0,0040* (0,0025)
Очередность рождений	-0,0003*** (0,000002)	-0,0003*** (0,000002)	-0,0003*** (0,000002)
Высшее образование	0,0036* (0,0021)	0,0030 (0,0025)	0,0039* (0,0021)
Руководитель	0,0035 (0,0025)		0,0035 (0,0025)
Безработная	0,0057** (0,0022)		0,0051** (0,0022)
Возможность высшего образования		-0,0029 (0,0038)	
Постановка на учет до 12-й недели			-0,0054* (0,0018)
Не постановка на учет	-0,0053 (0,0096)		-0,0094 (0,0096)
Обеспеченность койками		0,0008 (0,0007)	
Константа	1,0036*** (0,0059)	0,9985*** (0,0105)	1,0074*** (0,0057)
Количество наблюдений	14 329	14 329	14 329
R ²	0,0120	0,0117	0,0122
F статистика	16,8591***	18,6692***	15,6280***

Примечание: *** – значимость на уровне 1%, ** – значимость на уровне 5%, * – значимость на уровне 10%.

Источник: Составлено автором.

Мы получили значимое отрицательное влияние очередности рождения ребенка и возраста матери на вероятность недоношенности на уровне 1% (таблица 4). То есть увеличение среднего возраста матери при рождении ребенка влияет на вероятность недоношенности, а также наблюдается влияние на недоношенность очередности

рождений. К аналогичным выводам пришли и Hoidalgo-Lopezosa с коллегами (Hidalgo-Lopezosa et al. 2019). Причем при добавлении переменной «возможность получения высшего образования» возраст матери и очередность ребенка остаются значимыми переменными, т. е. результат устойчив.

Низкое значение R^2 требует включения новых объясняющих переменных – например, здоровье матери, которое также может значимо влиять на недоношенность ребенка (Низамова 2017). Однако в медицинских свидетельствах о рождении и базе данных ЗАГС такие данные отсутствуют.

В модели значимой на уровне 5% оказалась переменная «безработная» (модели (1) и (3)), т. е. если женщина безработная, то выше вероятность, что ребенок будет доношенным. Данный результат можно объяснить тем, что если женщина перед родами не разрывается между домом и работой, то в ее жизни меньше стресса, что положительно сказывается на ребенке. Причем следует отметить, что ряд женщин, находясь в длительном декретном отпуске, могут себя относить к категории безработных, т. е. данная переменная может не отражать ни истинный статус в занятости, ни источник дохода семьи. Кроме того, к сожалению, нет информации о доходе домохозяйства, тогда как это может оказывать определенное влияние на протекание беременности и роды.

Наличие высшего образования оказалось значимым на уровне 10% (и незначимым в модели (2) в таблице 4), т. е. женщины с высшим образованием могут более ответственно относиться к своему здоровью во время беременности, что будет положительно влиять на вероятность доношенности ребенка. Таким образом, данная модель не дает однозначного результата влияния высшего образования на вероятность недоношенности.

Отрицательное влияние на вероятность доношенности на уровне 10% оказала постановка на учет в консультации до 12-й недели. Женщины, осознающие возможность проблем при вынашивании ребенка, будут раньше вставать на учет для контроля за состоянием здоровья, т. е. с первых недель беременности.

Так как очередность детей оказала значимое отрицательное влияние на рождение доношенного ребенка, а при рождении первого и последующих детей средний возраст матери может вносить разный вклад в вероятность недоношенности, то мы рассмотрели рождения первых, вторых и последующих детей отдельно. Это помогает проверить гипотезу о различном влиянии среднего возраста матери на вероятность недоношенности.

В модели (4), результаты которой представлены в таблице 5, было получено значимое отрицательное влияние возраста матери на вероятность недоношенности в случае первых рождений (модель 4.1) и его незначимость в случае вторых и последующих рождений (модель 4.2). Однако R^2 в данных моделях получился очень низким. В то же время можно подтвердить широко распространенное мнение в медицинской среде и в обществе, что к первобеременным женщинам требуется особо пристальное внимание.

Таблица 5. Влияние возраста матери при рождении первого ребенка и второго и последующих детей на вероятность недоношенности

	Недоношенность первого ребенка (4.1)	Недоношенность второго и последующих детей (4.2)
Возраст матери	-0,0013*** (0,0004)	-0,0003 (0,0003)
Регистрация в Москве	0,0015 (0,0026)	0,0012 (0,0027)
Зарегистрированный брак	0,0039 (0,0036)	0,0014 (0,0036)
Высшее образование	0,0054* (0,0031)	0,0048 (0,0031)
Руководитель	0,0037 (0,0037)	0,0017 (0,0033)
Постановка на учет до 12 недели	-0,0053** (0,0026)	-0,0018 (0,0030)
Не постановка на учет	-0,0161 (0,0026)	0,0086*** (0,0029)
Константа	1,0244*** (0,0111)	0,9977*** (0,0085)
Количество наблюдений	7 173	7 156
R ²	0,0050	0,0011
F статистика	4,3608***	0,9401

Примечание: *** – значимость на уровне 1%, ** – значимость на уровне 5%, * – значимость на уровне 10%.

Источник: Составлено автором.

Заключение

Таким образом, для московского региона было получено, что увеличение среднего возраста матери повышает вероятность недоношенности ребенка. Также преждевременные роды являются одной из причин смерти новорожденного. Это приводит к выводу о важности модернизации системы ведения беременности для обеспечения качественных медицинских услуг женщинам, в особенности рожаящим в более старших возрастах. Роженицам в старших возрастах необходимы дополнительные обследования состояния здоровья матери и плода, консультации и курсы по ведению беременности для повышения уровня знаний по вопросу рождения в старшем возрасте, а также более ранний выход в декретный отпуск. Необходимо улучшение квалификации медицинского персонала при ведении беременности и родах у женщин в старших возрастах, что требует дополнительные инвестиции и государственную помощь в сфере здравоохранения.

Так как важной мотивацией для рождения ребенка являются материальные и социальные возможности семьи, жилищная обеспеченность, благосостояние семьи (Гудкова 2019: 97), то государство должно продолжать развивать социальную политику. В некоторых случаях это будет побуждать к более ранней беременности, как например, более доступная ипотека для молодых семей.

По результатам нашего исследования с ростом среднего возраста матери при рождении ребенка увеличивается вероятность преждевременных родов. Недоношенные

дети имеют больший риск смерти, а сложности при выхаживании недоношенного ребенка могут приводить к психологическим расстройствам и дополнительным финансовым затратам родителей (Каррапато и др. 2014: 47). Это говорит о необходимости увеличения помощи таким семьям и дополнительных финансовых затратах государства и самих семей. Например, финансовые затраты на всех недоношенных новорожденных в США в 2005 г. составляли около 26,3 млрд долл. США или около 0,2% от ВВП США (PeriStats 2005).

В нашем исследовании набор характеристик о матерях крайне ограничен. Например, отсутствует важная информация о состоянии здоровья (наличие хронических заболеваний, заболеваний во время беременности) и о наличии вредных привычек у женщин, которые, как известно, могут оказывать значимое влияние на исход беременности (Beck et al. 2010: 33). В связи с этим необходимы дальнейшие исследования в данной области. Кроме того, надо иметь информацию об отце ребенка и о социально-экономических характеристиках домохозяйства, чтобы более полно представлять факторы, способствующие рождению доношенного или недоношенного ребенка.

Литература

- Аксенова Е., Архангельский В., Иванова А., Кочкина Е., Зайко Е. (2019). Рождаемость в Москве. М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ». <https://niioz.ru/doc/rozhdmost-obzor.pdf>
- Архангельский В. (2013). Репродуктивное и брачное поведение. *Социологические исследования*, 2, 129-136. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18863691>
- Бальбо Н., Биллари Ф.К., Миллс М. (2017). Рождаемость в развитых странах: обзор исследований (перевод с английского). *Демографическое обозрение*, 4(2), 133-195. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i2.7107>
- Гудкова Т. (2019). Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы. *Демографическое обозрение*, 6(4), 83-103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10428>
- Каррапато М.Р.Г., Феррейра М.Х.Р., Соза Ф.Р., Мартинс А., Монтейро И. (2014). Затраты общества, связанные с недоношенностью. *Акушерство и гинекология: новости, мнения, обучение*, 1, 43-50. <https://cyberleninka.ru/article/n/zatraty-obschestva-sv-yazannye-s-nedonoshennostyu>
- Мосакова Е. (2008). Занятость женщин и рождаемость в современной России. *Вестник Московского университета*, Серия 6, Экономика, 5, 75-85. <https://elibrary.ru/item.asp?id=11643802>
- Низамова Э. (2017). Медико-социальные факторы, влияющие на возможность рождения недоношенного ребенка. *Социальные аспекты здоровья населения*, 53(1), 10, 1-14. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2017-53-1-9>
- Российская экономическая школа (2022). *Российская база данных по рождаемости и смертности*. http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data
- Росстат (2017). *Демографический ежегодник России 2017*. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312

- Тихомирова Т., Тихомиров Н. (2020). Оценка результативности программы материнского капитала в регионах России. *Федерализм*, 1, 5-26. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-1-5-26>
- Щербакоева Е. (2019). Россия: предварительные демографические итоги 2018 года (часть I). *Демоскоп Weekly*, 801-802. <http://demoscope.ru/weekly/2019/0801/barom01.php>
- Barber J.S. (2001). The Intergenerational Transmission of Age at First Birth among Married and Unmarried Men and Women. *Social Science Research*, 30(2), 219–247. <https://doi.org/10.1006/ssre.2000.0697>
- Beck S., Wojdyla D., Say L., Betran A.P., Merialdi M., Requejo J. H., Rubens C., Menon R., Van Look P.F.A. (2010). The worldwide incidence of preterm birth: a systematic review of maternal mortality and morbidity. *Bulletin of the World Health Organization*, 88, 31-38. <https://doi.org/10.2471/BLT.08.062554>
- Behrman R.E., Butler A.S. (2007). *Preterm birth: causes, consequences, and prevention*. National academies press.
- Björklund A. (2006). Does family policy affect fertility? *Journal of Population Economics*, 19(1), 3–24. <https://doi.org/10.1007/s00148-005-0024-0>
- Breierova L., Duflo E. (2004). The impact of education on fertility and child mortality: Do fathers really matter less mothers? *NBER Working Paper Series*, Working Paper 10513, 1-30. <https://www.nber.org/papers/w10513>
- Cnattingius S. (2004). The epidemiology of smoking during pregnancy: Smoking prevalence, maternal characteristics, and pregnancy outcomes. *Nicotine & tobacco research*, 6(2), 125-140. <https://doi.org/10.1080/14622200410001669187>
- Corijn M., Klijzing E. (2001). *Transitions to adulthood in Europe: Conclusions and discussion*. Springer, Dordrecht.
- Edin K., Kefalas M. (2005). *Promises I can keep: Why poor women put motherhood before marriage*. Berkeley: University of California Press.
- Gustafsson S.S. (2001). Optimal age at motherhood. Theoretical and empirical considerations on postponement of maternity in Europe. *Journal of population economics*, 14(2), 225-247. <https://doi.org/10.1007/s001480000051>
- Hidalgo-Lopezosa P., Jiménez-Ruz A., Carmona-Torres J.M., Hidalgo-Maestre M., Rodríguez-Borrego M.A., López-Soto P.J. (2019). Sociodemographic factors associated with preterm birth and low birth weight: A cross-sectional study. *Women and Birth*, 32(6), 538-543. <https://doi.org/10.1016/j.wombi.2019.03.014>
- Huang L., Sauve R., Birkett N., Fergusson D., Walraven C. (2008). Maternal age and risk of stillbirth: a systematic review. *CMAJ*, 178(2), 165-172. <https://doi.org/10.1503/cmaj.070150>
- Jiang M., Mishu M.M., Lu D., Yin X. (2018). A case control study of risk factors and neonatal outcomes of preterm birth. *Taiwanese Journal of Obstetrics and Gynecology*, 57(6), 814-818. <https://doi.org/10.1016/j.tjog.2018.10.008>
- Kravdal O. (1992). The emergence of a positive relation between education and third birth rates in Norway with supportive evidence from the United States. *Population studies*, 46(3), 459–475. <https://doi.org/10.1080/0032472031000146456>

- Kreyenfeld M. (2010). Uncertainties in female employment careers and the postponement of parenthood in Germany. *European sociological review*, 26(3), 351-366. <https://doi.org/10.1093/esr/jcp026>
- Lee R., Mason A. (2010). Fertility, human capital, and economic growth over the demographic transition. *European journal of population*, 26(2), 159–182. <https://doi.org/10.1007/s10680-009-9186-x>
- Max Planck Institute for Demographic Research (Germany) and Vienna Institute of Demography (Austria) (2018). *The Human Fertility Database*. www.humanfertility.org
- Osiewalska B. (2018). Partners' empowerment and fertility in ten European countries. *Demographic Research*, 38, 1495-1534. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2018.38.49>
- Pailhé A., Solaz A. (2012). The influence of employment uncertainty on childbearing in France A tempo or quantum effect? *Demographic Research*, 26, 1-40. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2012.26.1>
- PeriStats (2005). Cost of preterm birth: United States, 2005. <https://www.marchofdimes.org/peristats/Peristats.aspx>
- Raymo J.M., Carlson M.J., Van Orman A., Lim S.-j., Perelli-Harris B., Iwasawa M. (2015). Educational differences in early childbearing a cross-national comparative study. *Demographic Research*, 33, 65-92. <https://www.jstor.org/stable/26331980>
- Rijken A.J., Liefbroer A.C. (2009). Influences of the family of origin on the timing and quantum of fertility in the Netherlands. *Population Studies*, 63(1), 71-85. <https://doi.org/10.1080/0032472080262157>
- Rindfuss R.R., Guilkey D., Morgan S.P., Kravdal Ø., Guzzo K.B. (2007). Child care availability and first-birth timing in Norway. *Demography*, 44(2), 345-372. <https://doi.org/10.1353/dem.2007.0017>
- Schoen R., Astone N.M., Kim Y.J., Nathanson C.A., Fields J.M. (1999). Do fertility intentions affect fertility behavior? *Journal of Marriage and the Family*, 61(3), 790-799. <https://doi.org/10.2307/353578>
- Schweizer V., Guzzo K.B. (2020). Distributions of Age at First Birth, 1960-2018. *Family Profile*, 11, 1-2.
- Selvaratnam T. (2014). *The Big Lie: Motherhood, Feminism, and the Reality of the Biological Clock*. Amherst, NY: Prometheus Books.
- Tamura N., Hanaoka T., Ito K., Araki A., Miyashita C., Ito S., Minakami H., Cho K., Endo T., Sengoku K., Ogasawara K., Kishi R. (2018). Different risk factors for very low birth weight, term-small-for-gestational-age, or preterm birth in Japan. *International journal of environmental research and public health*, 15(2), 369, 1-18. <https://doi.org/10.3390/ijerph15020369>
- Yanikkaya H., Selim S. (2010). The determinants of infant mortality in Turkey: A disaggregated analysis. *İktisat İşletme ve Finans*, 25(286), 61-88. <https://doi.org/10.3848/iif.2010.286.2461>

**Трансформация ценностей
иммигрантов в контексте их
культурной интеграции:
отношение к разводам и
добрачным сексуальным
отношениям**

Анна Александровна Эндрюшко
(anna.endryushko@mail.ru), Институт
социологии ФНИСЦ РАН, Россия.

**The transformation of
immigrant values in the
context of their cultural
integration: attitudes towards
divorce and premarital sexual
relations**

Anna A. Endryushko
(anna.endryushko@mail.ru), Institute of
Sociology of FCTAS RAS, Russia.

Резюме: Статья посвящена изучению отношения иммигрантов из постсоветских стран в России к ценностям индивидуального выбора (показателям сексуальной либерализации) на примере допустимости разводов и сексуальных отношений до брака, а также их сравнению с аналогичными установками россиян. Эмпирическая база исследования представлена опросом мигрантов из постсоветских стран в России (2020 г., 700 респондентов), а также данными седьмой волны Всемирного исследования ценностей (2017 г.). Для выявления факторов, влияющих на консервативность взглядов в отношении разводов и добрачных сексуальных отношений использовано регрессионное моделирование. Показано, что и для иммигрантов, и для россиян предикторами нетолерантного отношения к данным событиям являются пол (для россиян частично), возраст, уровень образования, положение на рынке труда (для иммигрантов частично), семейное положение, религия. Материальное благополучие для обеих групп не имеет связи с изучаемыми представлениями. Расширенные спецификации регрессии для иммигрантов позволяют говорить, что давность приезда положительно связана только с либеральностью взглядов на допустимость развода, но не добрачного секса. Вместе с тем желание связать свою жизнь с Россией уменьшает вероятность крайне консервативных взглядов на оба явления. Формирование российской идентичности – предиктор более либерального отношения к разводам, а сильная этническая и религиозная идентичность – фактор нетерпимости и к разводам, и к добрачным сексуальным отношениям. Делается вывод, что предикторами трансформации ценностных ориентаций иммигрантов в России выступают не длительность проживания и экономическое благополучие, но уровень образования, формирование чувства общности с принимающим обществом и желание связать дальнейшую жизнь с Россией.

Ключевые слова: иммигранты, культурная интеграция, семейные ценности, патриархальные ценности, развод, сексуальные отношения до брака, религия, ислам.

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

Для цитирования: Эндрюшко А. А. (2022). Трансформация ценностей иммигрантов в контексте их культурной интеграции: отношение к разводам и добрачным сексуальным отношениям. Демографическое обозрение, 9(3), 58-74. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16470>

Abstract: The article is devoted to the study of the attitude of immigrants from post-Soviet countries in Russia to the values of individual choice (indicators of sexual liberalization) using the example of the permissibility of divorce and sexual relations before marriage, as well as their comparison with similar attitudes of Russians. The empirical base of the study is represented by a survey of migrants from post-Soviet countries in Russia (2020, 700 respondents), as well as data from the seventh wave of the World Values Survey (2017). Regression modeling is used to identify factors that influence the conservativeness of views on divorce and premarital sexual relations. It is shown that for both immigrants and Russians, the predictors of intolerance to these events are gender (partially for Russians), age, level of education, position in the labor market (partially for immigrants), marital status, and religion. Material well-being for both groups has no connection with the ideas being studied. The expanded regression specifications for immigrants suggest that how long ago a person arrived is positively related only to the liberality of views on the permissibility of divorce, but not of premarital sex. At the same time, the desire to connect one's life with Russia reduces the likelihood of extremely conservative views on both phenomena. The formation of a Russian identity is a

predictor of a more liberal attitude towards divorce, and a strong ethnic and religious identity is a factor in intolerance towards both divorce and premarital sexual relations. It is concluded that the predictors of the transformation of the value orientations of immigrants in Russia are not the length of residence and economic well-being, but the level of education, the formation of a sense of community with the host society and the desire to link their future life with Russia.

Keywords: *immigrants, cultural integration, family values, patriarchal values, divorce, sexual relations before marriage, religion, Islam.*

Funding: *The article was prepared with the support of the Program of Fundamental and Applied scientific research «Ethnocultural diversity of Russian society and strengthening of the all-Russian identity» 2020-2022.*

For citation: *Endryushko A. (2022). The transformation of immigrant values in the context of their cultural integration: attitudes towards divorce and premarital sexual relations. Demographic Review, 9(3), 58-74. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16470>*

Введение

Изменения в основных сферах жизни общества, вызванные индустриальной и научно-технической революциями, усилением глобализации и цифровизации затронули и частную сферу жизни. Несмотря на трансформацию культурных норм, традиционные (патриархальные) ценности ¹ остаются широко поддерживаемыми в значительном числе стран мира. Гетерогенность таких представлений в разных социальных контекстах показана в возрастающем числе кросс-национальных исследований, основными источниками данных для которых являются Всемирное и Европейское исследования ценностей (World Value Survey и European Value Survey), где в числе прочего затрагиваются вопросы отношения к ценностям индивидуального выбора (сексуальной либерализации). Показатели сексуальной либерализации (Inglehart, Norris 2003) или «ценности выбора» (Welzel 2013) изучаются через отношение к абортам, разводам, добрачным сексуальным отношениям, проституции и гомосексуальности.

Отношение людей в разных странах к указанным явлениям чаще всего связывают с теорией модернизации ², предполагающей, что государства могут быть упорядочены по шкале от более до менее современных, в том числе с акцентом на традиционные или современные ценности (Inglehart 1997). Инглахрт и Норрис также связывают отношение к этим проблемам с гендерным равенством (Inglehart, Norris 2003). Модернизация приводит к ослаблению социальной сплочённости, индивидуализму и фрагментации ценностей, она предполагает линейное изменение в сторону усиления цивилизации и экономического роста (Gundelach 1994). Предполагается, что семья и религия как традиционные условия социальной интеграции теряют свою актуальность, что приводит к секуляризации, снижению религиозных моральных стандартов, усилению социальных ожиданий относительно саморазвития (Ester, Halman, de Moor 1993: 1-21). На национальном уровне экономическое развитие приводит к более либеральным взглядам, а переменные индивидуального уровня обеспечивают механизм формирования или изменения отношений (Wilensky 2002). Однако гендерные ценности и модернизация имеют сложные взаимоотношения, а связь между ценностной либерализацией и модернизацией не всегда прямолинейна (Лопатина, Костенко, Понарин 2016).

В ещё более сложные взаимодействия ценности вступают с феноменом миграции, когда люди на время или навсегда перемещаются в другой социальный контекст, зачастую значительно отличающийся от того, где они жили до переезда. Миграция может служить

¹ Термины традиционный, консервативный, патриархальный зачастую используются в качестве синонимов в том числе в работах, посвященных гендерным отношениям. В настоящей статье под консервативными (в данном случае гендерными) ценностями мы понимаем представления о нормативном поведении, согласно которым женщинам и мужчинам приписываются жестко зафиксированные традиционные роли (например, мужчина – добытчик, женщина – домохозяйка), набор стереотипов, в котором для женщин нормально только «феминное», а для мужчин – «маскулинное», без возможности отклонения от этого порядка вещей (цит. по: (Костенко 2017: 180)). То есть термины консервативные и традиционные ценности мы используем как синонимы. Под патриархатом мы подразумеваем систему социальных структур и практик, при которой мужчины доминируют, подавляют и эксплуатируют женщин (цит. по: (Костенко 2017: 181)).

² Процесс модернизации ассоциируется с индустриализацией, заменой физического труда менее физическим, более квалифицированным. В результате этого процесса экономические выгоды от большого числа детей исчезают и женщины получают больше пользы для себя и своих семей от вхождения на рынок труда, чем от того, что остаются дома.

катализатором ценностных трансформаций (Williams, Thornton, Young-DeMarco 2014). Подобные изменения, сдвиги в ценностных и культурных установках рассматриваются в миграционных исследованиях как одни из важнейших показателей культурной интеграции в новом обществе (Penninx 2019).

Данная статья посвящена изучению мнений мигрантов из постсоветских стран в России, связанных с ценностями индивидуального выбора, а также их сравнению с аналогичными представлениями россиян.

Теоретические основания исследования: взаимосвязь миграции и (трансформации) ценностей

Взаимосвязь ценностей, культурных норм и миграции затрагивается в значительном числе исследований. При пересечении этих двух проблематик можно выделить 2 основных направления изучения: 1) как ценности (в том числе связанные с гендерными отношениями и сексуальной либерализацией) влияют на миграционный режим и принятие решений о миграции; 2) какова взаимосвязь между ценностями (их трансформацией) и интеграцией (аккультурацией) мигрантов в принимающем обществе.

Влияние ценностей на решение о миграции. При осмыслении миграционного режима и «легитимности миграции» в посылающих обществах исследователи обращаются как к структурным, экономическим факторам, так и к ценностным. Среди структурных факторов выделяются рынок труда, законодательное регулирование и социальное обеспечение в стране приема (Bettio, Simonazzi, Villa 2006; Biao 2007). При этом вопрос о том, кто отправляется в миграцию (мужчина или женщина) не всегда подчиняется экономической логике (Hofmann 2014). Поэтому исследователи говорят и о ценностно-нормативных причинах. Действующие в конкретном обществе нормы могут, например, осуждать женскую миграцию, особенно для «порядочных» женщин (Pittin 1984), не распространяя эти предписания на вдов или разведенных (Morokvasic 1984). В то же время миграция мужчин, наоборот, рассматривается как признак зрелости, перехода к взрослой жизни (Monsutti 2007), что повышает его статус в отправляющем обществе, в том числе на брачном рынке. Для других обществ могут быть характерны нормы, при которых женская миграция вполне приемлема (Oishi 2002). Негативное отношение к женской миграции связывают с патриархальностью общества, в котором права женщин могут быть ограничены. Впрочем, Н. Оиши считает, что феминизация миграции ввиду экономических причин приводит к её нормализации в глазах отправляющего сообщества (Oishi 2002).

Некоторые исследователи отмечают, что для долгосрочной эмиграции люди выбирают такие страны и общества, ценности которых для них более приемлемы (Massey et al. 2005). Такое явление называют эффектом самоотбора.

Таким образом, ценности, уровень патриархальности и консервативности отправляющего общества наряду со структурными и экономическими условиями связаны с режимом миграции, с тем, кто остается, а кто уезжает. Ценностно-нормативные факторы во многом формируют и социальные сети мигрантов (Palloni et al. 2001), что оказывает влияние на их дальнейшую интеграцию в принимающем обществе.

Взаимосвязь между ценностями и интеграцией мигрантов. Теоретические подходы разделены между теориями культурной интеграции, предполагающими,

что иммигранты постепенно усваивают ценности страны приёма, и теориями мультикультурализма, которые подразумевают, что традиции и ценности родной культуры сохраняются для этнических групп мигрантов на протяжении десятилетий (Holton 2000).

Классическая модель ассимиляции, разработанная в первой половине XX века в США (Warner, Srole 1945; Gordon 1964), представляла процесс адаптации мигрантов как линейное движение в сторону слияния с принимающим обществом. Аккультурация мигрантов представлялась как процесс модификации и замены их ценностей. Дальнейшие исследования показали неправомерность такой позиции: темп и качество изменений зависят от множества факторов, они нелинейны, а их направление определяется установками и отправляющего, и принимающего обществ.

Это касается и ценностных установок – гипотеза о том, что миграция является фактором их трансформации не подтвердилась в ряде исследований. Движение мигрантов по континууму от традиционализма до современности не объясняется лишь фактом переезда из развивающейся страны в развитую, оно связано с типом и формами миграции (Kosack 1976), а также с социально-экономическими позициями в стране происхождения.

Теория сегментной ассимиляции также показывает, что мигранты интегрируются не только в мейнстрим, но в разные сегменты принимающего общества, а оптимистичные представления о том, что они полностью встроятся в образ жизни принимающей страны, не учитывают, что разные группы мигрантов находятся в разных социальных условиях (Foner 2000). В этой связи социальные сети мигрантов (в том числе состав рабочих коллективов) играют значимую роль, зачастую определяя и их ценностные ориентации (Menjívar 1999).

Б. Андерсон утверждает, что национальные культуры и религиозные традиции формируются на основе общей истории, языка и сохраняются на протяжении столетий (Anderson 1983). Опыт миграции в другую страну может усилить влияние культурных паттернов страны исхода, а не ослабить их (Gills 2002).

Фактор религиозности. Уровень религиозности мигрантов считают значимым фактором в трансформации их ценностей. Дискуссии о степени его влияния на интеграцию отличаются в принимающих странах с разным уровнем секуляризации.

В Европейских государствах религиозность мигрантов, в первую очередь мусульман, воспринимается как проблема. Ислам в Европе – религия меньшинства, и европейцам сложно принять, что их сограждане исповедуют другую религию, особенно публично (Kastoryano 2004). Антиисламские настроения касаются в большей мере мужчин, чем женщин (Carling 2005). В США, напротив, религиозность мигрантов показана как фактор, способствующий более успешной адаптации в силу того, что в американском обществе сложилась традиция инкорпорирования различных религий и культур. Религиозность мигрантов описывается как способ их защиты от деструктивных влияний, а теоретики сегментной ассимиляции полагают, что верующие мигранты лучше адаптируются в американском обществе (Warner 2007). В европейском контексте религиозность принимающего общества также имеет значение: иммигранты в религиозных странах (например, Польша и Ирландия) с большей долей вероятности сохраняют высокий уровень религиозности и поддержки традиционных ценностей, чем те, кто переселился в светские страны (такие, как скандинавские), при исключении влияния фактора самоотбора (Hagan, Ebaugh 2003).

Мигранты в принимающем обществе могут стать более религиозными, поскольку иммигрантские религиозные общины традиционно играли роль агентов адаптации и аккультурации (Hirschman 2004). В то же время они помогают поддерживать культуру страны происхождения – создают привычную мигрантам культурную среду, помогают поддерживать традиции страны исхода (Ebaugh 2003), а соответственно и способствуют сохранению ценностных ориентаций посылающего общества. Х. Эссер показывает, что мигранты-мусульмане (на примере выходцев из Турции) хоть и интегрируются в немецкое общество, но сохраняют национальные и религиозные традиции страны происхождения, в то время, как например, выходцы с Балкан ассимилируются и теряют связь с национальной культурой (Esser 2001). Автор связывает это с числом турецких мигрантов и возможностью создания среди них этнических сообществ, воспроизводящих ценности родной культуры.

Многие исследования показали, что этнические меньшинства (в частности, мусульмане) не только более религиозны, чем принимающее большинство, они также вкладывают больше усилий в передачу религиозных и национальных традиций следующим поколениям (Soehl 2017; de Hoon, van Tubergen 2014). Вместе с тем исследователи приходят к выводу, что религиозность и ценности страны исхода для иммигрантов в Европе со временем начинают рассматриваться как выбор, а не как данность (Voas, Fleischmann 2012). В частности, согласно теориям реактивной этничности (reaction theories), усиление религиозности и влияния культурных паттернов страны исхода может возникать в ответ на дискриминацию и исключение в принимающем обществе (Diehl, Schnell 2006; Connor 2010).

Инкорпорирование – двусторонний процесс, и изменения происходят не только в ценностях мигрантов, им подвержена и культура принимающего общества. Ещё в 1936 г. Р. Редфилд, Р. Линтон и М. Херскович признали, что инкорпорирование мигрантов – это результат социального взаимодействия групп, возникающий при вступлении в непосредственный контакт людей разной культуры, что приводит к изменениям в культуре всех участников процесса (Redfield, Linton, Herskovits 1936). Так, европейские исследователи отмечают переопределение границ равенства в Европе, что во многом связано с иммиграционным притоком из стран Ближнего Востока (Bertossi 2003; Al-Ali, Black, Koser 2001)

Таким образом, транснациональная миграция и ценностные ориентации взаимосвязаны. С одной стороны, уровень традиционности и консервативности отправляющего общества влияет на миграционный режим – кто едет, а кто остается. С другой, ценности могут изменяться в связи с миграцией не только у тех, кто мигрирует, но и у тех, кто остается (Bastia, Busse 2011). Подобная трансформация происходит нелинейно, зависит от множества факторов: формы и типа миграции, длительности проживания в стране приема, потребностей и условий общества-реципиента, включая уровень его религиозности и консервативности.

Отношение к ценностям индивидуального выбора в России и странах исхода мигрантов

Основная критика теории модернизации состоит в том, что она не дает полного объяснения сложных изменений и различий в ценностях, даже когда страны или отдельные люди похожи. Кроме того, данный подход содержит культурную предвзятость и предполагает

однаправленность социальных изменений.

Несмотря на то, что у России и постсоветских государств есть общее историческое прошлое, исследования демонстрируют значительную гетерогенность ценностных установок в бывших союзных республиках. Анализ представлений о допустимости абортов, разводов и добрачных отношений в девяти постсоветских странах показал, что наиболее консервативны жители Узбекистана, Армении, Грузии, Киргизии и Азербайджана, а наиболее либеральны в этих вопросах граждане Белоруссии, Украины и России, а также в несколько меньшей мере Казахстана (Лопатина, Костенко, Понарин 2016). В данном исследовании учитывали фактор религиозности населения страны. Предполагается, что в мусульманских Киргизии и Узбекистане патриархальные установки могут быть связаны с распространением после распада Советского Союза радикальных версий ислама. В то же время в Закавказских Армении, Азербайджане и Грузии, несмотря на происходящую экономическую модернизацию, не наблюдается значимых либеральных сдвигов в семейных нормах. Авторы приходят к выводу, что не принадлежность к мусульманской культуре, но уровень религиозности является принципиальным фактором консервативности взглядов в постсоветских государствах (Лопатина, Костенко, Понарин 2016: 107-109).

Г. Юсупова и Э. Понарин, исследуя роль ислама в интеграции мигрантов из постсоветских стран в России, демонстрируют, что зачастую умеренные мусульмане в России становятся более верующими. Плохие условия жизни, тяжелая работа вкупе с недружелюбностью принимающего общества вынуждают их решать свои проблемы через религию и религиозные сообщества (Yusupova, Ponarin 2017). Такая ситуация не вписывается в постулаты сегментной ассимиляции (когда интеграция происходит не в мейнстрим, а в другие группы меньшинств), поскольку на основе религии формируются сообщества мигрантов (независимо от этнических различий), а не местных мусульман и мигрантов. Вслед за другими авторами (Bertossi 2003; Al-Ali, Black, Koser 2001), Юсупова и Понарин делают вывод, что религиозная солидарность среднеазиатских мигрантов приносит изменения и в жизнь российских мусульман, а соответственно и принимающего общества. Подобная практика едва ли может способствовать трансформации ценностных ориентаций мигрантов, скорее наоборот, способна сохранять или усиливать культурные ориентации страны исхода.

При сравнении России и ряда постсоветских государств видна либеральность россиян в отношении ценностей индивидуального выбора. Однако Ю.А. Зеликова, рассмотрев представления о допустимости разводов, абортов и гомосексуальности в России в контексте поколений, заключает, что эти ценности имеют низкий уровень восприятия, а изменения по отношению к ним происходят очень медленно. В российском обществе очень консервативное отношение к гомосексуальности, восприятие абортов после 1995 г. становится все менее лояльным, и только к праву на развод россияне относятся достаточно либерально (Зеликова 2015: 107). К тому же нельзя не учитывать, что значительную часть населения России составляют мусульмане³, ценности которых могут быть консервативнее установок других сограждан.

³ Доля мусульман в России остается предметом дискуссий. По данным Всероссийской переписи населения 2022 г. численность традиционно мусульманских народов в России составляла примерно 14,5 млн человек –

Таким образом, частично либеральное, частично патриархальное в отношении ценностей индивидуального выбора российское общество принимает иммигрантов из постсоветских стран также с разной степенью консервативности взглядов на эти вопросы.

До сих пор не было предпринято попыток рассмотреть отношение к ценностям сексуальной либерализации иммигрантов из постсоветских стран в России в контексте их интеграции в российское общество. Задача данной статьи понять, насколько соотносятся ценности индивидуального выбора мигрантов и россиян, а также выявить предикторы изменения в них для мигрантов в процессе интеграции в принимающее общество.

Данные и методы

Эмпирическая база исследования представлена опросом мигрантов⁴ из постсоветских государств, проведенным Институтом социологии ФНИСЦ РАН в ноябре 2020 г. Опрос граждан стран СНГ, Украины и Грузии проводили в Москве и Московской области (МО) с помощью планшетников CATI (Computer Assisted Telephone Interview). При проведении опроса квотировали численность респондентов по странам исхода мигрантов с опорой на данные ГУВМ г. Москвы. Опрошены «снежным комом» 700 респондентов. Отношение к ценностям индивидуального выбора изучали по методологии Всемирного исследования ценностей (далее WVS).

Выборка по мигрантам не является репрезентативной в отношении выходцев из конкретных стран, поэтому мы имеем возможность рассмотреть только обобщенные установки мигрантов в России. 84% выборки составили иммигранты из мусульманских государств (Азербайджан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан) и из стран с высоким уровнем религиозности (Армения, Грузия). Именно в этих постсоветских государствах граждане наиболее консервативны в отношении изучаемых вопросов (Лопатина, Костенко, Понарин 2016: 113)⁵. Этническая принадлежность мигрантов (по самоидентификации респондентов) в подавляющем большинстве случаев соответствует «титальной» национальности страны исхода⁶.

Данные по принимающему обществу (россиянам) взяты из седьмой волны Всемирного исследования ценностей, проведенной в 2017 г. (1810 респондентов)⁷. Подавляющее большинство составляют этнические русские – 85,7%, ещё 13,5% – люди других национальностей.

Для оценки уровня сексуальной либерализации мы рассматриваем 2 переменные, которые являются ответами на вопросы о том, насколько можно оправдать развод и сексуальные отношения до брака. Обе переменные измеряются по шкале от 1 до 10,

около 10% населения страны. По утверждению Духовного управления мусульман европейской части РФ, приверженцев ислама в России на тот момент насчитывалось до 20 млн.

⁴ Под мигрантами в данном исследовании понимаются иностранные граждане, проживающие в России на постоянной или временной основе.

⁵ Мы не стали исключать мигрантов из Украины и Беларуси, потому что жители этих стран несколько более консервативны по вопросу допустимости аборт, разводов и секса до брака, чем в России (Лопатина, Костенко, Понарин 2016: 107).

⁶ Среди приехавших из Таджикистана 13,9% узбеки, из Узбекистана – 5,1% таджики, а также 21; 12,5% и 29% из Белоруссии, Молдавии и Украины соответственно отнесли себя к русским.

⁷ Официальный сайт: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>.

где 1 означает, что данное явление никогда не может быть оправдано, а 10 – что всегда может быть оправдано⁸.

Применяли регрессионный анализ. Использовали бинарную логистическую регрессию, для которой каждая из двух зависимых переменных (допустимость разводов и допустимость сексуальных отношений до брака) перекодирована в бинарную, включающую консервативных респондентов (тех, кто не при каких обстоятельствах не готов оправдать развод и добрачный секс) и остальных. Таким образом мы определяли предикторы консервативности взглядов мигрантов.

Ограничения исследования. Безусловно, разные масштабы выборок по мигрантам и принимающему населению накладывают определённые ограничения на выводы. Так, мы не можем говорить о различиях или соответствиях в ценностях мигрантов и принимающего населения данного региона, т. е. статистически значимых различиях в рассматриваемых вопросах между мигрантами и принимающим населением Москвы и МО. Задача нашего анализа – сравнить только общие тенденции отношения к ценностям сексуальной либерализации у мигрантов, присутствующих в России, и принимающего населения (россиян). В нашем случае данные выборки мигрантов Москвы и МО нами рассматриваются как *пример типичного* отношения мигрантов к этим ценностям на основании того, что Московский регион принимает основной иммиграционный поток (более трети по данным ГУ МВД). А данные по принимающему населению (данные WVS) – как *пример типичного* отношения россиян к тем же ценностям на основании того, что по данным конкретным вопросам не обнаруживается статистически значимых различий между жителями столичных регионов (т. е. принимающего населения, среди которого проживают мигранты нашей выборки) и региональных центров, в которые и приезжает основная часть иммигрантов.

Также важно учитывать базовые социально-демографические характеристики мигрантов и местных жителей. В выборке по мигрантам 66,9% мужчин и 33,1% женщин, в выборке по россиянам 45,1% мужчин и 54,9% женщин. Поскольку опрос проводили преимущественно среди трудовых мигрантов, то 31; 29,1; 24,4% опрошенных находятся в возрасте 21-30, 31-40 и 41-50 лет соответственно. На аналогичные возрастные группы среди россиян приходится 20,4; 19; 16,5%. Уровень образования мигрантов невысок: 47,1% опрошенных имеют образование не выше среднего общего, 9% и 24,6% – начальное профессиональное и среднее профессиональное, и только 19,3% – неполное высшее и высшее. Среди респондентов-россиян высшее (и неполное высшее) образование получили 33,3%, начальное и среднее профессиональное – 11,8% и 31,3%, а 23,6% – среднее общее или ниже. В выборке по мигрантам представлены главным образом работающие иностранцы (91,1%), только по 3% являются домохозяйками или безработными, 1,1% – студентами, а 0,3% – пенсионерами. Среди россиян в выборке WVS 59,3% работают, 4,2% и 4,2% безработные или домохозяйка, 4,9% студенты и 26,4% пенсионеры.

⁸ Мы рассматриваем отношение к этим явлениям по отдельности, не объединяя их в индекс сексуальной либерализации, поскольку Альфа-Кронбаха для индекса на нашей выборке и на основе двух переменных составил 0,64, что говорит о его низкой консистентности.

Отношение иммигрантов и россиян к ценностям индивидуального выбора

Допустимость разводов и сексуальных отношений до брака среди иммигрантов и россиян в значительной мере различна: среднее значение соответствующих переменных для мигрантов составляет 4,1 и 3,6 из 10, для россиян – 6,09 и 6,07. Это говорит о значительной консервативности иммигрантов и куда большей умеренности во взглядах на изучаемые вопросы россиян (таблица 1).

Таблица 1. Соотношение взглядов мигрантов и россиян на допустимость разводов и добрачного секса

Группы респондентов*	Отношение к разводам		Отношение к добрачному сексу	
	мигранты, 2020 г.	россияне, 2017 г.	мигранты	россияне
Консервативны, %	44,5	12,7	55,1	14,4
Умерены во взглядах, %	37,2	67,2	28,9	62,8
Либеральны, %	18,2	20,2	16	22,8
Среднее значение переменной	4,1	6,09	3,6	6,07

*Примечание: * – К консервативным респондентам отнесены те, кто никогда не может оправдать предлагаемое событие (ответ 1), к либеральным – кто может оправдать всегда (ответ 10), к умеренным во взглядах – те, кто может оправдать в той или иной ситуации (ответы 2-9)⁹.*

Если доля тех, кто готов оправдать развод и добрачный секс при любых обстоятельствах по сравниваемым группам различается незначительно, то процент консервативно настроенных респондентов-иммигрантов значительно выше, чем аналогичные данные среди россиян.

В исследованиях показано, что на консервативность представлений о ценностях индивидуального выбора влияют такие факторы, как пол, возраст и принадлежность к определенному поколению, уровень образования, форма занятости, семейное положение, тип поселения (Лопатина, Костенко, Понарин 2016; Зеликова 2015). Значимым предиктором консервативности взглядов является не только принадлежность к мусульманской религии, но и уровень религиозности.

Для выявления факторов, влияющих на представления о допустимости разводов и добрачного секса, были построены несколько спецификаций регрессии (таблица 2). На первом этапе, чтобы выявить значимые предикторы представлений иммигрантов и россиян, для каждой из групп в качестве независимых переменных были выбраны пол, возраст, уровень образования, положение на рынке труда, семейное положение, самооценка материального положения, а также приверженность какой-либо религии¹⁰.

Незначимой во всех моделях оказалась только самооценка материального положения респондентов.

Иммигранты-мужчины консервативнее в ценностях индивидуального выбора, чем женщины. Для местных жителей пол оказывается значим только в части отношения к разводам (женщины консервативнее).

⁹ Выделение групп на основе анализа латентных классов в постсоветских странах см.: (Лопатина, Костенко, Понарин 2016: 113).

¹⁰ Для россиян уровень R-квадрат в обеих спецификациях очень низкий, что говорит о необходимости включения других факторов, например, уровня религиозности. В данном случае сопоставимого вопроса для выборки по мигрантам не было.

Таблица 2. Регрессионные модели ценностей индивидуального выбора для мигрантов и россиян

Опорная категория – консервативные взгляды	Допустимость			
	разводов		сексуальных отношений до брака	
	иммигранты	россияне	иммигранты	россияне
Пол (женский)	0,015	-0,279*	0,628***	0,027
Возраст	-0,028**	-0,13**	-0,25**	-0,12*
Образование	опорная категория - среднее			
ПТУ, колледж	0,789**	0,529**	0,62*	0,398*
высшее	0,248*	0,278*	0,215*	0,82*
Положение на рынке труда	опорная категория - работающие			
безработные	-0,07	0,092*	-0,669*	-0,621**
другое ¹¹	-0,390	-0,226	-0,802	-0,163*
Самооценка материального положения	0,088	0,034	0,041	-0,14
Семейное положение	опорная категория – в браке ¹²			
разведенные	0,312	0,186	0,038	0,007
вдовы	3,277***	0,431	0,781**	0,149
одинокие	0,305	0,441	0,229	-0,103
Религия:				
ислам	опорная	-0,185	опорная	-0,366*
православие		опорная		опорная
православие и другие христианские религии (для иммигрантов) / другие религии (для россиян)	1,809**	-1,060***	2,871***	-1,575***
неверующие /не исповедуют никакую религию	0,203	1,601**	0,924	2,439***
Число наблюдений	648	1597	663	1588
R ² Кокса и Снелла	0,187	0,029	0,168	0,069
R ² Нэйджелкерк	0,250	0,055	0,220	0,122
-2 Log-правдоподобие	756,876	1142,284	790,242	1187,252
χ ²	133,866*** (df=12)	46,669*** (df=12)	122,089*** (df=12)	112,344*** (df=13)

Примечание: * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Возраст и для мигрантов, и для россиян отрицательно связан с представлениями о допустимости разводов и добрачного секса. Эта связь нелинейна. Дополнительный анализ с помощью таблиц сопряженности (с делением возраста на категории) показывает, что наиболее консервативны среди мигрантов в отношении развода молодые люди до 30 лет, в отношении добрачного секса – люди среднего возраста (31-40 лет). Среди россиян в обоих вопросах более либеральна молодежь (до 30 лет).

Уровень образования также является предиктором консервативных взглядов для обеих сравниваемых групп: с повышением уровня образования уменьшается вероятность крайне консервативного отношения к изучаемым явлениям.

¹¹ Включая домохозяек, в декрете, студентов, пенсионеров.

¹² Включая гражданский, религиозный.

Положение на рынке труда для мигрантов значимо только в отношении добрачного секса: более консервативны в этом вопроса безработные и категория «другое», куда были помещены домохозяйки и пенсионеры. Среди местных жителей эти же группы являются консерваторами, но по обоим зависимым переменным.

И среди мигрантов, и среди россиян люди, состоящие в браке, и вдовы чаще склонны демонстрировать нетерпимость к разводам и сексуальным отношениям до брака, чем разведенные и одинокие (никогда в брак не вступавшие).

Религия является значимым предиктором консервативности взглядов, однако, для мигрантов и россиян она имеет разную связь с изучаемыми представлениями. В выборке по мигрантам исповедующие какую-либо религию более консервативны, чем неверующие, а мусульмане чаще придерживаются крайне консервативных взглядов на разводы и добрачный секс, чем православные и представители других христианских конфессий. В выборке по россиянам мусульмане также чаще не готовы оправдать данные явления, однако, представители других конфессий (к ним обобщенно отнесены католики, иудаисты, буддисты) оказываются большими консерваторами.

На втором этапе к спецификациям для иммигрантов к перечисленным выше факторам были добавлены те, которые не могут быть применимы к россиянам, но представляются важными предикторами влияния на возможное изменение ценностных ориентаций в процессе интеграции в принимающем обществе: в первой итерации – длительность проживания в России, планы на дальнейшее проживание в стране приема; во второй, дополнительно – идентичность¹³ (российская, этническая, религиозная) (таблица 3).

При расширении числа предикторов значимость коэффициентов базового набора не претерпевает изменений. В то же время факторы, включенные в эти спецификации, связаны с изучаемыми представлениями. Так, год приезда имеет отрицательную связь с консервативностью по отношению к разводам. Наиболее консервативны иммигранты, приехавшие первый раз на долгий срок в РФ менее 5 лет назад. Те, кто начали миграционную «карьеру» или переехали 15 и более лет назад, выражают меньшую нетерпимость к расторжению брака. Однако на представления о допустимости сексуальных отношений до брака этот фактор не влияет. Вместе с тем иностранцы, планирующие связать свою жизнь с Россией (остаться в стране приема навсегда) более либеральны в обоих вопросах, чем те, кто подобных планов не имеет.

Формирование российской идентичности (чувства общности с гражданами России) уменьшает вероятность крайне консервативных взглядов на развод по сравнению с теми, кто эту связь не ощущает (разницы во взглядах на добрачные сексуальные отношения между людьми с разным уровнем российской идентичности не зафиксировано). Вместе с тем ощущающие сильную связь с людьми своей национальности чаще крайне консервативны в ценностях индивидуального выбора. Сильная религиозная идентичность также является предиктором подобных взглядов.

¹³ Индикатором были ответы на вопрос: «Как часто Вы можете сказать: «Это - мы» о людях, из перечисленных ниже групп? Как часто Вы чувствуете с ними единство, близость?»: все граждане России; люди Вашей национальности; люди Вашей веры.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа с дополнительными предикторами для иммигрантов

Опорная категория – консервативные взгляды	Допустимость			
	разводов		сексуальных отношений до брака	
	модель 1.1	модель 1.2	модель 2.1	модель 2.2
Пол (женский)	0,26	-0,009	0,657**	0,650**
Возраст	-0,31**	-0,032**	-0,25**	-0,21*
Образование	опорная категория - среднее			
ПТУ, колледж	0,807**	0,854**	0,637**	0,690**
высшее	0,261*	0,263*	0,181*	0,199*
Положение на рынке труда	опорная категория - работающие			
безработные	-0,056	0,854	-0,814**	-0,690
другое	-0,449	-0,344	-0,814	-0,710
Самооценка материального положения	0,042	0,86	0,032	0,024
Семейное положение	опорная категория – в браке			
разведенные	0,220	0,218	0,162	0,113
вдовые	3,083***	3,036***	0,755	0,534
одинокие	0,166	0,140	0,269	-0,23
Религия	опорная категория - ислам			
православие и другие христианские религии	1,621**	1,809**	2,748***	2,854***
неверующие	0,223	0,374	0,885	0,956
Год первого приезда	-0,054*	-0,055*	-0,001	-0,005
Приехал первый раз на долгий срок	опорная категория – до 5 лет назад			
от 5 до 10 лет назад	0,686	0,742	0,205	0,296
от 10 до 15 лет назад	0,615**	0,687**	-0,279	-0,175
более 15 лет назад	0,581*	0,654*	0,028	0,166
Планы на проживание в России (не оставаться навсегда)	0,386**	0,331*	0,401**	0,312
Российская идентичность	опорная категория – часто ощущающие связь			
иногда		0,471		0,764**
никогда		0,424*		0,596*
Этническая идентичность	опорная категория – часто ощущающие связь			
иногда		-0,652**		-0,979**
никогда		-0,025		0,106
Религиозная идентичность	опорная категория – часто ощущающие связь			
иногда		1,096**		0,372
никогда		1,131**		0,441
Число наблюдений	632	632	648	648
R ² Кокса и Снелла	0,193	0,211	0,177	0,213
R ² Нэйджелкерк	0,258	0,283	0,237	0,285
-2 Log-правдоподобие	734,370	719,633	764,205	735,752
χ ²	35,276*** (df=17)	50,013*** (df=23)	26,537*** (df=17)	54,990*** (df=23)

Примечание: * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Заключение

Иммигранты, перемещающиеся в другое общество на время или навсегда, частично избавляются от давления посылающего общества и могут быть более свободны в своем поведении и представлениях. Проведенное исследование показывает, что ценности иммигрантов из постсоветских стран расходятся с представлениями принимающего российского общества. В отличие от россиян они в значительной мере более консервативны в отношении разводов и добрачного секса, более требовательны и

патриархальны в части семейных взаимоотношений и личной свободы.

Несмотря на то, что имеющиеся данные не являются идеальными с точки зрения сравнительного анализа между иммигрантами и россиянами, поскольку получены из двух независимых выборок, они позволили определить предикторы консервативности взглядов для обеих групп. И в том, и в другом случае важными факторами либерализации взглядов на изучаемые представления будет уровень образования: чем он выше, тем большая толерантность наблюдается и у иностранцев, и у местных жителей. Также среди обеих групп более консервативные взгляды демонстрируют состоящие в браке, нежели одинокие и разведенные. Приверженность какой-либо религии является значимым предиктором нетерпимости к разводам и добрачному сексу и для иммигрантов, и для россиян. Вместе с тем, если традиционность мигрантов чаще всего связана с принадлежностью к мусульманской религии, то российские мусульмане оказываются не главными консерваторами, представители других религий могут выражать большую интолерантность к ценностям индивидуального выбора.

Проведенный анализ позволяет также говорить о том, что для иммигрантов эти установки довольно сложно поддаются изменению. Они не связаны с материальным благополучием, т. е. экономическая интеграция едва ли будет влиять на культурную. Давность приезда отрицательно связана только с консервативностью в отношении разводов, на либерализацию взглядов в отношении добрачного секса она не влияет. Сильная этническая и религиозная идентичности мигрантов, т. е. ощущение связи с людьми своей национальности и религии (что наверняка обусловлено социальными сетями мигрантов) являются предикторами крайне консервативных взглядов в отношении показателей сексуальной либерализации. Напротив, желание связать свою жизнь с Россией (остаться навсегда), формирование российской идентичности (чувства общности с россиянами) положительно связано с толерантностью к ценностям выбора.

Таким образом, не длительность проживания и экономическое благополучие, но уровень образования, формирование чувства общности со страной приема и желание связать с ней дальнейшую жизнь могут быть предикторами трансформации ценностных ориентаций иммигрантов в России.

Литература

- Зеликова Ю.А. (2015). Динамика сексуальной либерализации в современной России: поколенческий анализ. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 18(3), 95-115. http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2015_3/Zelikova_2015_3.pdf.
- Костенко В.В. (2017). Гендерные установки мигрантов-мусульман, населения западной Европы и Арабских стран: сравнительный анализ. (Дисс. канд. социол. наук). М.: НИУ «Высшая школа экономики». 235 с
- Лопатина С. Л., Костенко В. В., Понарин Э. Д. (2016). Дело не в исламе: отношение к абортam, разводам и добрачному сексу в девяти постсоветских государствах. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 9(3), 95-115. http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2016_3/Lopatina_Kostenko_Panarin_2016_3.pdf.
- Al-Ali N., Black R., Koser K. (2001). Refugees and transnationalism: the experience of Bosnians and Eritreans in Europe. *Journal of Ethnic and Migration studies*, 27(4), 615-634. <https://doi.org/10.1080/13691830120090412>.

- Anderson B. (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London and New York: Verso.
- Bastia T., Busse E. (2011). Transnational migration and changing gender relations in Peruvian and Bolivian cities. *Diversities*, 13(1), 19-33.
- Bertossi C. (2003). Negotiating the Boundaries of Equality in Europe. *The Good Society*, 12(2), 33-39. <https://doi.org/10.1353/gso.2004.0002>.
- Bettio F., Simonazzi A., Villa P. (2006). Change in care regimes and female migration: the «care drain» in the Mediterranean. *Journal of European social policy*, 16(3), 271-285. <https://doi.org/10.1177/0958928706065598>.
- Biao X. (2007). How far are the left-behind left behind? A preliminary study in rural China. *Population, Space and Place*, 13(3), 179-191. <https://doi.org/10.1002/PSP.437>.
- Carling J. (2005). Gender dimensions of international migration. *Global Migration Perspectives*, 35, 1-26.
- Connor P. (2010). Contexts of immigrant receptivity and immigrant religious outcomes: The case of Muslims in Western Europe. *Ethnic and Racial Studies*, 33(3), 376-403. <https://doi.org/10.1080/01419870902935963>.
- de Hoon S., van Tubergen F. (2014). The religiosity of children of immigrants and natives in England, Germany, and the Netherlands: The role of parents and peers in class. *European Sociological Review*, 30(2), 194-206. <https://doi.org/10.1093/esr/jcu038>.
- Diehl C., Schnell R. (2006). “Reactive ethnicity” or “assimilation”? Statements, arguments, and first empirical evidence for labor migrants in Germany. *International Migration Review*, 40(4), 786-816. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2006.00044.x>.
- Ebaugh H.R. (2003). Religion and the new immigrants. *Hand-book of the Sociology of Religion*. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511807961.017>.
- Esser H. (2001). *Integration und ethnische Schichtung*. Mannheim: Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung.
- Ester P., Halman L., de Moor R. (1993). *The Individualizing Society: Values Change in Europe and North America*. Tilburg University Press, Tilburg.
- Foner N. (2000). Beyond the Melting Pot Three Decades Later: Recent Immigrants and New York's New Ethnic Mixture. *The International Migration Review*, 34(1), 255-262. <https://doi.org/10.2307/2676022>. <https://doi.org/10.1177/019791830003400113>.
- Gills B.K. (2002). *Globalization and the Politics of Resistance*. London: Palgrave Macmillan.
- Gordon M. (1964). *The Nature of Assimilation. Assimilation in American Life*. New York: Oxford University Press.
- Gundelach P. (1994). National value differences: modernization or institutionalization? *International Journal of Comparative Sociology*, 35(1-2), 37-58.
- Hagan J., Ebaugh H. R. (2003). Calling Upon the Sacred: Migrants' Use of Religion in the Migration Process. *International Migration Review*, 37(4), 1145-1162. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00173.x>.

- Hirschman C. (2004). The role of religion in the origins and adaptation of immigrant groups in the United States. *International Migration Review*, 38(3), 1206-1233. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00233.x>.
- Hofmann E.T. (2014). Does Gender Ideology Matter in Migration? Evidence from the Republic of Georgia. *International Journal of Sociology*, 44(3), 23-41. <https://doi.org/10.2753/IJS0020-7659440302>.
- Holton R. (2000). Globalization's Cultural Consequences. *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 570, 140-152. <https://doi.org/10.1177/0002716200570001011>.
- Inglehart R. (1997). Modernization and postmodernization: cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton (New Jersey): Princeton University Press.
- Inglehart R., Norris P. (2003). Rising tide: Gender equality and cultural change around the world. Cambridge University Press.
- Kastoryano R. (2004). Religion and incorporation: Islam in France and Germany. *International Migration Review*, 38(3), 1234-1255. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00234.x>.
- Kosack G. (1976). Migrant women: the move to Western Europe – a step towards emancipation? *Race & Class*, 17(4), 369-380.
- Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pel-legrino A., Taylor E.J. (2005). *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*. New York: Oxford University Press.
- Menjívar C. (1999). The Intersection of Work and Gender Central American Immigrant Women and Employment in California. *American Behavioral Scientist*, 42(4), 601-627. <https://doi.org/10.1177/00027649921954381>.
- Monsutti A. (2007). Migration as a Rite of Passage: Young Afghans Building Masculinity and Adulthood in Iran. *Iranian Studies*, 40(2), 167-185. <https://doi.org/10.1080/00210860701276183>.
- Morokvasic M. (1984). Birds of Passage are also Women... *International Migration Review, Special Issue: Women in Migration*, 18(4), 897-898. <https://doi.org/10.1177/019791838401800402>.
- Oishi N. (2002). Gender and migration: an integrative approach. *Working Paper No.49, Center for Comparative Immigration Studies*. <https://escholarship.org/uc/item/0s04g29f>.
- Palloni A., Massey D., Ceballos M., Espinosa K., Spittel M. (2001). Social Capital and International Migration: A Test Using Information on Family Networks. *American Journal of Sociology*, 106(5), 1262-1298. <https://doi.org/10.1086/320817>.
- Penninx R. (2019). Problems of and solutions for the study of Immigrant Integration. *Comparative Migration Studies*, 7 (13), 2-11. <https://doi.org/10.1186/s40878-019-0122-x>.
- Pittin R. (1984). Migration of women in Nigeria: the Hausa case. *International Migration Review, Special Issue: Women in Migration*, 18(4), 1293-1314.
- Redfield R., Linton R., Herskovits M. (1936). Memorandum for the Study of Acculturation. *American Anthropologist*, 38(1), 149-152.

- Soehl T. (2017). Social Reproduction of Religiosity in the Immigrant Context: The Role of Family Transmission and Family Formation – Evidence from France. *International Migration Review*, 51(4), 999-1030. <https://doi.org/10.1111/imre.12289>.
- Voas D., Fleischmann F. (2012). Islam Moves West: Religious Change in the First and Second Generations. *Annual Review of Sociology*, 38(1), 525-545. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071811-145455>.
- Warner R.S. (2007). The role of religion in the process of segmented assimilation. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 612(1), 102-115. <https://doi.org/10.1177/0002716207301189>.
- Warner W., Srole L. (1945). *The social System of American Ethnic Groups*. New Haven: Yale University Press.
- Welzel C. (2013). *Freedom rising. Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wilensky H.L. (2002). *Rich democracies: Political economy, public policy and performance*. Berkeley CA: University of California Press.
- Williams N., Thornton A., Young-DeMarco L. (2014). Migrant Values and Beliefs: How Are They Different and How Do They Change? *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 40(5), 796-813. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.830501>.
- Yusupova G., Ponarin E. (2017). Social Remittances in Religion: Muslim Migrants in Russia and Transformation of Islamic Practices. *Problems of Post-Communism*, 65(3), 1-13. <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1224552>.

Прогнозирование миграции из России в Германию с использованием Google-трендов

Георгий Тимурович Броницкий
(gbronitskiy@hse.ru), Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики», Россия.

Елена Сергеевна Вакуленко
(evakulenko@hse.ru), Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики», Россия.

Using Google Trends for external migration prediction

Georgy T. Bronitsky
(gbronitskiy@hse.ru),
HSE University, Russia.

Elena S. Vakulenko
(evakulenko@hse.ru),
HSE University, Russia.

Резюме: Международная миграционная статистика публикуется с большой задержкой, которая может достигать нескольких лет. Эта проблема не позволяет исследователям осуществлять своевременный анализ миграционных потоков. В статье рассматривается метод прогнозирования международной миграции на основе поисковых запросов в сети Интернет на примере потоков из России в Германию в период 2011-2020 гг. Для анализа применяли показатели Росстата, статистического офиса Германии и ОЭСР. Предложенный в работе подход позволяет получать оценки миграционной динамики фактически без задержки во времени. Более того, в некоторых случаях возможно предсказывать миграционные события до фактического переезда, что может быть также использовано для прогнозирования других экономических индикаторов. Для построения необходимых оценок в работе были разработаны и применены методы, позволяющие увеличить частотность исходных наблюдений, а также получить краткосрочные ежемесячные прогнозы. Для получения множества поисковых запросов по миграционной тематике использовали NLP- подходы. Были оценены параметры линейной регрессии, построенной на основе данных о частоте использования поисковых запросов Google Trends, связанных с миграционными намерениями. В отличие от модели сезонных авторегрессионных интегрированных скользящих средних (SARIMA), предложенный подход позволяет учитывать структурные сдвиги и шоки в текущих процессах, отраженные в поисковых запросах в Интернете, и дает возможность получать краткосрочные прогнозы миграции в режиме реального времени (наукастинг). Описанные методы можно использовать как при исследовании других пар стран, так и для оценки других статистических показателей.

Ключевые слова: международная миграция, миграционная статистика, Росстат, Россия, Google Trends, поисковые запросы, наукастинг, SARIMA, большие данные.

Для цитирования: Броницкий Г. Т., & Вакуленко Е. С. (2022). Прогнозирование миграции из России в Германию с использованием Google-трендов. Демографическое обозрение, 9(3), 75-92. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16471>

Abstract: International migration statistics are published with a delay of up to several years. This prevents researchers from making timely analyses of migration flows. The article reviews a method for forecasting international migration flows based on search queries on the Internet using the example of flows from Russia to Germany during 2011-2020. Rosstat, German and OECD data were used to analyze migration. The approach proposed in the paper makes it possible to solve this problem by obtaining an estimate of migration trends with virtually no time delay. Moreover, in some cases it is possible to predict migration events before the actual relocation, which can also be used to evaluate other statistical indicators. To construct the necessary estimates, we employ methods for increasing the data frequency, making it possible to obtain monthly forecasts.

NLP approaches were used to obtain many search queries on migration topics. As a result, the parameters of a linear regression based on Google Trends search query data were evaluated, which made it possible to make a forecast of migration statistics before the publication of Rosstat statistics. The proposed models, in contrast to the model of seasonal autoregressive integrated moving averages (SARIMA), make it possible to take into account structural shifts and shocks in current processes reflected in Internet search queries, providing the opportunity to obtain short-term migration forecasts in real time (nowcasting). The described methods can be used both in the study of other pairs of countries and for the evaluation of other statistical data.

Keywords: external migration, migration statistics, Russia, Rosstat, Google Trends, search queries, nowcasting, SARIMA, big data.

For citation: Bronitsky G., & Vakulenko E. (2022). Using Google Trends for external migration prediction. Demographic Review, 9(3), 75-92. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16471>

Введение

Международная миграция оказывает влияние на различные сферы экономики и общества. Мигранты прибывают с многообразными профессиональными навыками, позволяющими вносить значимый вклад в обогащение человеческого капитала принимающих стран. С другой стороны, отток высококлассных специалистов может отрицательно влиять на потенциал развития значимых отраслей. Таким образом, миграционная политика может существенным образом влиять на развитие государств. Тем не менее недостаточность и несопоставимость статистики во времени и между странами затрудняет оценку влияния международной миграции на экономические показатели. Труднодоступность качественных данных становится причиной высоких расходов на сбор и предоставление достоверной статистики. Различия в методологии учета мигрантов в разных странах сильно затрудняет анализ миграции на мировом уровне. Другой серьезной проблемой, препятствующей анализу миграционных потоков, является временная задержка в размещении информации со стороны статистических служб. Лаг может достигать 5 и более лет, особенно явно он наблюдается в источниках национальной статистики развивающихся стран и стран с переходной экономикой, в которых искомые показатели зачастую основаны на опросах либо просто недоступны. Необходимо отметить, что один инструмент однородных данных наиболее широкого списка стран все же существует. Это результаты Всемирного опроса Гэллапа (GWP)¹. Опрос проводится среди 1000 взрослых граждан среди 160 стран, в него включены более 100 вопросов, позволяющих построить различные индексы, в том числе и миграционные. Однако результаты международного опроса обладают некоторыми недостатками: во-первых, информация не в свободном доступе и, как правило, платная; во-вторых, миграционные показатели собраны в определенный момент времени, что не позволяет оценить их динамику.

Цель работы – разработать метод прогнозирования международных миграционных потоков с использованием имеющейся официальной статистики стран, а также поисковых запросов в сети Интернет.

Для реализации поставленной цели решались следующие задачи:

1. изучение методологии учета международной миграции в России и Германии;
2. анализ интернет-сервисов по предоставлению агрегированной статистики поисковых запросов;
3. определение наиболее эффективного способа выделения множества слов для анализа запросов в сети Интернет, употребляемых в контексте миграции;
4. разработка подхода к краткосрочному прогнозированию оперативных показателей миграции (наукастинг) с использованием информации о поисковых запросах.

В работе применена модель SARIMA для выделения годовой сезонности и прогнозирования временного ряда. Также использованы методы машинного обучения для работы с текстом, а именно NLP-подходы для выявления наиболее близких к заданному слову поискового запроса. Решается задача оценки параметров множественной регрессии для прогноза международной миграции с использованием данных о поисковых запросах.

Мы предлагаем способ оценки миграционной статистики с минимальной задержкой во времени. Хотя подобная идея и описывалась в более ранних работах

¹ <https://www.gallup.com/analytics/318875/global-research.aspx>

(Fantazzini et al. 2021; Böhme, Gröger, Stoehr 2020; Wanner 2021), она неприменима в явном виде к показателям Росстата. Новизна нашей работы состоит в предложении использовать метод повышения частотности статистических данных, а также разработке подхода определения множества веб-запросов, которые могут судить о намерении эмигрировать. Описанные методы развивают методологию прогнозирования статистических показателей, а также расширяют возможности использования поисковых запросов для оценки экономических индикаторов.

Обзор литературы

Существует немалое количество литературы, посвященной анализу международных миграционных потоков, влиянию на них демографических факторов и уровня жизни населения, различий в доходах разных слоев населения, миграционной политики. С распространением информационных технологий и появлением возможности отслеживать геопозицию поисковых запросов открываются альтернативные источники для статистического учета перемещений. Изучение поведения пользователей в сети Интернет позволяет опередить публикационный период национальных статистических данных (Hauzenberger, Huber, Klieber 2022), а также спрогнозировать действия населения в ближайшей перспективе (Varian 2014: 3-28).

В своих работах авторы используют различные источники информации, позволяющие определить перемещение людей. Так, в (Bengtsson et al. 2011) при помощи информации о положении SIM-карт авторы делают оценки миграции населения во время землетрясения, что существенно опережает статистику со стороны федеральных служб. В (Subbotin, Aref 2021: 7875–7900) исследуется миграция ученых из России и в Россию на основании библиометрических описаний базы данных (БД) Scopus путем изучения изменений их аффилиаций с учетом областей знаний. Миграционные потоки также пытаются исследовать при помощи метаданных сети Интернет. В работах (Zagheni et al. 2014: 439-444; Moise et al. 2016: 663–670; Kim et al. 2020: 274–286) авторы использовали информацию пользователей Twitter с географической привязкой, в (Zagheni, Weber 2012: 348-351) оценивали международную миграцию, опираясь на IP-адреса десятков миллионов пользователей почты Yahoo, в (Kikas, Dumas, Saabas 2015: 17-22) использовали информацию пользователей Skype, в (Chi et al. 2020: 451-465; State et al. 2014: 531-543) рассматривали географическую привязку профилей социальных сетей. Эти работы направлены на выявление подхода для исследования международной миграции. Однако данные, представленные в них, собраны через специальные онлайн-сервисы, их нельзя интерпретировать для обобщения закономерностей миграции. Более того, база пользователей в большей степени собиралась самостоятельно с использованием информации частных компаний, которую сложно получить другим исследователям.

В работе (Tjaden 2021) проводится обзор работ по исследованию миграции с помощью цифрового следа в сети Интернет, обсуждаются трудности и риски использования альтернативных источников информации для оценки миграционных показателей. В (Чудиновских 2018: 48-56) критикуется использование социальных сетей и данных мобильных операторов для анализа миграций. Автор объясняет это невозможностью отделить собственно миграцию от многообразных форм пространственной мобильности населения: смену места жительства от сезонной мобильности, туризма, транзитных поездок, что существенно влияет на интерпретацию результатов.

Кроме описанных выше методов, появляется все больше литературы, в которой ученые исследуют поисковые запросы и информационный след в социальных сетях для краткосрочного прогнозирования поведения людей и их влияния на экономические показатели. Так, авторы работы (Varian, Choi 2009: 3-28) предполагают, что исследование статистики онлайн-поиска имеет большой потенциал в качестве инструмента измерения желаний пользователей в различных направлениях экономической деятельности как в реальном времени, так и для ближайших прогнозов. В работе (Goel et al. 2010: 17486-17490) описана возможность использования такой информации для прогноза продаж жилья, автомобилей, распространения заболеваний. В (Ginsberg et al. 2008: 1012-1014) было показано, как индикаторы GTI (Google Trends Index 2022) ² можно использовать для предсказания скорости распространения гриппа с задержкой оценок всего в 1 день. На основе поисковых запросов ученые прогнозируют волатильность фондового рынка (Bazhenov, Fantazzini 2019: 79–88), цены на товары потребления (Fantazzini 2014), информационное поле и потенциальные темы новостей (Radinsky, Davidovich, Markovitch 2008: 363-367) и другие явления частого потребления и поведения (Wu, Brynjolfsson 2013). Авторы отмечают, что такие исследования стали возможны благодаря внедрению машинного обучения (Mullainathan, Spiess 2017: 87-106; Celbis 2022) и эконометрических моделей, которые легли в основу проведения практических исследований миграционных потоков.

Возвращаясь к теме миграции, следует отметить, что существует ряд работ, использующих показатели Google Trends Index для оценки миграционных потоков. GTI является инструментом для анализа информационного следа пользователей различных онлайн-ресурсов. Эмпирические данные указывают, что мигранты все чаще ищут актуальную информацию о переезде в сети Интернет в стране их происхождения до отъезда (Fantazzini et al. 2021; Böhme, Gröger, Stoehr 2020). Интенсивность поисковых запросов можно использовать для прогноза динамики потоков миграции в перспективе нескольких месяцев. Такой подход может быть актуальным на частном и национальном уровнях для политических и экономических изменений. Среди недостатков применения Google Trends для анализа миграции называются сложность разделения типов миграции, агрегированность показателей и невозможность отслеживать характеристики потенциальных мигрантов, а также их реальные действия, так как индекс показывает намерения. В работе (Wanner 2021: 1181-1202) Google Trends использовались для краткосрочного прогнозирования международной трудовой миграции в Швейцарию. Авторы решают проблему отделения разных типов миграции подбором более точных веб-запросов, в частности связанных с поиском работы.

Рассматриваемые методы являются продолжением идеи исследования поисковых запросов с целью прогнозирования миграционных потоков. Нами предложены способы формирования множества поисковых запросов на основе лингвистических моделей машинного обучения, что не применялось в предыдущих работах схожей тематики. Кроме этого, мы применяли метод повышения частотности данных, который позволяет перейти от использования годовой статистики к месячным показателям.

² <https://trends.google.ru/trends/?geo=RU>

Статистические данные

Для анализа корреляции между поисковыми запросами населения и фактической международной миграцией мы опираемся на общедоступную статистику о миграционных потоках из Российской Федерации. Статистические офисы стран по-разному учитывают мигрантов, поэтому необходимо изучить их методологию и особенности подсчета. Отметим важные для моделирования и прогнозирования характеристики, которыми должны обладать данные:

- высокая частотность (важно использовать источники с высокой частотой для предсказания движения населения с меньшей задержкой);
- полнота (в случае пропусков в наблюдениях модель может работать некорректно).

При выборе страны назначения важно учитывать, что мы планируем прогнозировать миграцию по запросам в сети Интернет. Это накладывает ограничение на предлагаемую методологию, связанное с доступностью Интернета для потенциальных мигрантов. Существует значимое смещение в доле населения, имеющей доступ к Интернету в развивающихся и развитых странах, поэтому мы хотели бы сфокусироваться на миграции населения из РФ в развитые страны.

Для оценки полноты и числа мигрантов мы использовали данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)³, которая содержит официальную статистическую информацию, формируемую субъектами официального статистического учета (Росстат 2022). Для поиска информации о миграции из РФ в периоды с 1998 г. по настоящее время был выбран показатель «Число выбывших»⁴, в фильтре «потоки миграции» было выбрано значение «Международная». Опираясь на эти показатели и перечисленные выше критерии, мы определили список потенциально интересных для исследования стран, которые исторически связаны с Россией наиболее значимыми миграционными связями: Германия, Израиль и США. Объединение нескольких стран может привести к увеличению ошибки в прогнозе, поэтому было решено выбрать одну страну для исследования. Мы остановимся на исследовании миграции из России в Германию, однако предложенные методы можно применять и для других пар стран.

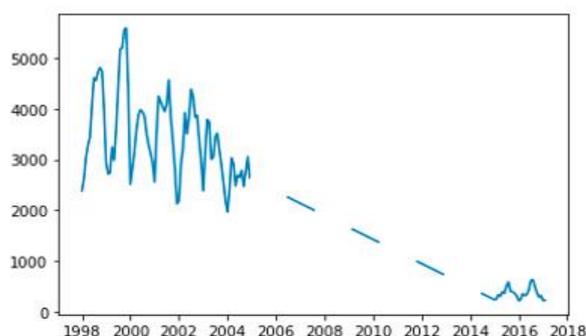
Для оценки миграции из России в Германию были изучены показатели, публикуемые Росстатом. В работах (Чудиновских, Степанова 2020: 54–82; Чудиновских 2010: 8-16; 2016: 32-46; 2020: 68-90; Чудиновских, Донец 2018: 11-26) исследуется методология, используемая для сбора миграционной статистики в России. Колебания статистических данных зачастую объясняется не столько изменением миграционных потоков, сколько изменением методологии сбора статистики. Наиболее существенным было изменение в 2011 г., согласно которому в России начали вести учет получающих регистрацию по месту пребывания на 9 месяцев и более. Такое изменение повлияло на показатели миграционных потоков, в основном из-за временных/трудоустроенных мигрантов, имеющих временную регистрацию, а также стала учитываться студенческая миграция (Чудиновских 2020: 68-90). Однако в случае миграции граждан РФ необходимо сняться с регистрации по месту жительства для попадания в миграционную статистику. Поэтому такой показатель не позволяет в полной мере оценить миграционный поток в

³ <https://rosstat.gov.ru/emiss>

⁴ <https://www.fedstat.ru/indicator/43513>

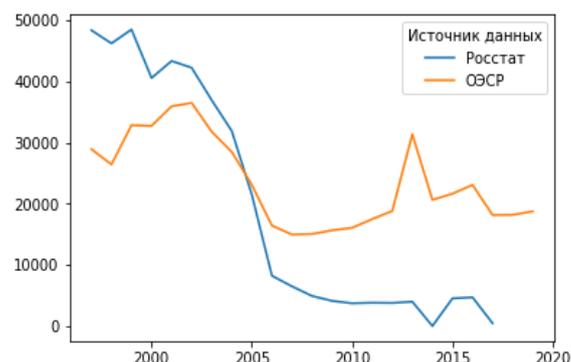
выбранную страну. Среди преимуществ можно отметить, что статистика по международной миграции доступна с 1998 г. с месячной частотностью. Однако есть и ряд недостатков: в данных ЕМИСС отсутствует статистика за период 2005-2015 гг. (рисунок 1), также можно заметить, что миграционные показатели публикуются с большой задержкой. На момент написания статьи она достигает 5 лет.

Рисунок 1. Число мигрантов из РФ в Германию по месяцам

Источник: Данные Росстата (1998-2018 гг.).

Рисунок 2. Число мигрантов из РФ в Германию по годам

Источник: Данные Росстата, ОЭСР.

Учитывая приведенные выше факты, мы не можем опираться только на показатели Росстата, поэтому были изучены альтернативные источники статистики. Согласно (Денисенко 2003: 157-169) в 90-е годы эмиграционный отток из России в Германию оценивался статистической службой Германии в 1,2 раза выше, чем аналогичные показатели о зарегистрированных мигрантах со стороны статистической службы России. В статистике Германии иностранные граждане регистрируются как иммигранты, если они получили разрешение на жительство и собираются остаться в Германии на 3 и более месяцев. Эмигрантами также считаются «граждане Германии и лица немецкого происхождения (Aussiedler), которые возвращаются на свою историческую родину» и практически автоматически получают гражданство. Таким образом, сравнивать немецкие и российские показатели можно с некоторыми оговорками и допущениями, поскольку статистика Германии включает как краткосрочные миграции, так и долгосрочные перемещения. Но для нас важны оба вида миграции, так как по статистике интернет-запросов сложно их разделить.

Указанное превышение в объемах миграции характерно не только для потоков в Германию, но и в другие страны, которые рассматривались в работе (Денисенко 2003). Исходя из этого делается вывод о систематическом недооценивании эмиграционных потоков в России. Воспользуемся показателями статистической службы Германии⁵, а также Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (OECD 2020)⁶, в которой указываются ежегодные миграционные потоки среди стран-участниц организации. Поскольку эта база данных пополняется регистрациями населения по месту жительства и занятости из стран-членов ОЭСР, она охватывает только легальную иммиграцию, т. е. миграцию, связанную с работой, лиц, ищущих убежища, и другие типы легальных

⁵ <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online?operation=statistic&levelindex=0&levelid=1668599374655&code=12711#abreadcrumb>

⁶ <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MIG#>

иммигрантов. Критерием для пополнения статистики является наличие вида на жительство и нахождение в стране более 1 недели⁷. В статистике ОЭСР учитываются показатели статистической службы Германии, при этом этнические немцы, о которых говорилось ранее, в ОЭСР не учитываются. В работе использованы данные ОЭСР, а не первоисточника, так как эта организация приводит статистику миграционных служб разных стран к единому виду, что позволяет их сравнивать друг с другом, а также применять описанные далее методы к другим парам стран. Также можно получить миграционную статистику в базе Eurostat⁸ (Eurostat 2020), однако срез данных по гражданству иммигранта недоступен для выбранной пары стран. Одной из проблем при использовании такой информации о миграционных потоках является частотность: это только годовые показатели.

Для оценки миграционных потоков из России в Германию предпочтительнее использовать показатели принимающей стороны. Так как статистика Росстата применяет меняющиеся со временем методики учета мигрантов, а также может не учитывать отток, если при выезде из страны эмигранты не снимаются с регистрационного учета, они не видны в статистике. Стоит отметить, что в данных принимающей стороны мы можем видеть не только долгосрочную, но и краткосрочную миграцию, но с видом на жительство и со сменой места регистрации. Несмотря на то, что в немецкой статистике указаны годовые показатели миграции, в своем исследовании мы использовали комбинацию нескольких источников: Росстата (выделив сезонную компоненту по месячным показателям) и ОЭСР. Подробнее о методологии вычисления сезонности будет рассказано в следующем разделе.

При сравнении показателей Росстата и ОЭСР (рисунок 2) видно, что они имеют схожие тренды в период 1998-2004 гг. Снижение числа фиксируемых Росстатом переселений совпадает с началом периода отсутствия месячной статистики. Годовые показатели миграции из РФ в Германию в исследуемых источниках начали существенно различаться. Такие различия приводят к необходимости отдельного изучения миграционных данных, разработке алгоритмов повышения частотности.

Несмотря на то, что информация о миграционных потоках доступна за более ранние периоды, мы сосредоточимся на периоде, начинающемся с 2004 г., когда доступна статистика используемых нами поисковых запросов, и до 2020 г. – последнего года публикации ОЭСР показателей международных миграционных потоков.

Данные Интернет-запросов

Раздел посвящен обзору открытых источников поисковых запросов, таких как Google Trends и Yandex Wordstat⁹. Индекс Google Trends (GTI) предоставляет собой временной ряд интенсивности поиска выбранных пользователем ключевых слов. Индекс запросов показывает долю обращений: общий объем поиска по данному запросу в выбранном географическом регионе, разделенный на общее количество запросов в этом регионе в определенный момент времени.

GTI может быть ограничен по географическому региону, дате, набору общих категорий поиска, таких как «Работа и образование» или «Путешествия», а также по типу

⁷ Важно отметить, что в статистику миграции ОЭСР туристы не попадают, так как важно выполнение сразу двух условий: наличие вида на жительство и нахождение в стране.

⁸ https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/migr_imm2ctz

⁹ <https://wordstat.yandex.ru/>

поиска. Мы используем первые два ограничения, основанные на веб-поиске, для создания ежемесячных временных рядов интенсивности онлайн-поиска по выбранным странам. К недостаткам можно отнести то, что индекс показывает нормированный показатель доли запросов в выбранной тематике. Это приводит к несопоставимости индексов для разных временных промежутков (разные показатели одного запроса при разном временном окне) и отсутствию возможности рассчитать абсолютные показатели. Другой проблемой может стать изменение способов подсчета статистики со стороны Google. Так, в 2011 г. изменился подход к определению региона поиска, что повлияло на подсчет индекса. Из-за этого мы не можем использовать веб-запросы до 2011 г. Еще одной проблемой использования более ранних поисковых запросов является низкая доля домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет в РФ: в 2000 г. – 2% домохозяйств, в то время как в 2011 г. – 56,8%. Учитывая описанные ограничения, было решено применять индексы интернет-запросов, начиная с 2011 г. При том мы все же использовали статистику более ранних миграционных показателей 1998-2011 гг. для вычисления месячной сезонности и увеличения частотности исходных данных.

Альтернативным подходом можно считать Yandex Wordstat, в отличие от индекса GTI они содержат абсолютные показатели поисковых запросов, что упрощает их использование для прогноза. Однако такая статистика доступна только за ограниченный период времени (за последний год). Еще одним минусом применения Yandex Wordstat является его географическое смещение (доля Яндекса): Яндекс имеет низкую долю пользователей среди поисковых систем за пределами стран СНГ, что не позволит масштабировать используемый алгоритм. Несмотря на это, добавление показателей Yandex Wordstat может увеличить точность алгоритма за счет добавления абсолютных величин. В своей работе мы не проводим сравнение моделей, построенных только на индексах GTI, с моделями, дополненными статистикой Yandex Wordstat за последний год, однако это является интересной темой для последующих исследований.

Для использования Google Trends или Yandex Wordstat необходимо выбрать множество поисковых запросов, которые будут коррелировать с фактической миграцией. Ввиду многомерности миграционных процессов и мотивов, эта задача является более сложной, чем в других приложениях, где набор потенциальных ключевых слов довольно узок, например, в случае с продажами автомобилей, ценами на нефть и реестрами безработных. В работе применены 2 подхода к поиску ключевых слов. Первый – определение семантического ядра с использованием сервиса Yandex Wordstat. Такой подход позволяет найти популярные запросы со схожей тематикой. Так, например, для запроса «эмиграция» Yandex Wordstat находит похожим запрос «гражданство». К преимуществам этого подхода можно отнести высокое качество поисковых запросов, так как фактически с их помощью пользователи ищут информацию в Интернете. Но также есть и недостатки, основным из которых является невозможность оценить полноту полученного множества. Для оценки полноты множества полученных слов использовали ресурс RusVectores (NLPL 2022)^{10,11}, а также мы провели сравнение с множеством, полученным в работе (Böhme, Gröger, Stoehr 2020). Важно отметить, что для формирования множества популярных поисковых запросов производили поиск по ключевым словам с использованием информации о регионе (например, «переезд в Германию», «работа в

¹⁰ <https://rusvectores.org/>

¹¹ <http://vectors.nlpl.eu/repository/>

Германии»). Второй способ определения множества слов – использование эмбедингов (представление слов или словосочетаний в виде векторов). Модели в качестве обучающих выборок могут использовать статьи *Википедии*, языковые словари и другие источники, в которых можно найти качественную взаимосвязь между словами. Такой подход позволяет найти слова и словосочетания, которые наиболее часто употребляются в литературе в контексте эмиграции. Так, модель, обученная на текстах русскоязычной Википедии, определяет наиболее близкими к слову «эмиграция» слова «эмигрант», «заграница», «беженство», «диаспора». Модель, построенная для работы с текстом, называется *корпус*, такие модели могут брать за основу различные источники для поиска взаимосвязей между словами. Мы использовали наиболее популярные модели: Российский национальный корпус ¹², корпус Тайга ¹³, а также корпус российской Википедии ¹⁴. К преимуществам такого подхода можно отнести полноту полученных данных, есть возможность определять порог качества, для которого мы считаем словосочетания близкими друг к другу. Противоположно первому подходу не всегда получаются словосочетания, которыми пользуются при поиске в Интернете (например, «эвакуация в Германию»; хотя слово «эвакуация» находится близко к слову «эмиграция» с точки зрения модели, поисковых запросов с таким сочетанием крайне мало). В случае малого количества запросов словосочетаний для них нет истории GTI, поэтому мы не можем получить часть индексов. В результате поиска по всем 150 запросам была найдена история по 20-35 запросам в каждом из множеств.

Поскольку во время подготовки и сбора данных было трудно оценить наилучший способ составления множества поисковых запросов, мы решили использовать оба подхода и построить модель для каждого из них. В результате для каждого из подходов определили множество из примерно 150 запросов, для которых в дальнейшем производили поиск в истории Google Trends. Стоит отметить, что мы рассматривали запросы только на русском языке. Как обсуждается в работе (Wanner 2021: 1181–1202), эмигранты в основном используют язык страны выбытия для поиска.

Методология и анализ результатов

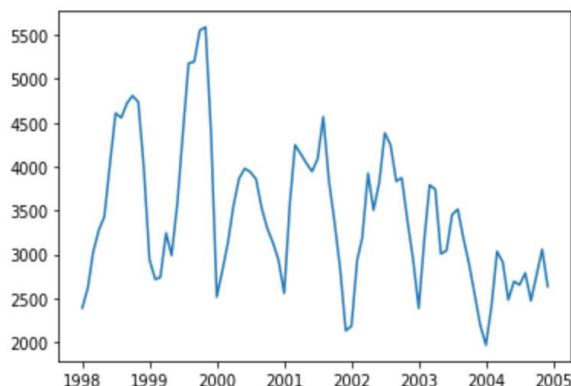
Для подготовки миграционной статистики и повышения ее частотности было решено выделить сезонную компоненту, используя показатели Росстата в периоды 1997-2005 гг. На рисунке 3 можно заметить годовую сезонность (12 месяцев), при этом нет ярко выраженного тренда. Рассмотрим также ряд первых разностей исходного ряда. Для этого из каждого текущего значения ряда вычтем предыдущее (рисунок 4). Кроме этого, посчитаем скользящее среднее ряда окном за последние 12 периодов. По графику скользящего среднего можно отметить отсутствие тренда в данных. Используя тест Дики-Фуллера (спецификация с константой), проверим стационарность указанных рядов. При уровне значимости в 1% мы можем отвергнуть гипотезу, что ряд первых разностей не стационарен, получив значение статистики ($ADF = -3,48$; $p_value = 0,0085$).

¹² <https://ruscorpora.ru/>

¹³ https://tatianashavrina.github.io/taiga_site/

¹⁴ <http://vectors.nlpl.eu/repository/20/182.zip>

Рисунок 3. Число мигрантов из РФ в Германию по месяцам, 1998-2005

Источник: Данные Росстата.

Рисунок 4. Скользящее среднее и ряд первых разностей для числа мигрантов из РФ в Германию по месяцам, 1998-2005

Источник: Расчеты авторов по данным Росстата.

После проведения предварительного анализа используем информационный критерий AIC (Akaike 1974: 716–723) для определения наилучших параметров модели $SARIMA(p, d, q)(P, D, Q)_s$.

Используя выбранный критерий, определили параметры модели, наилучшим образом описывающие временной ряд, представленный на рисунке 3. Согласно AIC критерию, исходный временной ряд можно описать процессом со следующими параметрами: $SARIMA(0, 1, 1)(0, 1, 1)_{12}$, такой процесс будет иметь следующий вид:

$$\left(1 - \frac{X_{t-1}}{X_t}\right) \left(1 - \frac{X_{t-12}}{X_t}\right) X_t = \left(1 - \theta \frac{X_{t-1}}{X_t}\right) \left(1 - \Theta \frac{X_{t-12}}{X_t}\right) \epsilon_t \quad (1)$$

где θ, Θ – оценки параметров модели, ϵ_t – остатки модели, из статистики Льюнга-Бокса (Q-stat = 0,11, p_value = 0,13) следует, что они соответствуют модели «белого шума» и независимы.

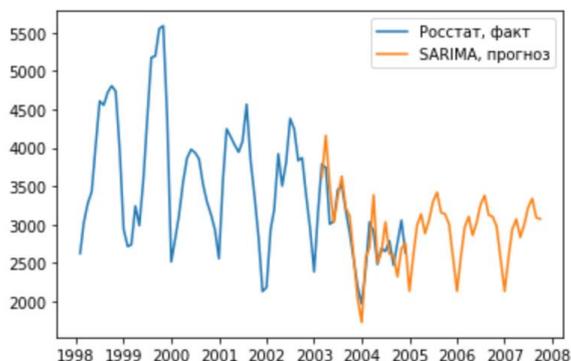
Составим уравнение временного ряда, используя полученные параметры¹⁵:

$$X_t = X_{t-1} + X_{t-12} - X_{t-13} + \epsilon_t + \frac{0.433}{(0,130)} \epsilon_{t-1} - \frac{0.967}{(1,978)} \epsilon_{t-12} - \frac{0.419}{(0,257)} \epsilon_{t-13} \quad (2)$$

Сделаем прогноз временного ряда, используя полученное уравнение (2) для интервала 2003-2008 гг. (рисунок 5). В таком случае для этого периода мы можем сравнить фактические значения показателя с прогнозными. Кроме этого, мы строим прогноз значений в интервале 2005-2008 гг., для которых нет ретроспективной информации с месячной частотностью. Оцененный ряд можно продлить и далее, но из-за отсутствия тренда он не будет видоизменяться от года к году.

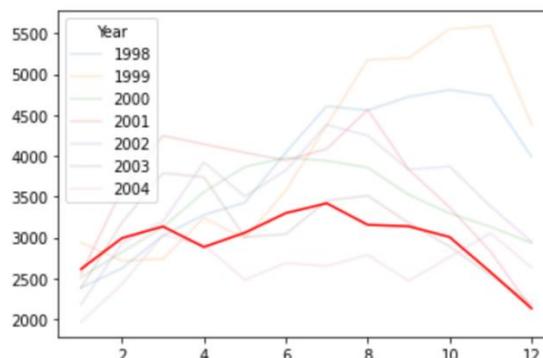
¹⁵ В круглых скобках представлены стандартные ошибки коэффициентов модели.

Рисунок 5. Фактические и прогнозные значения числа мигрантов из РФ в Германию по месяцам

Источник: Данные Росстата.

Рисунок 6. Число мигрантов из РФ в Германию по месяцам в году; сезонность, выявленная в модели SARIMA, 1998-2004

Источник: Данные Росстата.

Примечание: Жирная линия – сезонность, выявленная в модели SARIMA.

Получившийся временной ряд можно использовать для обучения модели, основанной на поисковых запросах. Однако тот факт, что он не учитывает миграционный тренд, существенно затрудняет его использование на данных 2011-2022 гг., для которых есть статистика по запросам GTI. В связи с этим было решено частично использовать выводы, которые мы получили из модели SARIMA, выделив сезонную компоненту в исследуемых показателях.

Анализ временного ряда, основанного на данных Росстата за 1997-2005 гг., позволяет выявить годовую сезонность (12 месяцев). Так как статистика Росстата за указанные периоды представлена с помесечной частотностью, определим среднюю сезонность на периоде 1997-2005 гг. (рисунок 6). Полученную сезонность применим к годовым показателям ОЭСР. Таким образом получим временные ряды, учитывающие тренд, с нужной для исследования частотностью. Результат повышения частотности данных отображен на рисунке 7.

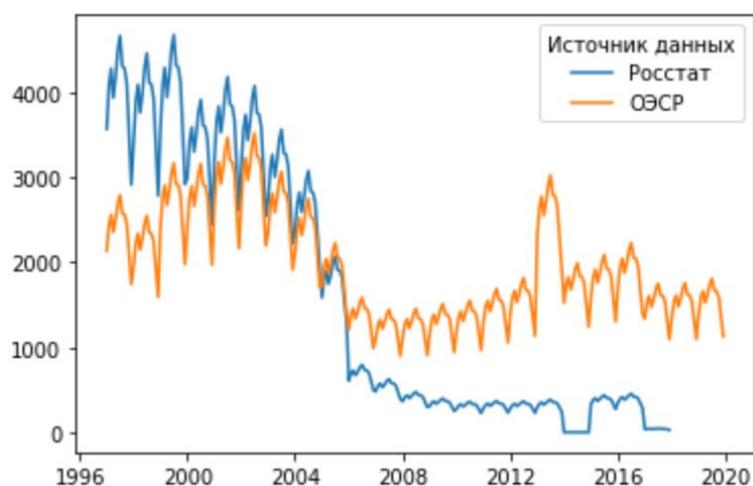
Используя ретроспективные показатели миграции между двумя странами, можно оценить корреляцию между поисковыми запросами и фактической эмиграцией. Ранее мы писали о методах формирования множества поисковых запросов, соответствующих миграционным намерениям. Для каждого множества поисковых запросов мы оценили параметры множественной линейной регрессии:

$$\gamma_t = \sum_i \beta_i x_{i,t} + u_t \quad (3)$$

где в качестве объясняющих переменных x_i выбраны значения индексов Google Trends для соответствующего запроса i . В качестве объясняемой переменной Y_t взяты показатели миграции из России в Германию по статистике ОЭСР с увеличенной нами частотностью (рисунок 7). Для оценки коэффициентов модели β_i применяли метод наименьших квадратов на данных за 2011-2018 гг. Для сравнения точностей прогнозов моделей (3) с различными множествами поисковых запросов использовали период 2019-2020 гг. (таблица и рисунки 8-11). Мы также делаем прогноз миграции из России в Германию с

2020 г. по настоящее время.

Рисунок 7. Годовые данные о миграции с примененным внутригодовым трендом, 1996-2020

Источник: Данные Росстата, ОЭСР.

Примечание: Статистика миграции из РФ в Германию.

Модель, основанная на множестве поисковых запросов, определенных с помощью Yandex Wordstat, показала наименьшую ошибку (MAE и MAPE). Это объясняется тем, что в такой модели используются словосочетания, которые чаще всего применяются для поиска в Интернете. Этот подход подбора ключевых слов позволил найти больше информации по поисковым запросам в GTI.

Таблица. Сравнение моделей (3) для прогноза миграции из РФ в Германию с помощью различных поисковых множеств

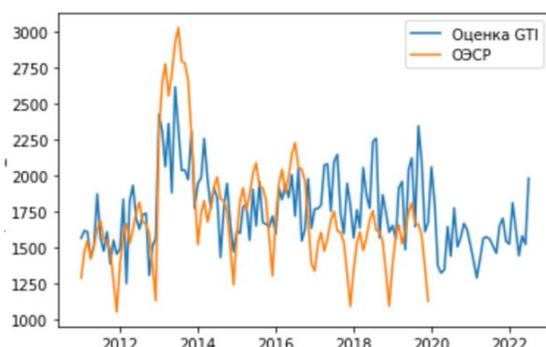
Источник поисковых запросов	Найденные запросы	MAPE	MAE	Значимые запросы*
Национальный корпус	20	14,7	271,3	визовый Германия право Германия гражданство Германия
Википедия	25	14,4	167,4	виза Германия билет Германия посольство Германия
Тайга корпус	25	14,4	265,8	виза Германия ВНЖ Германия иммиграция Германия
Yandex Wordstat	32	10,4	183,5	шенгенская виза в Германию посольство Германии в Москве работа в Германии

Примечание: * – Значимые запросы на уровне значимости 5%. Приведены примеры, соответствующие наибольшим значениям параметров β_i в модели линейной регрессии (4).
ВНЖ – вид на жительство.

Мы можем сравнить поведение модели, основанной на годовой сезонности (показатели ОЭСР на рисунках 8-11), с прогнозами миграции на основе запросов Google Trends. Прогнозы, полученные на основе моделей временных рядов (SARIMA), не способны отобразить шоков в миграционных показателях, возможных структурных сдвигов, так как строятся на основе ретроспективной информации, это хорошо заметно на

рисунках 8 и 10, где видно падение миграционного потока в период Covid-19 в начале 2020 г. по моделям Google Trends. Этот факт объясняется тем, что индекс GTI отражает реальный интерес к миграции в каждый момент времени, в то время как прогнозирование временных рядов строится на ретроспективных данных и в большей степени отражает предшествующий тренд и сезонность.

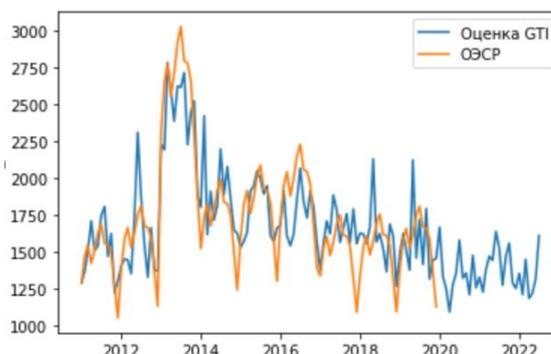
Рисунок 8. Прогноз миграционных показателей (данные Национального корпуса)

Источник: Данные Google Trends Index, ОЭСР

Примечание: Множество поисковых запросов (поисковых слов) сформировано на основе анализа взаимосвязи слов русскоязычной литературы, новостей, словарей (национальный корпус).

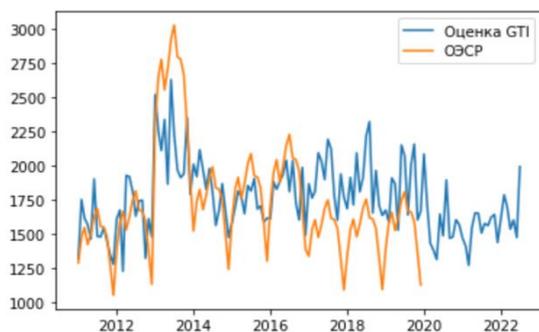
Рисунок 9. Прогноз миграционных показателей (данные Yandex Wordstat)

Источник: Данные Google Trends Index, ОЭСР, Yandex Wordstat

Примечание: Множество поисковых запросов (поисковых слов) сформировано на основе поисковой истории Яндекса за последний год.

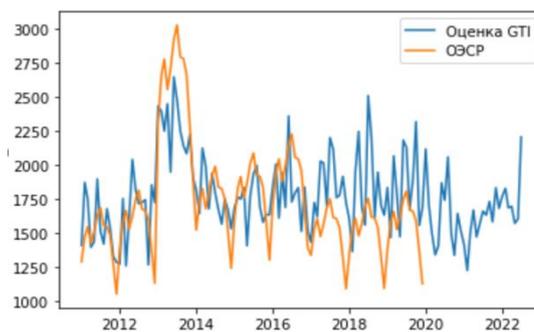
Рисунок 10. Прогноз миграционных показателей (данные Википедии)

Источник: Данные Google Trends Index, ОЭСР.

Примечание: Множество поисковых запросов (поисковых слов) сформировано на основе анализа взаимосвязи слов из русскоязычной Википедии (корпус Википедии).

Рисунок 11. Прогноз миграционных показателей (данные корпуса Тайга)

Источник: Данные Google Trends Index, ОЭСР.

Примечание: Множество поисковых запросов (поисковых слов) сформировано на основе анализа взаимосвязи слов из русскоязычной литературы (корпус Тайга).

Недостатком модели, построенной на основе запросов Google Trends, является то, что в момент шоков возможны изменения в соотношении количества целевых действий

(миграций) и количества соответствующих запросов. Одним из решений обозначенной проблемы может стать добавление переменной, отражающей скорость изменения поисковых запросов заданной тематики. Кроме этого видно, что модель, обученная с использованием данных Yandex Wordstat (рисунок 9), сравнительно лучше повторяет падение с 2017 по 2020 г., это может быть объяснено тем, что она построена на основе слов, которыми люди чаще пользуются при поиске в Интернете, когда принимают решение о миграции.

Заключение

В работе был предложен подход к прогнозированию статистических показателей о миграции из РФ в Германию на основе поисковых запросов в сети Интернет. Подход состоит из нескольких этапов. Первым делом мы анализировали имеющуюся статистику по международной миграции из России в Германию по информации статистических служб каждой из стран, обсуждали их сопоставимость. Для построения краткосрочных прогнозов необходимы высокочастотные данные, хотя бы месячной периодичности. Для этого нами был разработан и применен метод увеличения частотности статистических показателей, который позволил из годовых данных статистического офиса Германии и ОЭСР получить помесечные. На втором этапе проводили работу по определению множества поисковых запросов в сети Интернет, описывающих намерения мигрировать. Для этого нами были применены лингвистические методы машинного обучения. В основе использованных подходов лежит представление слов в виде векторов. Производили поиск наиболее близких слов в контексте миграции, вычисляя расстояние между полученными векторами. Мы сравнивали несколько источников русскоязычного текста (статьи Википедии, словари и русскоязычная литература), таким образом получали различные множества, близкие слову «эмиграция», в зависимости от источника. В результате было отобрано от 20 до 35 поисковых запросов для каждого из исследуемых множеств. На финальном третьем этапе оценивали линейные регрессионные модели, позволяющие предсказывать потоки миграции, опираясь на поисковые запросы по статистике Google Trends. В результате было показано, что модель, обученная с использованием множества поисковых слов Yandex Wordstat, лучше других описывает падение миграции с 2017 по 2020 г. Хотя оцененные параметры модели не могут быть использованы с другим временным промежутком, в работе описан принцип получения прогноза в будущем. Было проведено сравнение модели прогноза на основе сезонного тренда и линейной модели с переменными запроса Google Trends. Преимуществом модели, основанной на индексах Google Trends, сравнительно с моделью SARIMA является возможность учитывать структурные сдвиги в динамике миграции из-за шоков различной природы (Covid-19, изменение социально-экономического положения, кризисы и др.).

Применение описанного выше подхода позволяет получить оперативную информацию о международной миграции раньше, чем она будет опубликована в официальных статистических источниках (наукастинг миграционных потоков). Так, данные Росстата могут иметь задержку более двух лет, что может затруднять оценку экономических показателей, основанных на демографических переменных. Более того, в некоторых случаях описанный подход позволяет предсказать миграционные намерения еще до момента миграции.

Отдельно нужно обсуждать расхождение полученных прогнозных значений по предложенным моделям с поступившими с некоторой задержкой данными официальной

статистики. На самом деле эти различия могут быть вызваны разными причинами: 1) статистической ошибкой прогноза по модели ¹⁶; 2) не воплотившимися в миграцию намерениями о миграции, 3) неучетом в статистике всех возможных краткосрочных перемещений, которые видны в поисковых запросах. Несмотря на имеющиеся ограничения, мы считаем, что предложенный подход имеет право на существование, поскольку дает нам оперативную информацию о миграционных трендах, отраженных в поисковых запросах, которые могут изменяться в моменты сильных структурных шоков (пандемия, войны, землетрясения и др.). Подходы к прогнозированию, основанные на анализе динамики временных рядов и демографической структуры населения, не позволяют получить адекватные оценки в таких ситуациях.

Описанные методы можно использовать как при исследовании других пар стран, так и для оперативного прогнозирования других статистических показателей. При применении предложенного подхода важно учитывать особенности методологического учета миграции в разных странах. Можно также проводить дополнительные исследования в области выбора множества поисковых запросов, основываясь на минимизации дисперсии при прогнозировании.

К недостаткам предложенного подхода прогнозирования оперативных значений показателей миграции можно отнести тот факт, что полученные параметры регрессии не являются постоянными. Google Trends Index для одного и того же дня и запроса может отличаться в зависимости от выбранного временного периода (окна). Это связано с тем, что Google нормирует показатель на выбранном периоде (делит каждое из значений на максимальное). Таким образом, значения Google Trends Index в момент времени $T + 1$ могут отличаться от тех, которые были в момент написания статьи (кроме случая выбора аналогичного периода). Для решения этой проблемы можно заново оценить параметры регрессии, используя описанный выше алгоритм. Такой подход позволит построить правильный прогноз модели в будущем.

Направлением дальнейших исследований может стать изучение временных лагов между запросами в Интернете и непосредственной миграцией. Также можно попробовать подобрать поисковые запросы так, чтобы отделить миграцию разных видов (смена места жительства, работа, учеба). В своей работе мы долгосрочную и краткосрочную миграцию не разделяли. Стоит также задуматься о поисковых запросах на других языках, в нашем случае на английском и немецком в дополнении к русскому.

Литература

- Денисенко М.Б. (2003). Эмиграция из России по данным зарубежной статистики. *Мир России: Социология, этнология*, 12(3), 157-169.
- Росстат (2022). База данных. Федеральная служба государственной статистики, показатель «Число выбывших». <https://www.fedstat.ru/>
- Чудиновских О.С. (2010). Современное состояние статистики миграции в России: новые возможности и нерешенные проблемы. *Вопросы статистики*, 6, 8-16.

¹⁶ В данном случае стоит ориентироваться на доверительный интервал для прогноза, а не точечные оценки.

- Чудиновских О.С. (2016). Административная статистика международной миграции: источники, проблемы и ситуация в России. *Вопросы статистики*, 2, 32-46.
- Чудиновских О.С. (2018). Большие данные и статистика миграции. *Вопросы статистики*, 25(2), 48-56.
- Чудиновских О.С. (2020). К вопросу о статистическом обеспечении исследований миграции и миграционной политики в России. *Управление миграцией и модели миграционной политики: возможности и риски*, 68-90.
- Чудиновских О.С., Донец Е.В. (2018). О новых технологиях и статистике миграции в России. *Вопросы статистики*, 25(5), 11-26.
- Чудиновских О.С., Степанова А.В. (2020). О качестве федерального статистического наблюдения за миграционными процессами. *Демографическое Обозрение*, 7(1), 54-82. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10820>
- Akaike H. (1974). A new look at the statistical model identification. *IEEE Transactions on Automatic Control*, 19(6), 716-723. <https://doi.org/10.1109/TAC.1974.1100705>
- Bazhenov T., Fantazzini D. (2019). Forecasting Realized Volatility of Russian stocks using Google Trends and Implied Volatility. *Russian Journal of Industrial Economics*, 12(1), 79-88. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2019-1-79-88>
- Bengtsson L., Lu X., Thorson A., Garfield R., von Schreeb J. (2011). Improved Response to Disasters and Outbreaks by Tracking Population Movements with Mobile Phone Network Data: A Post-Earthquake Geospatial Study in Haiti. *PLoS Medicine*, 8(8). <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1001083>
- Böhme M. H., Gröger A., Stoehr T. (2020). Searching for a better life: Predicting international migration with online search keywords. *Journal of Development Economics*, 142.
- Celbiş M. G. (2022). Unemployment in Rural Europe: A Machine Learning Perspective. *Applied Spatial Analysis and Policy*. <https://doi.org/10.1007/s12061-022-09464-0>
- Fantazzini D. (2014). Nowcasting and Forecasting the Monthly Food Stamps Data in the US Using Online Search Data. *PLoS One*, 9. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0111894>
- Fantazzini D., Pushchelenko J., Mironenkov A., Kurbatskii, A. (2021). Forecasting Internal Migration in Russia Using Google Trends: Evidence from Moscow and Saint Petersburg. *Forecasting*, 3(4), 774-803. <https://doi.org/10.3390/forecast3040048>
- Chi G., State B., Blumenstock J.E., Adamic L. (2020). Who Ties the World Together? Evidence from a Large Online Social Network. In Cherifi H., Gaito S., Mendes J., Moro E., Rocha L. (Eds.), *Complex Networks and Their Applications VIII. COMPLEX NETWORKS 2019*. Studies in Computational Intelligence, 882. https://doi.org/10.1007/978-3-030-36683-4_37
- Eurostat (2020). Database of statistical office of the European Union. Immigration Database. <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database>
- Ginsberg J., Mohebbi M., Patel R., Brammer L., Smolinski M., Brilliant L. (2008). Detecting Influenza Epidemics Using Search Engine Query Data. *Nature*, 457, 1012–1014. <https://doi.org/10.1038/nature07634>

- Goel S., Hofman J., Lahaie S., Pennock D., Watts D. (2010). Predicting Consumer Behavior with Web Search. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 107, 17486-17490. <https://doi.org/10.1073/pnas.1005962107>
- Google Trends Index (2022). Database. Explore what the world is searching for by entering a keyword or a topic. www.google.com/trends/
- Hauzenberger N., Huber F., Klieber K. (2022). Real-time inflation forecasting using non-linear dimension reduction techniques. *International Journal of Forecasting*. <https://doi.org/10.1016/j.ijforecast.2022.03.002>
- Kim J., Sîrbu A., Giannotti F., Gabrielli L. (2020). Digital Footprints of International Migration on Twitter. In Berthold, M., Feelders, A., Krempf, G. (Eds.), *Advances in Intelligent Data Analysis XVIII* (pp. 274-286). Konstanz: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-44584-3_22
- Kikas R., Dumas M., Saabas A. (2015). *Explaining International Migration in the Skype Network*. 17-22. <https://doi.org/10.1145/2806655.2806658>
- Moise I., Zurich E., Gaere E., Merz R., Pournaras E. (2016). Tracking language mobility in the Twitter landscape. In *2016 IEEE 16th International Conference on Data Mining Workshops* (pp. 663-670). Konstanz: Springer. <https://doi.org/10.1109/ICDMW.2016.0099>
- Mullainathan S., Spiess J. (2017). Machine Learning: An Applied Econometric Approach. *Journal of Economic Perspectives*, 31(2), 87-106. <https://doi.org/10.1257/jep.31.2.87>
- NLPL (2022). Database. NLP models trained with stated hyperparameters.: <http://vectors.nlpl.eu/repository/#>
- OECD (2020). Database on Immigrants in OECD Countries (DIOC). International Migration Database. <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MIG#>
- Radinsky K., Davidovich S., Markovitch S. (2008). Predicting the News of Tomorrow Using Patterns in Web Search Queries. In *2008 IEEE/WIC/ACM International Conference on Web Intelligence and Intelligent Agent Technology* (pp. 363-367). Sydney: IEEE. <https://doi.org/10.1109/WIIAT.2008.215>
- State B., Rodriguez M., Helbing D., Zagheni E. (2014). Migration of professionals to the U.S.: Evidence from linkedin data. In Aiello L.M., McFarland D. (Eds.), *6th international conference on social informatics* (pp. 531-543). Barcelona: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-13734-6_37
- Subbotin A., Aref S. (2021). Brain drain and brain gain in Russia: Analyzing international migration of researchers by discipline using Scopus bibliometric data 1996-2020. *Scientometrics*, 126(9), 7875-7900. <https://doi.org/10.1007/s11192-021-04091-x>
- Tjaden J. (2021). Measuring migration 2.0: a review of digital data sources. *CMS* 9, 59. <https://doi.org/10.1186/s40878-021-00273-x>
- Varian H., Choi H. (2009). Predicting the Present with Google Trends. *Economic Record*, 88. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1659302>
- Varian H.R. (2014). Big Data: New Tricks for Econometrics. *Journal of Economic Perspectives*, 28(2), 3-28. <https://doi.org/10.1257/jep.28.2.3>
- Wanner P. (2021). How well can we estimate immigration trends using Google data? *Qual Quant*, 55, 1181-1202. <https://doi.org/10.1007/s11135-020-01047-w>

- Wu L., Brynjolfsson E. (2013). The Future of Prediction: How Google Searches Foreshadow Housing Prices and Sales. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2022293>
- Zagheni E., Garimella V., Weber I., State B. (2014). Inferring international and internal migration patterns from Twitter data. In *Proceedings of the 23rd International Conference on World Wide Web* (pp. 439-444). New York: Association for Computing Machinery <https://doi.org/10.1145/2567948.2576930>
- Zagheni E., Weber I. (2012). You are where you E-mail: Using E-mail data to estimate international migration rates. *Proceedings of the 3rd Annual ACM Web Science Conference* (pp.348-351). New York: Association for Computing Machinery. <https://doi.org/10.1145/2380718.2380764>

**Калмыки РСФСР в
последепортационный период
(конец 1950-х – 1980-е годы):
демографические, расселенческие,
гендерные аспекты**

Сергей Яковлевич Суцкий
(SS7707@mail.ru), Федеральный
Исследовательский Центр Южный Научный
Центр РАН, Россия.

**Kalmyks of the Soviet Russia
in the post-deportation
period (late 1950s – 1980s):
demographic, settlement and
gender aspects**

Sergey Y. Sushchiy
(SS7707@mail.ru), Southern Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences,
Russia.

Резюме: В статье анализируются особенности количественной динамики, трансформация системы расселения и гендерной структуры региональных групп калмыков РСФСР в последепортационные десятилетия советского периода. Делается вывод, что в геодемографической динамике калмыцкого народа может быть выделено 2 крупных этапа. Центральной тенденцией первого этапа (конец 1950-х – начало 1970-х годов) является возвращение калмыков из мест ссылки в свою национальную автономию. В этот период численность калмыков за пределами Калмыкии и нижнего Поволжья резко сокращается. Причем в максимальной степени – в регионах Сибири, концентрировавших основную массу спецпереселенцев. Калмыцкое население большинства российских регионов этого времени отличается высокий уровень урбанизации и существенный (зачастую многократный) мужской перевес. На втором этапе география расселения калмыков в РСФСР за пределами нижнего Поволжья вновь расширяется, а их численность быстро растет почти во всех российских макрорегионах, за исключением юга России. Гендерная структура большинства региональных групп становится более сбалансированной за счет опережающего притока женщин, что указывает на комплексное укоренение калмыков в российских регионах. Форма расселения калмыцкого населения за пределами нижнего Поволжья остается преимущественно городской, но уровень его урбанизации заметно вырастает и в самой Калмыкии. В 1970-1980-е годы на демографическую динамику калмыков начинает ощутимо воздействовать ассимиляция. Но к концу советского периода масштабы ее негативного влияния заметно сокращаются в связи комплексным этнокультурным возрождением калмыцкого народа.

Ключевые слова: геодемографическая динамика, регионы России, территориальные группы калмыков, гендерная структура, миграционные процессы, ассимиляция, уровень урбанизации.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках реализации Гос. задания Южного научного центра РАН, № проекта 122020100349-6 («Стратегические векторы развития социоэкономического комплекса Юга России с учетом региональной резилентности (экономические и демографические аспекты»).

Для цитирования: Суцкий С. Я. (2022). Калмыки РСФСР в последепортационный период (конец 1950-х – 1980-е годы): демографические, расселенческие, гендерные аспекты. Демографическое обозрение, 9(3), 93-114. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16472>

Abstract: The article analyzes the features of the geodemographic and gender dynamics of Kalmyks of the RSFSR after the end of the period of deportation. In the spatial dynamics of the Kalmyk people of that time, two large periods can be distinguished. At the first stage (late 1950s - early 1970s), the central trend is the return of Kalmyks from their places of exile to their national autonomy. During this period the number of Kalmyks settled outside Kalmykia and the lower Volga region decreases sharply. There is a territorial redistribution of the Kalmyk population across the macro-regions of Russia. Whereas in the late 1950s in the RSFSR outside southern Russia 73% of Kalmyks lived in Siberia, by 1970 the figure was only 44%. At this time, the Kalmyk population of most Russian regions had a high level of urbanization, and in terms of gender there was a significant (often manyfold) male preponderance. At the second stage of geo-demographic dynamics, the geography of Kalmyks in the RSFSR outside the lower Volga region expands again, and their number grows rapidly in almost all Russian macroregions, with the exception of southern Russia (territories that are adjacent to Kalmykia). The gender structure of the majority of regional groups of the Kalmyk population becomes more balanced, and Kalmyks take root in Russian regions. The form of settlement of the Kalmyk population outside the lower Volga region remains predominantly urban, but the level of its urbanization grows

noticeably in Kalmykia itself. In the 1970-1980s assimilation begins to have a tangible impact on the demographic dynamics of the Kalmyks. However, by the end of the Soviet period (the second half of the 1980s), the scale of the negative influence of this process is significantly reduced due to the complex ethno-cultural revival of the Kalmyk people.

Keywords: *geodemographic dynamics, regions of Russia, territorial groups of Kalmyks, gender structure, migration processes, assimilation, level of urbanization.*

Funding: *The article was prepared as part of the implementation of the State. tasks of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, project No. 122020100349-6 (“Strategic vectors for the development of the socio-economic complex of the South of Russia, taking into account regional resilience (economic and demographic aspects”).*

For citation: *Sushchiy S. (2022). Kalmyks of the Soviet Russia in the post-deportation period (late 1950s – 1980s): demographic, settlement and gender aspects. Demographic Review, 9(3), 93-114. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16472>*

Введение и постановка проблемы

Анализ геодемографической динамики народов России обнаруживает заметную активизацию миграционных процессов с первых десятилетий советского периода. Данный процесс был связан с ускорившейся урбанизацией и мощным индустриальным ростом. Масштабные трудовые «десанты» и учебная миграция первых советских пятилеток способствовали расширению географии расселения (или, по крайней мере, этнического присутствия) большинства народов РСФСР. Калмыки не были исключением.

Небольшие группы калмыцкого населения в 1930-е годы появляются во многих российских регионах. Размеры их, как правило, не превышали 10-30 человек. Они состояли почти исключительно из мужчин и предпочитали селиться в сельской местности. Но в целом подавляющее большинство калмыков по-прежнему было расселено в пределах Калмыкии, нижнего Поволжья и степного Предкавказья (95% всего калмыцкого населения СССР).

Кардинальные изменения в системе расселения были связаны с депортацией военного времени. В конце декабря 1943 – январе 1944 г. в восточные районы страны было выслано почти 93 тыс. калмыков. В последующие несколько месяцев к ним присоединились еще порядка 7,5 тыс. человек (Полян 2001: 121). Несколько тысяч калмыков-военнослужащих, находившихся в действующей армии, были депортированы после демобилизации. Была выслана и значительная часть калмыков-репатриантов, возвращенных в СССР в 1945-1946 годы (Бугай 1995: 74-80). В общей сложности в ссылку оказалось порядка 110 тыс. человек. По данным переписи 1939 г. в СССР проживало 134,4 тыс. калмыков. За годы войны эта цифра должна была сократиться, учитывая, что только безвозвратные потери калмыцкого народа на фронтах превысили 9 тыс. человек (Максимов 2011: 32). Таким образом, было выслано порядка 83-85% представителей народа.

География депортации включала территорию Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии. Но 97-98% калмыков было размещено в ряде регионов Сибири. В Омскую область были выселены 8353 семьи (27 069 человек), в Новосибирскую – 5435 (16 436); в Красноярский и Алтайский край соответственно – 7525 (24 998) и 6167 (22 212) (Бугай 1995: 73-74). В 1944 г. из состава Омской области была выделена Тюменская, в которой оказалось около 10 тыс. спецпереселенцев-калмыков. Тем самым, можно считать, что на 13 лет основным ареалом расселения калмыцкого народа стали 5 регионов. А начавшееся во второй половине 1950-х годов возвращение из ссылки представляло затяжной процесс, обладавший на разных своих этапах заметной спецификой, обусловленной множеством факторов.

Таким образом, демографическая и пространственная динамика калмыков в РСФСР после 1957 г. нуждается в детальном анализе с дифференциацией этого комплексного процесса по макрорегионам и регионам России. Заметим также, что данный процесс может служить иллюстрацией геодемографической динамики целой группы народов страны, прошедших через депортацию и возвращение на малую родину.

Обзор исследований и информационная база

Возвращению калмыков из ссылки и различным аспектам реабилитации посвящена обширная исследовательская литература. Не были обойдены вниманием и основные

особенности геодемографической динамики (Авлиев 2004; Бакаев 2003; Бугай 1995; Бугай, Гонов 1998; Полян 2001; Максимов 2004; 2011; Убушаев 1991; Убушаев, Убушаев 2007). Исследователи анализировали темпы возвращения калмыков в республику, изучали масштабы понесенных ими демографических потерь и особенности восстановительного роста, сдвиги в географии расселения. Рассматривались параметры естественного воспроизводства калмыцкого народа (Каспаров 1974), особенности брачности, в том числе и межнациональной, влиявшей на динамику ассимиляционных процессов и самоидентификацию смешанного потомства (Ванькаев 1984; 1989; Намруева 2008; 2013; Хойт 2008).

Но геодемографическая динамика калмыцкого народа за пределами Калмыкии и нижнего Поволжья, как правило, оставалась за рамками таких исследований. Между тем количественная и пространственная эволюция десятков региональных групп определяла сдвиги в общей географии расселения российских калмыков, влияла на их общую численность. В данной статье рассматриваются эти недостаточно изученные аспекты. Аналитико-статистической базой работы являются результаты советских переписей населения 1959–1989 годов, включающие информацию о численности калмыков по регионам РСФСР, уровню их урбанизированности, гендерному соотношению в каждой из региональных групп. В исследовании применены методы анализа и рабочие методики, принятые в современной демографии и социальной географии. В ряде таблиц была использована существовавшая в 1960-1980-е годы сетка макрорегионального районирования РСФСР, включавшая 11 крупных экономических районов.

Результаты

Конец 1950-х годов

Калмыки были реабилитированы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 марта 1956 г., однако без права возвращения имущества, конфискованного при высылке, и без права выезда к местам своего проживания до 1944 г. (Убушаев 1991: 72-74). К тому же данный документ не был опубликован в печати. Но потребовалось меньше года (январь 1957 г.) чтобы Калмыкия была восстановлена в качестве автономной области в составе Ставропольского края. Еще через 1,5 года (июль 1958 г.) ей был возвращен статус автономной республики РСФСР. И возвратное движение калмыков на малую родину стремительно растет уже с начала 1957 г. К июню этого года из восточных районов страны в автономию вернулось около 8 тыс. человек, к ноябрю – 35,3 тыс. (9,3 тыс. семей) (Убушаев 1991: 78–83). Учитывая, что в начале 1956 г. общая численность калмыков-спецпереселенцев составляла 75,8 тыс. (Очирова 2013: 42), за первые полгода возвратной миграции в Калмыкию вернулась почти половина находившегося в местах ссылки калмыцкого населения. Интенсивным был данный процесс и в последующие годы. К началу 1959 г. число калмыков в Сибири сократилось до 11,65 тыс. (т. е. примерно в 6,5 раза за первые 2 года реэмиграции). Максимальным было сокращение в Новосибирской области – в 7,7 раза (с 15,85 до 2,07 тыс.) и в Красноярском крае – в 6,9 раза (с 17,0 до 2,45 тыс. чел.) (Всесоюзная перепись населения 1959; Очирова 2013: 42). Таким образом, непосредственно в демографическом измерении основной объем возвратного движения уложился в первые 2-3 года последепортационного периода.

Процесс возвращения из ссылки имел и определенную расселенческую специфику. Уровень урбанизации калмыцкого населения в регионах Сибири за 1956-1959 годы вырос с 28 до 47,7% (Очирова 2013: 43).

Данный рост мог быть связан как с выросшим притоком в города бывших сельских спецпереселенцев, так и с более активным возвращением последних на малую родину, поскольку калмыки-горожане в целом отличались более высоким уровнем жизни и были меньше расположены (по крайней мере, в начале последепортационного периода) оставлять вновь обжитое место для возвращения на нижнее Поволжье.

Основная масса калмыцкого населения, вернувшегося в конце 1950-х годов в свою республику, традиционно расселилась в сельской местности. Уровень урбанизированности калмыков Калмыкии в 1959 г. составлял 20,6%, т. е. более чем в 2 раза уступал показателю последних лет депортации, но существенно превосходил показатель довоенного уровня (в 1939 г. только 6,9% калмыков в республике были горожанами). Таким образом, депортация, кардинальным образом изменив географию расселения калмыцкого народа, не смогла остановить постепенно набиравший силу урбанизационный процесс. Городская среда как в ссылке, так и в дальнейшем становилась привлекательной для все большего числа калмыков. Но в полной мере этот процесс проявился уже в 1970-1980-е годы.

Отметим гендерную специфику последепортационного возвращения калмыков. В 1959 г. пределах Сибири на 100 женщин у них приходилось 126 мужчин, тогда как в пределах Калмыкии только 90. Таким образом, женская возвратная миграция калмыцкого населения в конце 1950-х годов была интенсивней мужской. Одной из причин этого явления могла быть более активная и разнообразная трудовая деятельность мужчин-калмыков в местах ссылки, их повышенная миграционная динамика в пределах Сибири и других восточных макрорегионов СССР. Более высокий уровень включенности мужского населения в производственную деятельность в том числе определялся и тяжелыми видами работ, в которых помимо сельского хозяйства использовались калмыки (лесозаготовки, рыбная промышленность, строительство, добывающая промышленность) (Бугай 1995: 77-83).

Свою роль могли играть и межнациональные браки, в которые мужчины-калмыки вступали чаще, чем калмычки. Укоренившись в новой среде, часть таких мужчин не торопилась с возвращением в свою восстановленную национальную автономию. Как результат в отдельных сибирских регионах перевес мужчин в территориальных группах калмыков к концу 1950-х стал самым значительным (в Кемеровской и Новосибирской областях на 100 женщин приходилось соответственно 279 и 160 мужчин)¹.

¹ Заметим, что точной информации о соотношении полов в структуре калмыков, размещенных в регионах Сибири в 1944-1945 годы нет, но хорошо известно, что прибывали и расселялись они полными семьями. И последующие их перемещения в пределах макрорегиона также осуществлялись без разделения мужского и женского населения (Бугай 1995: 77-81; Иванов 2010). Заметная часть мужчин-калмыков в конце войны находилась в действующей армии, и есть все основания полагать, что во всех региональных группах спецпереселенцев количественно доминировали женщины. Не могло существенно измениться данное положение и в послевоенный период, учитывая масштаб безвозвратных потерь мужского населения в военные годы (в 1939 г. у калмыков в СССР на 100 женщин приходилось 110 мужчин, в 1959 г. – только 97) (рассчитано по: *Демоскоп Weekly*. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39-59_gs.php (дата обращения: 12.05.2022)).

1960-е годы

Итак, к началу 1960-х годов основная масса калмыков уже вернулась в свою республику. Тем не менее данный процесс продолжался на протяжении всего последующего десятилетия. В 1959-1970 годы титульное население Калмыцкой АССР выросло на 70% (с 64,9 до 110,3 тыс. человек). Столь масштабный демографический рост стал результатом сдвоенного процесса: положительной естественной динамики и миграционного притока. Отметим, что даже в условиях депортации калмыки отличались высоким уровнем рождаемости (особенно после 7-10 лет адаптации к новым условиям жизнедеятельности). В первой половине – середине 1950-х годов общий коэффициент рождаемости у калмыцкого населения Новосибирской области составляла 55‰, Алтайского края – 48‰ (у всего населения этих регионов этот показатель был заметно ниже – соответственно 38 и 35‰) (Бакаев 2003: 101). И даже с учетом повышенного уровня смертности местных калмыков (28 и 23‰), среднегодовой естественный прирост у них в данное время составлял порядка 25‰.

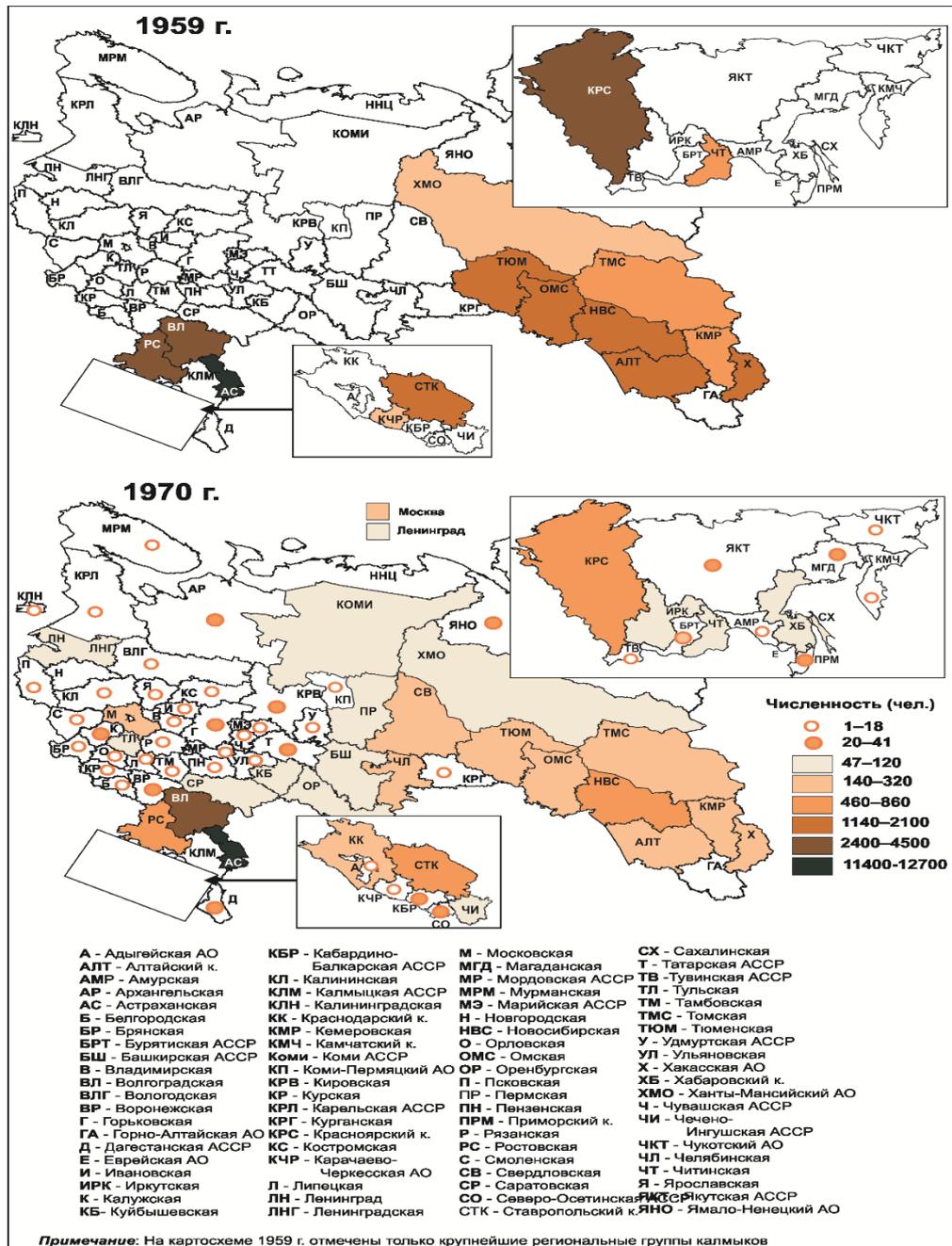
После возвращения из ссылки воспроизводственные показатели калмыцкого населения определенным образом изменились. Процессы социокультурной модернизации работали на постепенное сокращение рождаемости, но параллельно сокращался и уровень смертности. В 1959-1970 годы численность калмыков в СССР выросла на 29,3%, что свидетельствовало о сохранении высокого естественного прироста, который в среднегодовом исчислении должен был составлять 26-27‰. В пределах самой Калмыкии данный показатель мог быть несколько выше и порядка 30% прироста численности республиканских калмыков в 1960-е годы могло быть обеспечено собственной положительной естественной динамикой. Еще около 40% дала возвратная миграция.

Численность калмыков в остальных регионах РСФСР за 1959-1970 годы сократилась с 35,7 до 21,1 тыс. (на 40,9%) прежде всего за счет оттока калмыцкого населения из сибирских регионов – территориальных эпицентров депортации. Число калмыков в Сибири в данный период сократилось в 4,6 раза (с 11,85 до 2,55 тыс.), а в других макрорегионах России – только на 23,3% (с 24,0 до 18,4 тыс.). Таким образом, произошла территориальная перецентрировка калмыков по территории РСФСР. Если в конце 1950-х годов за пределами Калмыкии в РСФСР было 2 основных ареала расселения калмыков (сопредельные районы нижнего Поволжья и Сибирь), то к 1970 г. остался только первый.

Надо иметь в виду, что значительное число калмыков в Астраханской области объяснялось прежде всего тем, что 2 района (Лиманский и Приволжский), входившие до 1944 г. в состав Калмыкии, после восстановления автономии были оставлены в административной структуре Астраханской области. И часть калмыков после депортации возвращались к местам своего бывшего расселения в эти районы. Но если перед войной в данных двух районах проживало 18,4 тыс. калмыков (Убушуев 1991), то в 1970 г. – уже в 2 раза меньше. За 1959-1970 годы их общая численность в Астраханской области сократилась с 12,7 до 11,4 тыс. в результате миграционного оттока, который мог составить в этот период порядка 25-35% всей региональной общины. Основная часть мигрантов переместилась в свою республику. Еще значительней были относительные потери

калмыков Волгоградской области (в 1960-е годы регион могли покинуть до половины калмыков).

Рисунок 1. Численность калмыков в регионах РСФСР, 1959 и 1970

Источник: Составлено автором по (Всесоюзная перепись населения 1959; 1970; 1979; 1989).

В целом процесс возвращения калмыцкого народа на малую родину был завершён к концу 1960-х годов. В 1970 г. в Калмыкии было сосредоточено уже 80,4% калмыков всего СССР. Данный показатель, по сути, вернулся к довоенному уровню (по переписи 1939 г. он составлял 79,9%). К этому времени локальные группы и отдельные представители калмыцкого народа проживали уже в подавляющем большинстве регионов РСФСР. Перепись 1970 г. не обнаружила их только в Новгородской области и Еврейской АО. Однако общее число калмыков в каждом из российских регионов, как правило, составляло

несколько десятков человек, в том числе в 43 не превышало 30 человек, еще в 21 находилось в пределах 30-100 человек (рисунок 1).

Параллельно расширению географии к 1970 г. за пределами нижнего Поволжья в РСФСР уже не оставалось региональных групп калмыцкого населения размером более 1 тыс. человек при том, что в 1959 г. таких было 6. Только в Красноярском крае и Новосибирской области в 1970 г. численность калмыков превышала 500 человек. Однако в данных регионах, как и на территории остальной Сибири, повторимся, речь шла о завершающей стадии возвратной миграции из мест сталинской ссылки. Новые региональные группы калмыков, возникавшие в 1960-е годы, были существенно меньше в размерах и отличалось значительным (иногда многократным) количественным перевесом мужчин. Относительно сбалансированную гендерную структуру (91-115 мужчин на 100 женщин) в 1970 г. имели в РСФСР только 9 региональных групп калмыков. При этом в 29 регионах мужской перевес у местного калмыцкого населения был 2-4-кратным, еще в 9 – 4-10-кратным (таблица 1), что было вполне закономерным, поскольку трудовая и учебная миграция калмыков из своей республики формировалась преимущественно мужчинами. Большинство таких территориальных групп располагалось в центральной части России, в Поволжье и на Урале.

Таблица 1. Число региональных групп калмыков РСФСР по гендерному соотношению, 1970, 1979, 1989, единиц

Годы	Число мужчин на 100 женщин												
	Только мужчины	2100-2600	1400-1700	1100-1250	701-1000	401-700	201-400	151-200	115-150	91-115	71-90	51-70	31-50
1970	2	2	1		2	7	29	14	7	9	2		2
1979	1			1		7	18	20	12	9	4	3	4
1989	1					3	14	15	26	13	6	4	1

Источник: Составлено автором по данным (Всесоюзная перепись населения 1959; 1970; 1979; 1989).

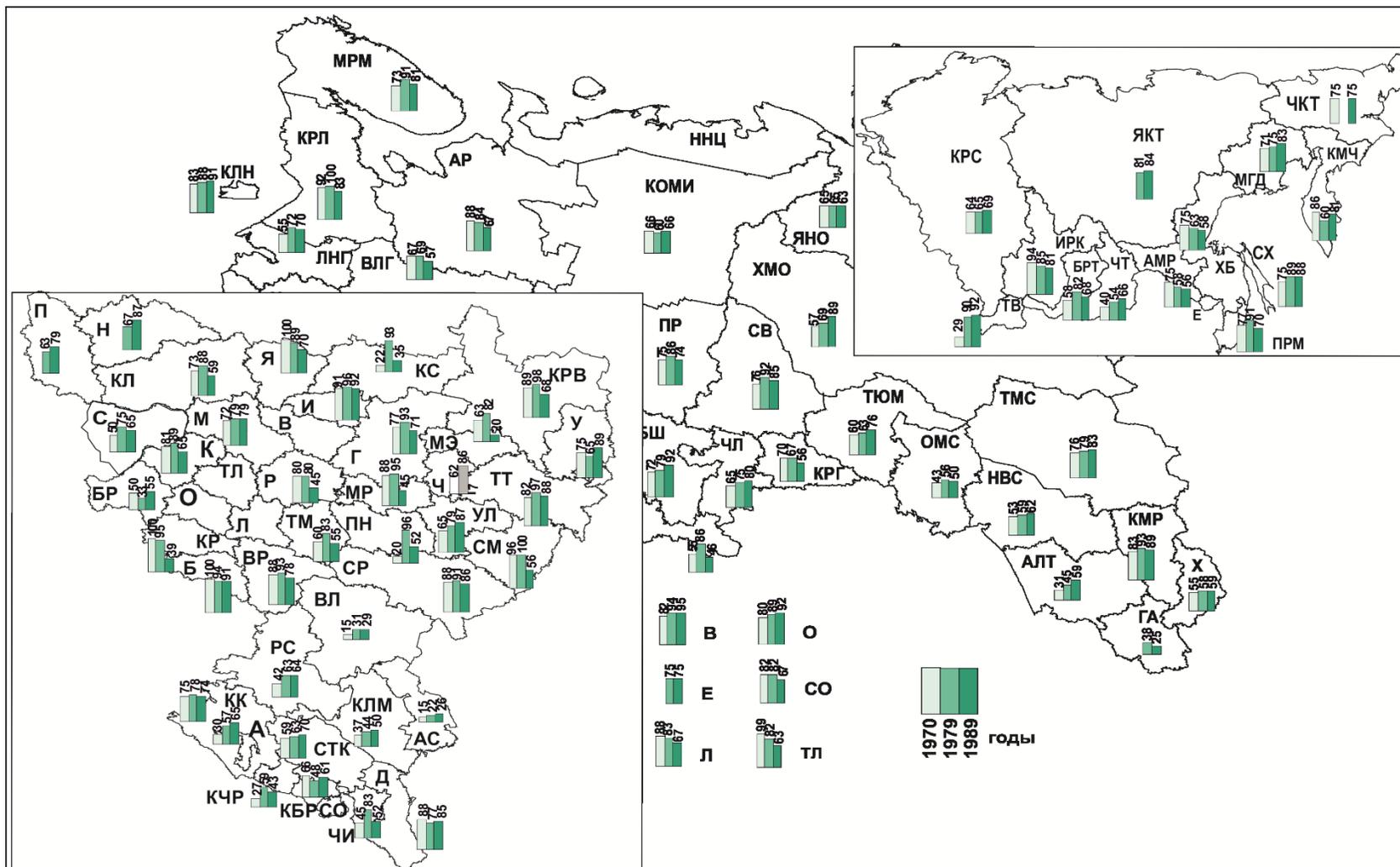
Региональные группы калмыков, имевшие более длительную историю развития, отличались и более сбалансированной гендерной структурой за исключением Сибири. Продолжавшееся в 1960-е годы быстрое сокращение размеров местных общин сопровождалось дальнейшим ощутимым ростом мужского перевеса (таблица 2). Миграционный отток женского населения из мест бывшей ссылки, оставался более активным как в абсолютных числах, так и в долевого исчислении. Детальный анализ причин данного явления требует самостоятельного изучения. Но очевидно, что центральную роль, как и ранее, могла играть более успешная интеграция части мужчин-калмыков в жизнедеятельные циклы региональных социумов Сибири.

Таблица 2. Гендерное соотношение в региональных группах калмыков ряда регионов Сибири, 1959, 1970, число мужчин на 100 женщин

Годы	Алтайский край	Красноярский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область	Тюменская	Читинская область
1959	126	115	279	161	111	103	114	103
1970	382	163	379	285	191	193	173	159

Источник: Составлено автором по данным (Всесоюзная перепись населения 1959; 1970; 1979; 1989).

Рисунок 2. Уровень урбанизации региональных групп калмыков РСФСР, 1970, 1979, 1989

Источник: Составлено автором по (Всесоюзная перепись населения 1970; 1979; 1989).

1960-е годы стали периодом дальнейшей быстрой урбанизации калмыков. Причем данный процесс носил экстерриториальный характер, фиксируясь как в самой Калмыкии, так и в большинстве территориальных групп калмыцкого населения по всей РСФСР. В 26 российских регионах уровень урбанизированности калмыков в 1970 г. составлял уже порядка 80-100%, еще в 29 находился в диапазоне 60-77%, в 9 составлял 50-60%. Таким образом, значительное большинство региональных групп российских калмыков уже являлись преимущественно городскими по форме своего расселения (рисунок 2). Иной была ситуация только на юге РСФСР в пределах самого материнского ареала расселения калмыцкого народа. В Калмыкии, несмотря на быстрый рост уровня урбанизации, горожанами в 1970 г. являлись только 37% калмыков республики. Но самым низким был уровень урбанизации калмыцкого населения Астраханской и Волгоградской областей (по 15%).

1970-е годы

К началу 1970-х годов процесс возвращения калмыков из депортации почти завершается и начинается следующий этап их геодемографической динамики, связанный с определенным расширением их системы расселения в пределах Советского Союза, но прежде всего, РСФСР. Речь идет о процессе всесоюзного масштаба, в которой были в той или иной степени вовлечены практически все народы страны. Политическая и социально-экономическая стабильность СССР способствовала активной межрегиональной трудовой и учебной миграции представителей разных национальностей. Калмыки, как и ряд других народов, прошедших через депортацию, включились в данный процесс с заметной задержкой, после завершения периода возвратного движения на малую родину. Преимущественно сельский характер расселения калмыцкого населения существенно ограничивал масштабы его привлечения на всесоюзные стойки.

Тем не менее в 1970-е годы больше половины региональных групп калмыков продемонстрировали заметный рост, в 20 из них этот рост оказался 2-кратным или еще более значительным. В 7 российских регионах их число осталось неизменным, в 28 сократилась. Но сокращение, как правило, было незначительным (таблица 3).

Таблица 3. Региональные группы калмыков РСФСР по темпам и направлениям количественной динамики, 1970–1979, 1979-1989, единиц

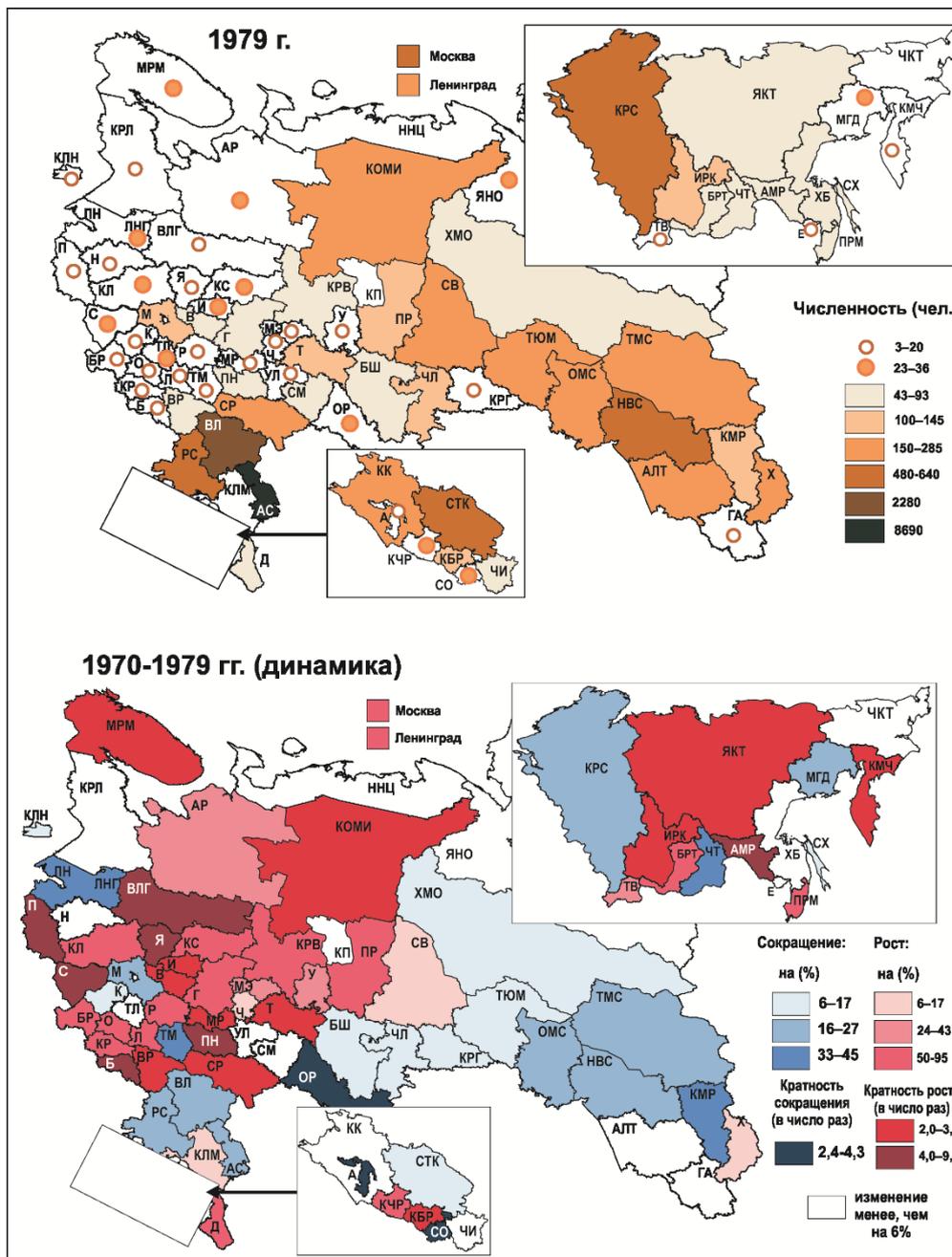
Периоды	Количественная динамика, рост/убыль, % на:												
	700-950	430-600	250-380	185-230	100-160	70-100	40-70	20-40	5-20	5--5	-(5-20)	-(20-40)	-(40-70)
1970-1979	2	2	3	5	8	8	8	3	4	7	12	11	5
1979-1989	4	1	5	6	9	11	9	11	10	2	7	5	1

Источник: Составлено автором по данным (Всесоюзная перепись населения 1959; 1970; 1979; 1989).

Достаточно активно осваивалась центральная Россия (Центральный и Центрально-Черноземный районы). Из ее 18 регионов число калмыков сократилось только в трех, а в шести выросло в 2,4-6 раз (рисунок 3). Впрочем, столь значительному росту, как правило, способствовали минимальные размеры территориальных групп калмыцкого населения (продемонстрировавшая в 1970-е годы максимальный рост группа Белгородской области выросла с 3 до 18 человек). Основным центром притяжения являлась Москва, на которую вместе с Московской областью в 1970-е годы приходилось

64-67% калмыков всей центральной России. Для северных и северо-западных территорий аналогичную роль играл Ленинград, в котором к концу 1970-х годов проживало 44,5% калмыков данных макрорегионов РСФСР.

Рисунок 3. Численность калмыков в регионах РСФСР (1979 г.) и их количественная динамика, 1970-1979

Источник: Составлено автором по (Всесоюзная перепись населения 1959; 1970; 1979; 1989).

На Среднем и Верхнем Поволжье численность калмыков выросла в данное время почти на 79,6%, в Волго-Вятском районе – на 62,2%, что в 3-4 раза превосходило показатель их естественного прироста. Таким образом, в данных макрорегионах рост новых территориальных групп в значительной степени определялся миграционным притоком. Вместе с тем отрицательная демографическая динамика была зафиксирована в регионах

Западной и Восточной Сибири, на Урале и на юге России (без учета самой Калмыкии), т. е. на территориях, где калмыки были старожильческим населением (нижнее Поволжье и степное Предкавказье) либо оказались расселены в период депортации (таблица 4).

Таблица 4. Динамика числа калмыков по административно-экономическим районам РСФСР, 1970-1979 и 1979-1989, %

Макрорегионы	1970-1979 гг.			1979-1989 гг.		
	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины
Центральный	35,6	3,2	99,1	68,5	58,2	79,1
Центрально-Черноземный	103,5	70	182,4	43,1	48,5	35,4
Северо-Западный	73,8	20,8	163,4	95,5	122,8	74,3
Северный	148,5	167,9	76,2	57,3	30,6	208,1
Северо-Кавказский	-11,2	-16,1	-3,6	6	-1,2	15,6
Нижнее Поволжье	6,8	7,5	6	17,3	17,6	17,1
Верхнее и Среднее Поволжье	79,6	40,6	220,8	27,3	16,7	44,1
Волго-Вятский	62,2	61,5	64,7	177,4	82,9	532,1
Уральский	-4,2	-3,2	-7,5	27,1	2,6	112,1
Западно-Сибирский	-18,1	-19,9	-13,8	23	16,8	37,2
Восточно-Сибирский	-2	-5,5	4	25,2	13,3	43,8
Дальневосточный	38,7	54,6	48,5	80,6	54,1	137,6

Источник: Составлено автором по данным (Всесоюзная перепись населения 1959; 1970; 1979; 1989).

Иными словами, заключительные стадии последепортационной миграции захватили и 1970-е годы. Число калмыков в данном десятилетии сократилось в Сибири на 13,4%. С учетом естественного прироста общий отток мог составлять порядка 25-30% от общей численности сибирских территориальных групп. Для Уральского макрорегиона данные показатели составляют соответственно 4,2% и 15-20%. Но максимальную убыль в 1970-е годы продемонстрировали крупнейшие региональные общины, расположенные в Астраханской и Волгоградской областях – соответственно 24 и 25%; на 26% стало меньше калмыков и в Ростовской области. Принимая во внимание естественный прирост, демографические потери калмыков в этих регионах превышали 40%.

Таким образом, геодемографическая динамика калмыцкого народа в пределах РСФСР в 1970-е годы представляла 2 противоположных процесса. С одной стороны, завершался процесс его возвращения на малую родину из депортации, а параллельно шел «переток» калмыков в свою автономию из сопредельных с Калмыкией южнороссийских регионов. С другой стороны, постепенно набирал темпы процесс освоения новых для калмыков макрорегионов РСФСР. Данный тренд диагностируется количественным ростом локальных групп калмыцкого населения в десятках российских регионов, общим расширением географии их расселения и этнического присутствия.

Демографическая результирующая этих противоположных по своему пространственному вектору процессов определялась сокращением общин в Астраханской и Волгоградской областях, общее число калмыков в которых преимущественно в результате оттока сократилось за 1970-1979 гг. с 14,5 до 11,0 тыс. человек. В итоге произошло сокращение всего калмыцкого населения РСФСР за пределами Калмыкии (таблица 5).

Таблица 5. Распределение калмыков по территории СССР, 1959, 1970, 1979, 1989

Территории	Численность, тыс. чел.				Доля, %			
	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
Калмыкия	64,9	110,3	122,2	146,3	61,1	80,4	83,3	84,2
РСФСР (без Калмыкии)	35,7	21,1	17,9	19,5	33,7	15,3	12,2	11,2
Другие союзные республики	5,5	5,9	6,5	8	5,2	4,3	4,5	4,6
СССР в целом	106,1	137,2	146,6	173,8	100	100	100	100

Источник: Составлено автором по данным (Всесоюзная перепись населения 1959; 1970; 1979; 1989).

Динамика численности российских калмыков определенным образом коррелировала с расселенческими и гендерными аспектами их геодемографической эволюции. Новые территориальные группы в подавляющем большинстве отличались высоким уровнем урбанизации, который в 1970-е годы вырос еще больше. В 1979 г. 70-94% калмыков центральной России, Севера и Северо-Запада, Среднего и Верхнего Поволжья были горожанами. Для регионов бывшей ссылки этот показатель был ниже, но также являлся достаточно высоким (63-68,5%). В местах традиционного расселения доля горожан у калмыцкого населения была существенно ниже, хотя демонстрировала устойчивый рост. За 1970-1979 гг. уровень урбанизации титульного народа Калмыкии поднялся с 36,8 до 43,7%. Подрастал он и в других регионах нижнего Поволжья, оставаясь при этом самым низким (22-31%) среди всех территориальных групп калмыков РСФСР.

Заметные особенности обнаруживаются и в гендерной динамике калмыцкого населения разных регионов. Демографический рост большинства групп, относящихся к территориям нового освоения, в 1970-е годы происходил почти преимущественно за счет женщин. К примеру, в Центральном районе РСФСР численность калмыков-мужчин выросла в 1970-1979 гг. на 14 человек (3,2%), женщин – на 221 (99%), в Северо-Западном районе – соответственно на 25 и 116 человек (20,8 и 163,4%). Столь существенные различия не могли быть связаны с естественным воспроизводством и определялись различной интенсивностью миграционного притока. Более сближенными были показатели гендерной динамики калмыцкого населения в макрорегионах РСФСР, в которых оно являлось старожильческим или появилось в значительном числе в период депортации (юг России, Сибирь и Урал).

Учитывая, что именно новые группы калмыков характеризовались крайне высоким гендерным диспаритетом, преобладающее пополнение их женским населением способствовало выправлению гендерного баланса. Если в 1970 г. в РСФСР было 18 регионов, имевших сбалансированную структуру или умеренные диспропорции (70-150 мужчин на 100 женщин), то в 1979 г. их число выросло до 25. В свою очередь с 15 до 9 сократилось число регионов с очень высоким мужским перевесом (более 700 мужчин на 100 женщин).

Анализ причин опережающего роста женского населения в значительном числе региональных групп калмыков требует самостоятельного исследования, выходящего за рамки данной статьи. В качестве предположения, требующего дальнейшей проверки, заметим, что речь могла идти об активизации процесса воссоединения семей, когда жены перебирались к закрепившимся на новом месте мужьям, или варианте, при котором одинокие мужчины-калмыки, устойчиво проживавшие в российских регионах, но не желавшие вступать в межнациональный брак, находили себе жен в Калмыкии, которых возводили затем на новое место жительства.

Так или иначе, но выправление гендерного баланса множества территориальных групп свидетельствовало о постепенном комплексном укоренении калмыков в российских регионах, указывало на стабилизацию их состава, поскольку группа, составленная преимущественно семейными людьми, значительно устойчивей дисперсного множества одиноких мужчин, представленных студентами и трудовыми мигрантами. Но очевидно и то, что часть одиноких мужчин с течением времени обзаводились супругой другой национальности. И происходило это гораздо чаще, чем у мужчин-калмыков в пределах своей республики. Тем самым, самостоятельный интерес представляет вопрос о влиянии на геодемографическую динамику территориальных групп калмыцкого населения в российских регионах ассимиляционного процесса. С определенного момента такое влияние могло становиться заметным.

Чтобы оценить его возможные масштабы, следует хотя бы в общих чертах рассмотреть ситуацию в данной сфере в предыдущие периоды. Исследователи констатируют минимальный уровень межнациональной брачности, а следовательно, и метисации калмыков в имперское время и в начале советского периода (Намруева 2013: 168-169; Хойт 2008: 188-189). Переломным в данном процессе являлся именно период депортации, существенно активизировавший процесс комплексного межэтнического взаимодействия калмыков. У народа, вынесенного в чужую этнокультурную среду, дисперсно расселенного по огромным территориям, доля межнациональных браков должна была существенно возрасти. Тем более что в новых условиях существования внутриэтнический социальный контроль у калмыков резко ослабел (Намруева 2008).

У нас нет точных данных об уровне межнациональной брачности калмыков в период депортации, но есть серьезные основания полагать, что после возвращения в республику, в условиях восстановленного компактного проживания калмыков, этот показатель снова существенно сократился. В конце 1950-х годов он составлял у титульного народа Калмыкии порядка 6,5-7,0% (Каспаров 1974: 83). Однако процессы социокультурной модернизации республиканского социума способствовали новому росту данного показателя. По расчетам специалистов, в 1970-1980-е годы доля межнациональных браков у населения Калмыкии составляла 15-16% (Ванькаев 1984: 80-87). У титульного народа республики она могла быть на несколько ниже (порядка 11-14%).

Очевидно и то, что уровень межнациональной брачности у калмыков, проживавших в других российских регионах (за пределами юга России), в это время с большой вероятностью был существенно выше. Учитывая малые размеры таких групп, есть основания полагать, что показатель межнациональной брачности у них в последние десятилетия советского периода был как минимум в 1,5-2 раза выше, чем в самой Калмыкии (т. е. составлял порядка 20-30% или больше).

Смешанное потомство таких браков регистрировалось по национальности одного из родителей. Такой учет мог как сокращать, так и увеличивать численность каждой из территориальных групп калмыков. Но основными брачными партнерами калмыков в большинстве российских регионов были русские. Даже в самой Калмыкии на них приходилось более 43% всех межнациональных браков титульного населения (Ванькаев 1989: 20-22). За пределами республики этот показатель был много выше. Известно, что большая часть смешанного потомства калмыцко-русских семей в Калмыкии в советский период выбирала русскую самоидентификацию (Намруева 2013: 174).

В других российских регионах предпочтение русской идентичности в смешанных семьях было уже абсолютно доминирующим.

Таким образом, ассимиляционные процессы активно работали на демографическую депопуляцию калмыцкого населения в российских регионах. Но значение данного фактора в количественной динамике всего народа оставалось минимальным в силу незначительного размера данных территориальных групп. Этого нельзя сказать о самой Калмыкии, в которой ассимиляционный процесс в последние 2 десятилетия советского периода мог заметно влиять на численность титульного народа (а значит, и всех калмыков РСФСР и Советского Союза). Об этом, в частности, свидетельствует общая динамика численности калмыков СССР. За период 1970-1979 гг. их число выросло на 6,9% (с 137,2 до 146,6 тыс.), в самой Калмыкии – на 10,8% (с 110,3 до 122,2 тыс.). Учитывая, что международная миграция у калмыков в данный период почти отсутствовала, изменение их численности в пределах страны определялось результирующей естественного воспроизводства и ассимиляции, прежде всего, этими процессами у титульного населения самой Калмыкии, на которую в 1979 г. приходилось 83,3% всех калмыков СССР.

Среднегодовой показатель естественного прироста населения республики в 1970-е годы находился в диапазоне 14-14,5‰ (рассчитано по: (Социально-экономическое развитие... 1991: 22)). Но половину населения Калмыкии составляли русские и представители ряда крупных русскоязычных общин (украинцы, немцы и др.), имевшие естественный прирост в пределах 6-7‰. Данный показатель у калмыков в республике был кратно выше – порядка 21-23‰ (рассчитано по: (Всесоюзная перепись населения 1970; 1979)).

У калмыцкого населения вне Калмыкии этот показатель, учитывая более высокую долю горожан и более модернизированный характер поведения калмыков за пределами национального ареала, мог быть ниже на несколько промилле. Но данная группа составляла менее 17% численности народа и незначительно влияла на его общие воспроизводственные показатели. Учитывая это, естественный прирост калмыков в СССР за 1970-1979 годы составлял порядка 19-20% – почти в 3 раза выше результата, полученного переписью. Есть основания полагать, что одной из основных причин данной демографической «недостачи» являлась межнациональная брачность, существенно выросшая у калмыков в последние десятилетия советского периода (Ванькаев 1989: 22-23; Намруева 2008: 169). Большинство смешанного потомства калмыcko-русских семей, которые абсолютно доминировали в группе межнациональных браков, как уже отмечалось, предпочитало считать себя русскими (Намруева 2013: 174; Хойт 2008: 191-192).

В пределах самой Калмыкии темпы ассимиляции были незначительными. Но из-за общей концентрации калмыцкого народа в своей автономии именно в ней общие масштабы ассимиляционного процесса были наиболее велики. В других регионах РСФСР и в союзных республиках СССР уровень межнациональной брачности калмыков и связанной с ней ассимиляции смешанного потомства были много выше, но абсолютные размеры последней ограничивались небольшой численностью местных общин.

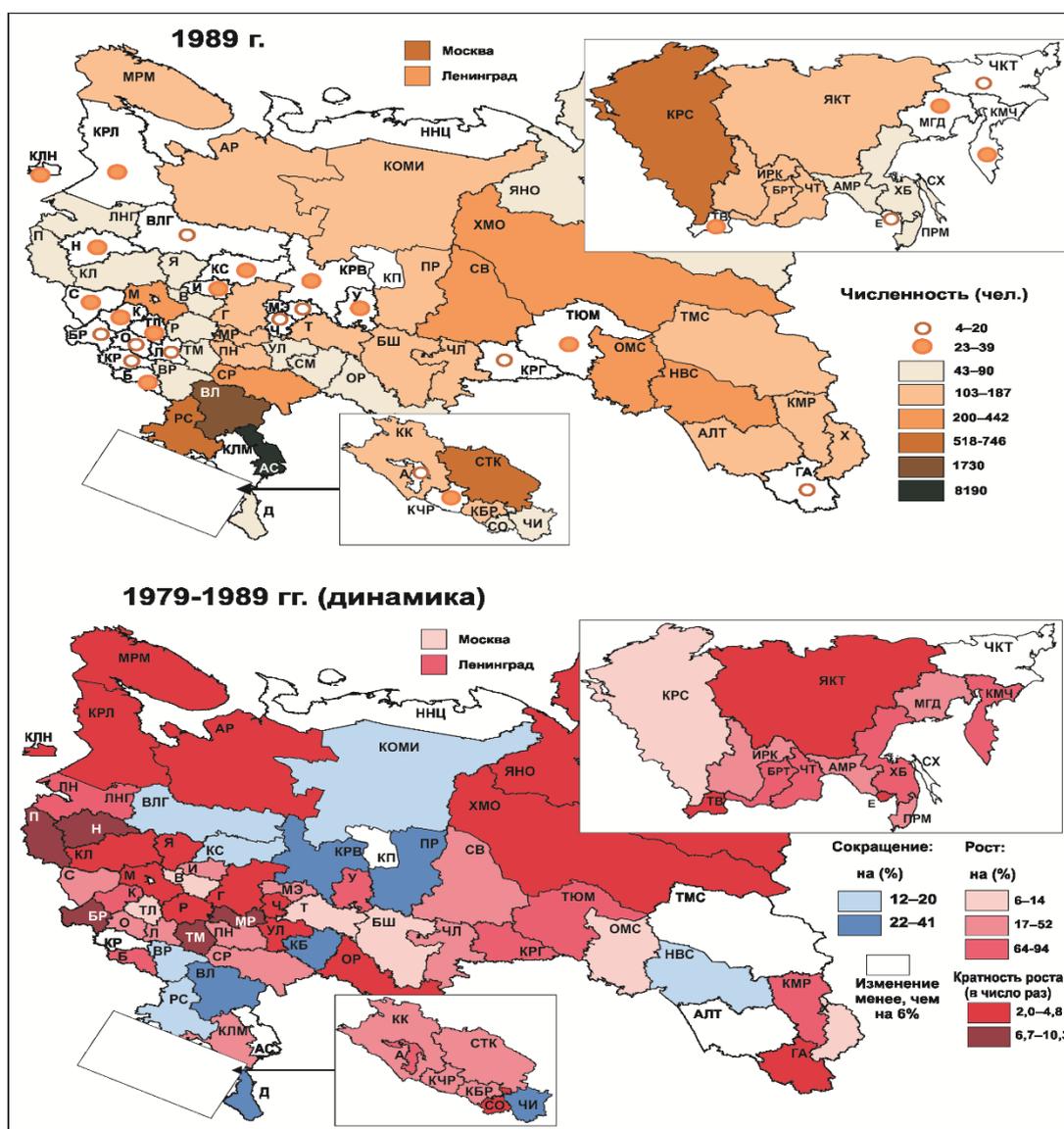
Но необходимо учитывать известный формализм чисто количественных показателей, фиксируемых переписью, не способных отразить сложное содержание происходивших этнодемографических процессов. Национальная идентичность представителей группы биэтнофоров в любом случае представляла сложную переменную, изменения которой зависели от сочетания множества социальных факторов.

Что в частности и подтвердила динамика численности калмыков в последнее советское десятилетие.

1980-е годы

Последнее советское десятилетие продолжило геодемографические тренды, проявившие себя в 1970-е годы. Калмыки демонстрировали устойчивый количественный рост в пределах своей республики. А параллельно ускоренно росли многие региональные группы калмыцкого населения России. За период 1980-1989 годы численность калмыков увеличилась в 66 российских регионах (в 16 из них в 2-11,3 раза), сократилась только в 15 (рисунок 4). Тем самым, продолжился второй последепортационный этап геодемографической динамики, связанный с расширением расселенческого ареала калмыцкого народа и социально-экономическим освоением его представителями новых территорий в пределах РСФСР.

Рисунок 4. Численность калмыков в регионах РСФСР (1989) и их количественная динамика, 1979-1989

Источник: Составлено автором по (Всесоюзная перепись населения 1979; 1989).

Максимальный рост продемонстрировали территориальные группы Волго-Вятского района (174%), Дальнего Востока и Северо-Запада (80-95%), центральной России (43-68%). Впервые со второй половины 1950-х годов увеличилось калмыцкое население в Сибири (на 23-25%). А ряд сибирских регионов пополнил группу административных образований, привлекавших новых мигрантов из Калмыкии (в Горном Алтае и Туве число калмыков выросло в 1980-е годы в 2,5 раза, в Читинской и Кемеровской областях на 76-82%). Устойчивую депопуляцию продолжали демонстрировать только общины из сопредельных Калмыкии регионов юга России (Астраханская, Волгоградская и Ростовская области).

Доминанта положительной демографической динамики определяла и рост общей размерности региональных групп калмыков. Если в 1979 г. 24 из них превышали 100 человек, то в 1989 г. таких стало 32; с 17 до 22 выросло число групп размером в 50-100 человек. В свою очередь с 12 до 2 сократилось число российских регионов, в которых проживало 10 и менее калмыков (таблица 6).

Таблица 6. Количество региональных групп калмыков разного размера, 1959, 1970, 1979, 1989 гг., единиц

Годы	Размер групп (тыс. человек)					Размер групп (чел.)							
	50-150	10-13	5-10	3-5	1-3	501-1000	301-500	101-300	51-100	31-50	11-30	1-10	нет
1959*	1	1		2	7	2							
1970	1		1	1		4	1	12	15	6	20	18	5
1979	1		1		1	4	1	17	11	10	23	12	-
1989	1		1		1	5	3	22	18	17	14	2	-

Источник: Составлено автором по данным (Всесоюзная перепись населения 1959; 1970; 1979; 1989).

Примечание: * – Данные только по крупным региональным группам.

Значительные темпы роста численности калмыков в регионах центральной России, Северо-Запада, Севера, Дальнего Востока свидетельствовали о сохранении центральной роли миграционного фактора в количественной динамике местных территориальных групп. Доминировал данный фактор и в регионах, терявших калмыцкое население (нижнее Поволжье и степное Предкавказье), но уже вследствие достаточно масштабного оттока. Только в самой Калмыкии и небольшом числе других регионов динамика калмыков в данное время преимущественно определялась естественным воспроизводством.

В полной мере сохранилась в 1980-е годы и другая демографическая тенденция предыдущего десятилетия – опережающий прирост в российских регионах женского калмыцкого населения. Особенно отчетливой она была на Севере, Урале, в Волго-Вятском районе и на Дальнем Востоке. Большинство новых территориальных групп продолжало оптимизировать свою половую структуру, постепенно сокращая мужской перевес. Число регионов, в которых на 100 женщин приходилось 70-150 мужчин, в 1980-е годы выросло с 25 до 45, а территорий с 2-кратным и более мужским перевесом сократилось с 29 до 17.

Как уже отмечалось, сбалансированная гендерная структура – один из показателей укоренения этнической группы на новом месте. Тем самым, значительная часть территориальных групп калмыцкого населения РСФСР к концу советского периода демонстрировала достаточно серьезные успехи в этом комплексном процессе. И такие группы количественно доминировали уже во всех макрорегионах РСФСР (рисунок 5).

Известной спецификой обладала расселенческая динамика. В центральной России, Волго-Вятском районе, на Среднем и Верхнем Поволжье, в которых уже в 1970-е годы был достигнут максимальный уровень урбанизации местных калмыков (91-93%), в последнее десятилетие советского периода фиксировалось определенное снижение данного показателя. В большинстве других регионов рост урбанизированности продолжился, но более медленным темпом (таблица 7). К концу 1980-х годов в большинстве российских регионов 70-85% калмыков были горожанами. Устойчиво увеличивалась доля городского населения и у титульного народа самой Калмыкии (рост за 1980-1989 гг. с 43,7 до 49,6%) (таблица 8).

Таблица 7. Численность, уровень урбанизации и гендерное соотношение калмыков по административно-экономическим районам РСФСР, 1970, 1979, 1989 гг.

Макрорегионы	Численность, чел			Уровень урбанизации, %			Число мужчин на 100 женщин		
	1970	1979	1989	1970	1979	1989	1970	1979	1989
Центральный	654	887	1495	87	93,5	86,2	196	102	90
Центрально-Черноземный	57	116	166	86	92,2	68,7	235	142	155
Северо-Западный	191	332	649	82,7	95,2	93,4	169	78	99
Северный	99	246	387	75,8	69,9	71,8	371	565	239
Северо-Кавказский	1925	1710	1812	54,3	65,4	67,8	154	134	115
Нижнее Поволжье	124720	133140	156239	34,3	42,1	48,2	94	95	96
Верхнее и Среднее Поволжье	245	440	560	86,9	94,3	78,9	362	159	129
Волго-Вятский	82	133	369	78	94	54,5	382	375	108
Уральский	578	554	704	68,5	83,8	78,4	331	347	168
Западно-Сибирский	1661	1360	1673	55,7	62	69,5	246	229	195
Восточно-Сибирский	884	866	1084	62,9	68,5	70,8	172	156	123
Дальневосточный	230	319	576	68,3	76,5	73,8	207	216	140

Источник: Составлено автором по данным (Всесоюзная перепись населения 1959; 1970; 1979; 1989).

Таблица 8. Уровень урбанизации и гендерное соотношение у калмыков Калмыкии, РСФСР, СССР, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

Территории	Уровень урбанизации, %				Число мужчин на 100 женщин			
	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
Калмыкия	20,6	36,8	43,7	49,6	90	93	94	95
РСФСР (без Калмыкии)	26,4	30,1	43,8	50,5	109	125	130	116
Союзные республики	48,9	38,0	37,3	42,0	120	127	127	114
СССР	24,0	35,8	43,5	49,4	97	99	99	98

Источник: Составлено автором по данным (Всесоюзная перепись населения 1959; 1970; 1979; 1989).

Все отмеченные выше геодемографические тренды отчетливо прослеживались до середины 1980-х годов, а по мере втягивания СССР в период системного кризиса начали быстро меняться. Нарастающая политическая и социально-экономическая дестабилизация страны поменяла на обратный вектор миграционной активности калмыков.

Отток титульного населения из Калмыкии сменился возвращением многих калмыков из российских регионов в свою республику. Однако в полной мере данная тенденция оформилась только к началу 1990-х годов, уже после переписи 1989 г., которая по сути зафиксировала геодемографическую ситуацию к моменту завершения второго этапа последепортационной динамики калмыцкого народа.

Впрочем, в результатах переписи 1989 г. все же успела найти свое отражение социоэтнокультурная трансформация калмыцкого общества периода перестройки. Данное время было связано с комплексным возрождением национальных традиций практически всех народов СССР, массовым ростом интереса к своей истории и культуре. Интернациональная коммунистическая идеология как один из центральных факторов ассимиляционного процесса быстро сдавала свои позиции. А с ней менялся и вектор ассимиляции, что было особенно отчетливо заметно в самой Калмыкии, у титульного населения которой в 1980-е годы останавливается рост как числа, так и удельного веса межнациональных браков (Ванькаев 1989), а часть русско-калмыцких биэтнофоров, ранее самоопределявшихся как русские, возвращается к своим местным этнокультурным корням и начинает выбирать калмыцкую самоидентичность (Хойт 2008: 192). В свою очередь в межнациональных семьях родители (один из которых калмык) значительно чаще, чем раньше, во время переписи записывали своих детей в калмыки.

Перечисленные процессы находят свое прямое отражение в результатах переписи 1989 г., зафиксировавшей рост калмыцкого населения СССР в последнее советское десятилетие на 19,7%, т. е. почти в 3 раза больше, чем в 1970-е годы. Между тем естественный прирост у калмыков в своей республике (как и в других регионах страны) практически не изменился, сохранившись на уровне 19-21‰ (заметим, что и у всего населения Калмыкии данный показатель в среднегодовом исчислении остался на уровне 1970-х годов – в пределах 14-14,5‰). Таким образом, уровень естественного прироста за 1979-1989 гг. практически полностью совпадает с показателем общего демографического роста калмыцкого народа в данный период, что позволяет говорить о почти полной остановке процесса ассимиляции калмыков в данное время.

В действительности последний, очевидно, представлял сложное, многосоставное явление. Если в пределах самой Калмыкии во второй половине 1980-х годов мог уже полностью доминировать тренд на этническую титулизацию биэтнофоров, то у смешанного калмыцкого населения других российских регионов (тем более других союзных республик) все еще продолжал преобладать тренд на «растворение» в окружающей этнокультурной среде. Эти противоположные составляющие ассимиляционной динамики в 1980-е годы компенсировали друг друга, а их результирующая в масштабах СССР могла быть близкой к нулю.

Выводы

Анализ количественной, пространственной и расселенческой динамики калмыков в 1960-1980-е годы позволяет выделить в данном геодемографическом процессе два крупных периода. Первый связан с возвращением депортированного в восточные регионы СССР калмыцкого населения на нижнее Поволжье в пределы своей автономии. Этот период пришелся на конец 1950-х – начало 1970-х годов и в пространственном аспекте характеризовался некоторым сокращением географии расселения калмыков в пределах РСФСР, прежде всего в регионах их ссылки. Сокращается общее их число за пределами

Нижнего Поволжья и происходит общая территориальная перецентрировка этого населения. Если в конце 1950-х годов в РСФСР (за пределами юга России) было расселено 15,9 тыс. калмыков, из которых 11,6 тыс. (73%) приходилось на Сибирь, то в 1970 г. осталось только 5,4 тыс., в том числе 2,54 тыс. (47,0%) в сибирских регионах.

Но к концу 1960-х годов параллельно с тенденцией на сокращение географии расселения калмыков в РСФСР и концентрацию их в Калмыкии начинает формироваться обратный тренд, связанный с появлением новых локальных групп во многих российских регионах. Эти группы, преимущественно состоявшие из учебных и трудовых мигрантов, ориентировались на города. Для их гендерной структуры, как правило, был характерен многократный мужской перевес. Но заметный рост гендерного дисбаланса в этот период обнаруживается и у калмыков в регионах их бывшей ссылки.

Второй период геодемографической динамики приходится на вторую половину 1970-х – 1980-е годы. В это время проявившие себя в конце предыдущего периода тренды становятся доминирующими. Калмыки расширяют свою географию в пределах РСФСР. Быстрый демографический рост демонстрируют десятки региональных групп. Этот рост идет преимущественно за счет притока женского населения, что указывает на оптимизацию гендерной структуры этих групп и комплексное укоренение в своих регионах.

Заметную роль в геодемографической динамике калмыков в 1970-1980-е годы начинает играть ассимиляционный процесс, связанный с выросшим уровнем межнациональной брачности. В 1970-е годы ассимиляция способствовала замедлению роста численности калмыков, прежде всего вследствие обрусения русско-калмыцких биэтнофоров. Однако во второй половине 1980-х годов процесс этнокультурного возрождения калмыцкого народа меняет вектор ассимиляции и заметная часть смешанного населения (по крайней мере, в самой Калмыкии) возвращает калмыцкую идентичность.

В целом же в 1960-1980-е годы калмыки демонстрируют более чем 1,6-кратный демографический рост, ощутимо расширяют свою географию в пределах РСФСР, укореняясь в десятках российских регионов и трансформируясь из сельского в национальное сообщество с равной долей горожан и сельских жителей.

Литература

- Авлиев В.Н. (2004). Калмыцкое народонаселение в конце XIX – XX вв. (Историко-демографическое исследование) (Дис. канд. ист. наук: 07.00.02) Элиста.
- Бакаев Б.Д. (2003). О трагедии в истории калмыцкого народа. Элиста: Джангар.
- Бугай Н.Ф. (1995). Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: АИРООХХ.
- Бугай Н.Ф., Гонов А.М. (1998). Кавказ: Народы в эшелонах (1920–1960-е годы). М.: ИНСАН.
- Ванькаев Ю.К. (1984). Гетерогенная семья как характерная черта социалистического образа жизни. *Национальные и интернациональное в образе жизни населения Калмыцкой АССР* (сс. 80–87). Элиста: Республиканская типография.
- Ванькаев Ю.К. (1989) Межнациональные браки и семьи в Калмыцкой АССР. *Совершенствование межнациональных отношений в республике: опыт и перспективы* (сс. 22-22). Элиста: Калмыцкое книжное изд-во.

- Всесоюзная перепись населения 1959 года (1959). *Демоскоп Weekly*.
http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php (данные загружены 22.01.2021).
- Всесоюзная перепись населения 1970 года (1970). *Демоскоп Weekly*.
http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php (данные загружены 23.01.2021).
- Всесоюзная перепись населения 1979 года (1979). *Демоскоп Weekly*.
http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php (данные загружены 25.01.2021).
- Всесоюзная перепись населения 1989 года (1989). *Демоскоп Weekly*.
http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89 (данные загружены 25.01.2021).
- Каспаров Э. Л. (1974). Динамика рождаемости и брачности в Калмыцкой АССР. Элиста: Калм. кн. изд-во.
- Максимов К.Н. (2004) Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. М.: Наука.
- Максимов К.Н. (2011). Мифы доктора Долля. *Военно-исторический журнал*, 3, 29-33.
- Намруева Л.В. (2013) Отношение к межэтническим бракам в современной Калмыкии. *Этнографическое обозрение*, 2, 168–176.
- Намруева Л.В. (2008) Семья как фактор воспроизводства идентичности: социологический подход. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*, 4, 93–96.
- Очирова Н. Г. (2013). Насильственное переселение калмыцкого народа и проблемы демографии. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*, 3, 2013, 40-45
- Бакаев Б.Д. (2003). О трагедии в истории калмыцкого народа. Элиста: Джангар.
- Полян П. (2001). Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ.
- Социально-экономическое развитие регионов РСФСР. Сборник статистики (1991). М.: Госстат.
- Убушаев В.Б. (1991). *Калмыки: выселение и возвращение*. Элиста: Санан.
- Убушаев В.Б., Убушаев К.В. (2007). *Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 годы*. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та.
- Хойт С.К. (2008). Проблема метисации в калмыцком обществе. *Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов* (с. 184-195). Вып. 2. Элиста: Изд-во КГУ.

**Брак и антихрист: столетие
противостояния браку среди
крестьянок Спасова согласия**
Абы Саррафович Шукюров
(sukurovaby@gmail.com),
независимый исследователь.

**Marriage and the antichrist: a century
of opposition to marriage among
peasant women of the Spasovo
Soglasie**
Aby S. Shukyurov
(sukurovaby@gmail.com),
independent researcher.

Резюме: Рецензия на книгу Джона Бушнелла – американского историка, профессора Северо-Западного университета колледжа Вайнберга (США). В основе книги – описание практики безбрачия в XVIII-XIX веках у крестьянок из среды старообрядцев Спасова согласия и его влияние на жизнь крестьянских дворов. Автор серьезным образом дополняет и углубляет имеющиеся представления о разнообразии типов брачности среди крестьян в Российской империи. В какой степени ранняя и всеобщая брачность была универсальной моделью для представителей всех направлений православия? Книга будет полезна для широкого круга интересующихся российской историей, начиная от крестьяноведов, демографов и историков периода Российской империи, и заканчивая рядовым читателем.

Ключевые слова: Спасово согласие, история безбрачия, старообрядцы-беспоповцы, ревизские сказки, исповедные ведомости, сопротивление браку, крестьянство, Российская Империя.

Для цитирования: Шукюров А. С. (2022). Брак и антихрист: столетие противостояния браку среди крестьянок Спасова согласия. Демографическое обозрение, 9(3), 115-120. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16473>

Abstract: Review of a book by John Bushnell, American historian, professor at Northwestern University, Weinberg College (USA). The book is based on a description of the practice of celibacy in the XVIII–XIX centuries among peasant women from among the Old Believers of the Spasovo Soglasie and its impact on the life of peasant households. The author seriously supplements and deepens existing ideas about the variety of types of marriage among peasants in the Russian Empire. To what extent was early and universal marriage a universal model for representatives of all branches of Orthodoxy? The book will be useful for a wide range of people interested in Russian history, from scholars of peasant studies, demographers, and historians of the period of the Russian Empire to the average reader.

Keywords: Spasovo Soglasie, the history of celibacy, bespopovtsy old believers, census records, isповедные ведомости, resistance to marriage, the peasantry, the Russian Empire.

For citation: Shukyurov A. (2022). Marriage and the antichrist: a century of opposition to marriage among peasant women of the Spasovo Soglasie. Demographic Review, 9(3), 115-120. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16473>

Джон Бушнелл – малоизвестное имя для российских демографов. Гораздо больше о нём знают специалисты по военной истории России, и в последнее время специалисты по старообрядцам. С 1980 по 2020 г. он был сотрудником департамента истории Северо-Западного университета колледжа Вайнберга (США), в котором занимался военной историей России, крестьяноведением и постсталинским периодом СССР¹. Автор не одно десятилетие знаком с жизнью в России: уже в середине 1970-х годов Джон Бушнелл работал переводчиком в издательстве «Прогресс» и в Московской патриархии.

Среди его опубликованных работ: «Mutiny amid Repression» (1985), «Moscow Graffiti» (1990) и книга «Russian peasant women who refused to marry: Spasovite old believers in the 18th-19th centuries» (2017). Последняя книга была переведена и опубликована в 2019 г. издательством «Новое литературное обозрение» под не очень удачным названием «Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок». В оригинале название книги звучит менее провокативно и более конкретно, а именно «Русские крестьянки, отказавшиеся выйти замуж: спасовские старообрядцы XVIII-XIX вв.». Но даже из этих отличающихся друг от друга названий нам становится ясна попытка автора заняться более глубоким изучением разнообразия моделей брака в России периода империи, поставить под сомнение широко распространенные представления о тотальной универсальности раннего и всеобщего брака среди русских крестьянок.

Джон Бушнелл реконструирует брачные практики крестьянок из среды старообрядцев Спасова согласия, обращаясь к исповедальным ведомостям и ревизским сказкам, хранящимся в федеральных и региональных российских архивах, среди которых Владимирский архив, Центральный архив Нижегородской области, Государственный архив Рязанской области и другие. Автор приходит к выводу о катастрофически высоком уровне безбрачия среди крестьянок Спасова согласия, что в конечном итоге привело многие деревни к демографическим катастрофам, о которых мы расскажем ниже.

Автор занимался подготовкой книги о брачных традициях старообрядцев в России, когда в ходе работы в архивах наткнулся на необычные материалы, которые и стали фундаментом его книги. В поле зрения Бушнелла попали исповедные ведомости конца XVIII века из прихода села Купля Гороховецкого уезда Владимирской губернии, из которых следовало, что практически половина местных крестьянок в возрасте до 25 лет были не замужем. Как отмечает автор: «*Даже эта цифра сильно преуменьшает сопротивление случковских² женщин браку: ревизские сказки показывают, что из всех женщин, родившихся в этой деревне и достигших возраста 25 лет в период между 1763 и 1795 гг., целых 70% остались незамужними...*» (Бушнелл 2020: 5)³. В дальнейшем автор сопоставил комплект ревизских сказок с середины XVIII до середины XIX века и пришел к выводу, что демографическая история брачности в других селах с высокой долей старообрядцев схожа с демографической историей брачности прихода села Купля.

Оценка численности староверов и членов Спасова согласия имеет ряд трудностей: во-первых, учитывая размах принятых в отношении них государством преследований и ограничений, они предпочитали записываться как православные: «*Они крестились в*

¹ <https://www.scholars.northwestern.edu/en/persons/john-starkes-bushnell>

² Случково — одна из деревень прихода села Купля.

³ Далее при цитировании данной книги будут указаны только номера страниц.

церкви, венчались в церкви и перед венчанием исповедовались и причащались в церкви. Приходские священники обычно включали их в списки православных...» (6). Критерии Министерства внутренних дел Российской империи, на основе которых человека причисляли к старообрядцам, были косвенными, а именно – отсутствие человека на ежегодной исповеди по наречению и наличие причащения, но не исповеди.

Другая причина – занижение численности старообрядцев по отношению к православному населению, что объяснялось взяточничеством среди священников и их страхом передать неутешительные данные на более высокий уровень церковной иерархии. Павел Иванович Мельников, чиновник по особым поручениям Министерства внутренних дел, занимавшийся исследованием и борьбой со старообрядцами, оценивал их численность на 1859 г. в 9 млн 300 тыс. Д. Бушнелл считает эту оценку заниженной, так как *«Мельников, похоже, не знал о наличии – и это впоследствии станет очевидно – большого количества спасовцев также и в Костромской и Ярославской губерниях, где их было, возможно, больше, чем в любой другой из названных им губерний, кроме Нижегородской...»* (19). Если говорить о спасовцах, то их количество в середине XIX века, по мнению автора, равнялось минимум одному миллиону, а в первом десятилетии XX века – от 2,5 до 3 млн.

Книгу можно разделить на 2 крупные части: в первой автор рассказывает о моральной экономике браков среди русских крестьян, а во второй рассматривает вопрос сопротивления браку среди крестьянок Спасова согласия и среди других направлений раскольничества.

В первой части Д. Бушнелл подробно останавливается на экономической стороне браков, называя это брачным рынком. В Российской Империи существовали различные виды дополнительных сборов, которые крестьяне должны были платить, и одним из таких сборов были выводные, которые платились в том случае, если крестьянка выходила замуж за крестьянина не из своей вотчины. Размер выводных был фиксированным по всем именьям. Существовала рыночная цена, но в некоторых случаях помещики могли устанавливать непомерный для крестьян размер выводных, как это сделал граф Борис Шереметев, поднявший цену с 25 коп. до 5 руб. в 1717 г. Крестьяне восприняли эту меру с явным недовольством, и в итоге Шереметев вернул сумму выводных на прежний уровень. Как отмечает автор: *«Долгое время русские помещики признавали право крепостных на заключение браков по собственному усмотрению и тот вред, который мог быть нанесен попытками регламентировать браки крепостных или нажиться на них...»* (29). Имел место устный договор, согласно которому брак представлял собой процесс обмена женщинами между различными именьями. Зачастую аргумент о том, что крестьянин выдал свою дочь замуж за крестьянина из другого имения, предполагал возможность просить в челобитной для его сына жену из другого имения. Наличие полноценной семьи было необходимым элементом для поддержания жизни двора и в особенности для поддержания жизни бедного двора.

Эти принципы оставались актуальными до 1750-х годов, после чего значительная часть дворянства отказалась от единой позиции и стала активно контролировать браки крестьян. Д. Бушнелл приводит многочисленные свидетельства того, как помещики налагали ограничения на переход девиц в другую вотчину при замужестве, считая, что это приведет к обеднению имения. Методы контроля могли быть разными, включая полный запрет на переход в другое имение или увеличение размера выводных. Другим вопросом,

который заботил дворян, была брачность крестьянок: они начали вмешиваться и в этот процесс, заставляя их выходить замуж. Контроль над брачностью заключался в установлении предельного брачного возраста, который, как правило, равнялся 20 годам. За нарушение предполагались штрафы и (в крайнем случае) высылка протестующей женщины.

Вместе с тем автор призывает нас быть осторожными при анализе политики помещиков в отношении браков и не воспринимать её как агрессивную политику принуждения, поскольку *«универсальный и относительно ранний брак — это, скорее, было то, к чему местные крестьяне сами прилагали все усилия»* (57). Отсутствие мужа у женщины считалось чем-то постыдным и противоестественным, хотя такой подход был больше распространен там, где взрослые незамужние женщины действительно были редкостью.

Так почему же после 1750-х годов помещики вторгаются в брачную жизнь крестьянок? Дело в том, что в некоторых имениях женщины действительно отказывались выходить замуж. На это жаловались крестьянские мужики, жалобы которых и открыли помещикам глаза на проблему. Наличие высокой доли незамужних и поздней брачности стало угрозой для помещиков, *«тормозя таким образом образование тягла, ядром которого в большинстве имений являлась супружеская пара»* (67).

Во второй части работы нас подводит глава, в которой помещики начали понимать, что важной причиной отказа от брака являлась принадлежность крестьянок к сообществу староверов.

Д. Бушнелл демонстрирует многочисленные таблицы, где рассчитана доля окончательного безбрачия среди крестьянок и крестьян, при этом в качестве нижней планки автор берет 25 лет. Автору существенно помогли ревизские сказки, благодаря которым он сумел определить долю состоявших в браке и географию поиска жен мужиками. Автор учитывает такую проблему как возрастная аккумуляция, оценивая погрешность в $\pm 1-2$ года.

Анализируя географию безбрачия, автор пишет, что *«незамужние женщины в значительных количествах находились [...] в сопредельных Ярославской, Костромской и Нижегородской губерниях, и есть недвусмысленные свидетельства того, что женщины, противящиеся браку, были из старообрядцев»* (97). Кроме того, высокое сопротивление браку было сконцентрировано и во Владимирской губернии. В то же время это не было характерно для Московской, Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской и других губерний к югу и западу от Москвы.

Центральное место в книге занимает приход села Купля Гороховецкого уезда. Д. Бушнелл обращает внимание, что *«мы можем проследить здесь появление неприятия брака уже в начале XVIII в. и увидеть, как к концу столетия оно достигает таких масштабов, что ставит под угрозу выживание местной общины»* (125). Среди тех, кто оставались безбрачными в селе Купля, основную долю составляли старообрядцы Спасова согласия. В 1763 г. около 67% жителей в селе Купля не были местными, а между 1763 и 1782 г. их доля равнялась 65%. Мужчинам было крайне трудно найти жену в пределах 10 км, так что порой они преодолевали рубеж в 20 км.

При этом между деревнями прихода села Купля имели место серьезные различия. Если в деревне Пешково доля окончательного безбрачия среди женщин в 1795 г.

составляла 6%, то в деревне Случково – 44,3%. Согласно ревизской сказке 1795 г. члены 14 дворов из 25 в деревне Случково состояли по большей части из старообрядцев. К концу XVIII века 70% женщин этой деревни отказались вступать в брак. Аналогичная ситуация наблюдалась и в поморских дворах, и в тех дворах, где было сильно присутствие староверов-беспоповцев: *«Неприятие замужества неуклонно разрасталось и к 1795 г. стало практически всеобщим явлением в д. Случково, а к 1830 г. и среди спасовцев д. Алёшково, к каковому моменту оно захлестнуло также д. Пешково. Перемена почти наверняка состояла в том, что во второй половине XVIII в. старообрядцы объединились в организованное сообщество (или сообщества), в котором отказ женщин от брака стал нормой»* (238).

Высокая доля безбрачных женщин-старообрядцев привела к тому, что демографическая нагрузка на двор увеличилась. Также росла напряженность в отношениях с соседями, которые не хотели выдавать своих дочерей во дворы, где практиковалась массовое безбрачие среди женщин. Но наиболее важным последствием отказа от брака стала гибель дворов.

Нельзя сказать, что все старообрядческие движения избегали брака. Наоборот, браки заключали в большинстве из них. С точки зрения автора, это значит, что отказавшиеся от замужества женщины принадлежали к тем направлениям старообрядчества, где отношение к браку было резко отрицательным. Д. Бушнелл считает, что большинство из таких дворов были спасовцами.

Нередко женщины сами принимали решение вступать или не вступать в брак. В тех селах, которые автор определяет как спасовские, брак был исключением из правил и родители поддерживали желание дочерей не выходить замуж. Автор приводит свидетельства, как родители выкупали своих дочерей за 350 руб. или устанавливали непомерную кладку для женихов: *«Твердая убежденность родителей в несправедности брака для женщин влияла на решения многих дочерей, и некоторые отцы и матери, вероятно, в своем стремлении удержать дочерей дома не ограничивались нравоучениями»* (173).

В чем же идеологическая, мотивационная основа высокого распространения безбрачия среди староверок Спасова согласия?

Основная идея староверов-беспоповцев заключалась в том, что мир, в котором мы живем, – это мир, в котором правит Антихрист: в нем больше нет никаких таинств и, следовательно, нет настоящих священников. А если в нем нет настоящих священников, то нет и возможности для заключения брака. Поэтому любой заключенный брак есть не что иное как блуд: *«Большинство отказывавшихся от брака молодых девиц, скорее всего, полагали, что у них есть веские причины оставаться старыми девами, поскольку они живут в мире, лишенном Божьей благодати и таинств, в мире, покинутом Богом, где они могут надеяться только на то, что их равнодушный Создатель – из одному Ему известных соображений – когда-нибудь проявит к ним интерес...»* (240).

Однако к середине XIX века крестьянки, принадлежавшие к Спасову согласию, начали выходить замуж. Этот коренной перелом был связан с решением, принятым на уровне религиозной общины и отменившим принцип, согласно которому женщины не должны вступать в брак. Таким образом, завершение истории сопротивления браку

позволяет нам с определенной степенью условности датировать период этого сопротивления 1750-1860 гг.

Джон Бушнелл проделал впечатляющую архивную работу. Он обратил внимание на документы, которые расширили наши представления о брачности среди русского крестьянства. Исследование Бушнелла помогает уточнить историю брачности в России. Книга более чем наполовину изобилует статистикой, что осложняет чтение рядовому читателю, ожидающего столкнуться с захватывающей историей, но определенно не может не радовать демографа, привыкшего к точному изложению фактов.

Вместе с тем, когда автор утверждает, что большинство жителей, сопротивлявшихся браку, были членами Спасова согласия, мы в действительности не можем быть уверены, что люди, о которых он говорит, были спасовцами. Бушнелл приводит косвенные свидетельства, которые так или иначе должны нам помочь идентифицировать их в качестве спасовцев. Но ведь не случайно в книге подчеркнуто, что замужества избегали отнюдь не только женщины из Спасова согласия: в первой половине XIX века к аналогичной стратегии прибегали женщины и из беспоповского Поморского согласия. Мы не исключаем, что часть старообрядцев, обозначенных как спасовцы, могли быть или федосеевцами, или поморцами.

Для демографа было бы интересно также посмотреть не только на судьбу реальных поколений отказавшихся от брака крестьянок, но и на то, как выглядела динамика индикаторов в различные годы, т. е. как себя вели демографические «условные поколения». Описание демографических последствий безбрачия было бы более убедительным при анализе рождаемости и смертности в вымирающих дворах.

Автор подробно останавливается на таких моментах, как влияние рекрутского набора и миграции крестьянок Спасова согласия на уровень жизнеспособности дворов. При этом он практически не пишет о сезонных особенностях брачности крестьян, что дало бы более полную картину истории брачности, особенно если учитывать, что по этой теме имеется достаточно материалов.

Согласно книге Д. Бушнелла, роль мужчины в сообществах Спасова согласия заключалась в том, чтобы поддерживать женщин на их нелегком пути. Иначе говоря, предполагалось, что готовность к самопожертвованию через безбрачие должны были проявлять женщины, а не мужчины, среди которых не наблюдалось значимых отклонений от привычной универсальной брачности. Означает ли это, что «экзистенциальное отчаяние», о котором пишет автор, было свойственно скорее женщинам, чем мужчинам?

Остается лишь надеяться – вслед за Д. Бушнеллом, – что «источники перестанут хранить молчание» (362), и в будущем мы сможем получить ответы на вопросы об эмоциональной жизни и убеждениях крестьянок Спасова согласия.

Литература

Бушнелл Дж. (2020). *Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок. Спасовцы в XVIII–XIX веках*. М.: НЛО.